

ИСТОРИКО-СОЦИАЛ.
ЭКОНОМИКА

7-11 2018

ВЕСТНИК ЖИЗНИ.

ИТОГИ ПОЛИТИКИ, НАУКИ,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

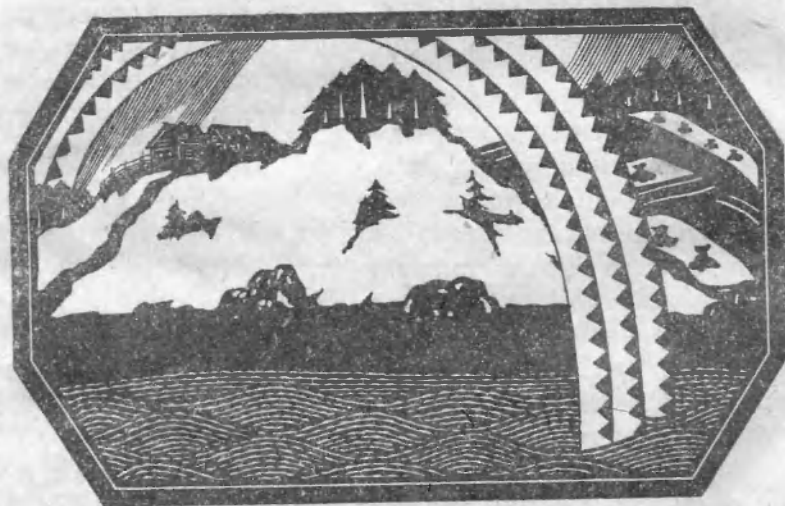

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.

Москва. — 1918.

и экз.

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

1918 г. №1

Г. СОРГИН

ИСКУССТВО

ОТ РЕДАКЦИИ.

В наши дни назрела потребность подвести итоги той грандиозной планомерной и методичной работе, которая произведена героическим российским пролетариатом во всех областях труда, мысли, творчества и борьбы за утверждение социалистического строя.

Каждая страница истории последнего года запечатлена не преодолимой властью пролетариата — этого класса-борца, класса-революционера, вечного и неутомимого героя, впервые в России разорвавшего фронт империалистской войны, превратив ее в гражданскую войну против желтого буржуазного интернационала — золота и биржи.

В плоть и кровь пролетариата уже воцели идеи мировой социалистической революции, он быстро изжил свою былую покорность империалистскому государству, и красный призрак коммунизма уже реет над прогнившим до основания буржуазным миром — уже явственно слышен стук в двери нового социалистического будущего.

Впервые в России была устранена от политической власти обанкротившаяся экономически буржуазия, и вот уже скоро год, как российская коммуна, окруженная со всех сторон мировой контр-революцией, последовательно, шаг за шагом — закладывает фундамент будущей мировой Советской республики.

В этой борьбе пролетариату удалось организовать свою красную гвардию не только на поле брани, но и во всех областях труда, мысли и творчества.

Задача нашего журнала — подвести итоги всему, что сделано октябрьской революцией — произвести отбор всему значительному, что удалось уже достигнуть, дать теорию и практику юных форм пролетарско-крестьянского быта, осветить жизнь тех многочисленных организаций, которые создал пролетариат на своем победном пути для многообразного достижения своей великой цели — утверждения социализма.

Мы ставим своей посильной задачей на страницах нашего журнала не только доказать неизбежность социалистического строя, но и показать, как он осуществляется у нас усилиями Советской власти — органа пролетарской классовой диктатуры.

Редакция надеется на активную поддержку всех пролетарских культурных, художественных и научных организаций, — а также на помощь всех органов грандиозного хозяйственного и политического Советского аппарата, которые облегчат нам достижение наших задач присылкой статистических данных, сводок, обзоров и др. материалов — для возможно более полного и отчетливого освещения теории и практики Советской власти *).

*) В виду ряда технических затруднений выход в свет журнала сильно замедлился, этим объясняется устаревший характер некоторых сведений и фактов.

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел I.

ПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НАУКА.

	Стр.
От редакции	5
Некролог. С. С. Трусевич (К. Залевский)	7
М. Ольминский. Эпизоды прошлого:	
Побег С. Трусевича	11
М. Урицкий	13
К. Залевский. Марксизм и революция	16
Его же. Судьбы пролетарской культуры	21
Ш. Дволайцкий. Что такое империализм?	25
В. Кряжсин. Империализм и Восток	32

Отдел II.

ЛИТЕРАТУРА.

В. Фриче. Исповедь странника (М. Горький)	39
М. Торве. Поэты из народа	45
Антология пролетарско-народнических поэтов: И. Морзов, Н. Клюев, С. Есенин, С. Клычков, А. Ширяевец, П. Орешин, И. Ионов, М. Герасимов, П. Логинов, А. Гастев, Самобытник, В. Кириллов, А. Поморский, Демьян Бедный.	50

Отдел III.

ИСКУССТВО.

Искусство и пролетарская революция	57
Н. Брюсова. Искусству	62
К. Залевский. Евгений Лярменс	64
Искусство в школе:	
Г. Щ. Музыка	67
К. Крайний. Изобразительные искусства	—
Художественная жизнь:	
С. Дымшиц-Толстая. Четыре месяца работы	71
Л. Бадаров. Революция и возрождение скульптуры	74
Г. Щетинин. Съезд учеников художников	75

Отдел IV.

НОВОЕ В ЖИЗНИ.

А. Т-ский. Высший Совет Народного Хозяйства	77
П. Крыжсин. Революционные трибуналы	81

	Стр.
<i>А—ш.</i> Сельско-хозяйственные коммуны	88
<i>О. Л.</i> Борьба за хлеб	91
<i>С. А. Ш—ш.</i> Трудовая школа	93
<i>В. К.</i> Друзья и враги Советской Власти	96
Обзор Социалистического движения на Западе	99

Отдел V.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Обзоры.

<i>М. Т.</i> Обзор журналов.	101

Отзывы о книгах.

Социальные науки.

<i>Богданов, А.</i> Между человеком и машиной (о системе Тэйлора).— <i>М. Бухарин, Н.</i> Программа коммунистов (большевиков).— <i>В. Залевский, И.</i> Роль интеллигенции в развитии Интернационала.— <i>В. Ильин В.</i> (Н. Ленин). Государство и революция.— <i>Н. Осинский. Крупная, Н.</i> Народное образование и демократия.— <i>А. Н. Милютин, В.</i> Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата.— <i>Р. Арский. Павлович, М.</i> (М. Вельтман). Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии.— <i>В. Г. Степанов, И.</i> От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии.— <i>Р. Арский.</i>	104

История.

<i>Пазлович, М.</i> (Мпк. Вильтм.). Азия и ее роль в миров. войне.— <i>В. Г.</i> 11 ⁴	11 ⁴
<i>Покровский, М.</i> Франция до и во время войны.— <i>И. Николитч.</i>	—

Критика и история литературы.

<i>Фриче, В.</i> Пролетарская поэзия.— <i>В. С.</i>	116

Искусство.

<i>Кежженцев, В.</i> Творческий театр.— <i>Вера Станевич.</i> Мелос. Сборник статей о музыке. Кн. I-ая.— <i>Г. Щ.</i>	117

Художественная литература.

<i>Богданов, А.</i> Красная звезда. Его же. Инженер Мэнни.— <i>А. Ам—ский.</i> Сборник пролетарских писателей.— <i>В. С. Франс, А.</i> Боги жаждут.— <i>В. Г.</i> Исход. лит. худ. альманах.— <i>В. Г.</i>	119

Новые книги	123

С. С. ТРУСЕВИЧ (К. Запевский).

Еще задолго до выхода настоящего номера, редакция нашего журнала понесла тяжелую потерю—умер ея редактор-организатор С. С. Трусевич.

Жизнь этого старого революционера была сплошной борьбой за дело рабочего класса.

По происхождению литовец, С. С. Трусевич в девятилетьях появляется в Вильне и сразу с головой окунается в начинающееся рабочее движение. Будучи уже в это время убежденным марксистом, он начинает организацию и воспитание масс в духе революционного социализма. Зажигает горячую работу, организуются кружки молодежи, рабочие митинги, происходят пропагандистские собрания. Трусевич является душой всех этих начинаний, несмотря на то, что материальное положение его и его

семья было ужасным, и им приходилось существовать на 15 руб. в месяц, ютась где-то на чердаке.

Между тем самоотверженная работа С. Трусевича начинает давать плоды, рабочие организуются и то на одном, то на другом заводе вспыхивает стачка.

Основными началами, проникавшими тогдашнюю работу С. Трусевича были: стремление вырвать рабочий класс из пут национализма, с особой силой владевшего тогда умами революционно настроенной буржуазной интеллигенции и стремление тесно связать его с польским и обще-русским рабочим движением.

Режим кровавого царя не мог, конечно, примириться с этим движением, развивавшимся исполинскими шагами.

В конце 90-х годов происходит разгром

польско-литовских социал-демократических организаций. Не избегал общей участи, конечно, и Трусович. Поводом к его аресту послужила найденная при нем, собственноручно написанная им прокламация. Во время обыска он пытался преподнести ее, но жандармы, заметив это, бросились на него и стали давить его горло, пока бумага вместе с кровью не выскочила обратно.

Его томнили два года в тюрьме, причем в это время умерла от пугды его единственная горячо любимая дочь, и затем отправили в ссылку в Сибирь.

В начале нового столетия ему удалось бежать из ссылки и он снова возвратился к насильственно прерванной революционной работе, ведя ее как в России, так и за границей. Это была тяжелая эпоха в истории польско-литовского рабочего движения. Разгромленное царским правительством, оно начинает все более и более проникаться националистическими тенденциями, проводником которых является польская социалистическая партия.

Только что вернувшись из ссылки, С. Трусович тотчас же вступает в ожесточенную борьбу с этим социал-патриотизмом. Путешествуя, разумеется нелегально, по всей Польше и Литве, кочуя из города в город, он создает ряд социал-демократических элевых ячеек. И, наконец, Польская социал-демократическая партия не возрождается заново. В эту эпоху С. Трусович издает журнал *Sprawa Robotnicza* (Рабочее Дело), выпускает партийные прокламации (при помощи гутапержевого карманного шрифота), принимает живейшее участие в заграничных социалистических съездах.

После удручения революции 1905 года, Трусович вторично попадает в руки польских жандармов и, будучи освобожден под залог, — эмигрирует за границу.

Внутренние партийные неурядицы заставляют его на короткое время сойти со своего пути и вступить в связь с меньшевиками.

Приходясь за границей, С. Трусович опять

переживает крайнюю материальную нужду, которая не мешает ему, однако, изучать европейское искусство, посещать все значительные музеи и заниматься оживленной литературной работой.

За время своей более, чем 30-летней политической работы, С. Трусович написал массу статей и брошюр по вопросам политики, социологии и искусства, печатая их в польско-литовских нелегальных журналах, а также в «Современном Мире» и в «Вестнике Европы». Одними из последних его работ, написанными уже в России, после февральской революции, были: «Национальный вопрос и Интернационал», «Роль интеллигенции в развитии Интернационала» и еще одна вышедшая брошюра «Пролетариат и искусство».

Революция 1917 года вернула С. Трусовича в Россию, а также в ряды революционного пролетариата. Снова, как и 15 лет тому назад, он погружается в самую гущу политической работы, вступив в ряды партии большевиков.

Он сотрудничает в «Правде», а затем, после октябрьской революции, в «Известиях Ц. И. К.», заведая в последней газете отделом «В оккупированных областях», принимает горячее участие в создании московского «Пролеткульта», читает лекции в рабочих клубах и т. д. и т. д.

Приняв по приглашению Издательского отдела Ц. И. К. редактирование парижского журн. «Вестник Жизни», он и туда внес дух кипучей энергии и широкой инициативы. Он привлекает ряд сотрудников, принимает живейшее участие в организации отделов (особенно отдела искусства, которое так любил покойный) и, наконец, пишет ряд статей для первого номера. Способность увлекаться работой и увлекать других, ровное, внимательное отношение ко всем сотрудникам способствовали установлению чрезвычайно сердечных отношений между последними и С. Трусовичем.

Работая по 24 часа в сутки, бывало, не имея часа, чтобы как следует поесть или

отдохнуть, С. Трусевич окончательно расшатал свое здоровье, и без того надорванное десятилетиями непрерывной работы и безысходной нужды.

По его собственным словам, он начинал писать статьи с 5 часов утра, затем отправлялся в «Пролеткульт», оттуда в «Известия», затем в наш журнал, после чего шел в рабочие клубы, на партийные собрания и т. п.

24 августа, окончив свою работу в «Известиях», без отдыха, почти не пообедав, он отправился в Можайск, куда был приглашен прочесть лекцию народным учителям, собравшимся на съезд. Прибыв в Можайск, С. Трусевич присутствует на вечерней лекции, принимает горячее участие в происшедшем собеседовании и, наконец, отправляется спать, условившись, что завтра утром он будет читать свою лекцию. Однако, ему не пришлось сделать этого. Часов в 6 утра он

умер от разрыва сердца, как воин находящийся все время на своем революционном посту.

Тело С. Трусевича было перевезено в Москву, и 1 сент. состоялись его похороны. Масса венков, почетный отряд Красвооруженцев, большое количество публики, пришедшей проводить его останки до места погребения—таковы были внешние знаки внимания к памяти С. Трусевича со стороны революционного пролетариата, для освобождения которого он работал всю жизнь.

Под мощные звуки интернационала, его гроб был предан земле и в полной гармонии с настроением собравшихся прозвучали напутственные речи целого ряда товарищей, охарактеризовавших С. Трусевича, как старого революционера и стойкого борца за коммунизм и «жившего и умершего за других».

ЭПИЗОДЫ ПРОШЛОГО.

I. ПОБЕГ СТ. ТРУСЕВИЧА.

Станислав Станиславович Трусевич был в ссылке в конце лета 1899 года. Трудно было встретить, даже среди ссыльных только что выправшихся из тюрьмы человека более изможденного, более нервного. В тюрьме ему пришлось пережить много тяжелого, вплоть до побоев. Но достаточно было небольшого знакомства с новым товарищем, чтобы убедиться, что не тюремные лишения, а внутренний огонь бесменных революционных забот и жгучего беспокойства за судьбы революции,—огонь, поглощавший без остатка все душевные силы Станислава,—превращал его, как говорится, в «комочек перлов».

В довершение всего, он лишался сна и не мог обходиться без ежедневных крупных доз брома.

В ссылке каждый старается устроиться сколько-нибудь сносно,—как-нибудь пресуществовать на свои прощевые заработки или на казенное пособие. Забота о куске хлеба отнимает не мало дум и времени. И мы с некоторым недоумением встретили заявление Трусевича, что все наши заботы о хлебе насущном—это буржуазские заботы. А затем последовало новое заявление:

— К зиме я должен быть в России: этого требуют интересы партии.

Следовательно, нужно было немедленно начать приготовления к побегу.

В те годы побег из ссылки были редкостью: конечно, не было и недостатка в людях, желавших немедленно вернуться к революционной деятельности. Но самое революционное движение недостаточно еще окрепло для того, чтобы содержать и охранять нелегальных товарищей, исключительно занятых подпольной работой.

Трусевич хотел быть,—и не мог не быть, по всему своему душевному складу,—одним из первых «профессиональных революционеров», значительно раньше, чем тов. Ленин печатно дал лозунг «организации профессиональных революционеров», как неотложной задачи революционного момента.

Понятно, что заявление Трусевича о необходимости быть к зиме в России поколебало всю ссыльную колонию Олехминска.

Не менее того внес он свежую струю и в идейную жизнь ссыльных. То было время, когда российская интеллигенция, после чуть не поголовного увлечения модным «легальным марксизмом», шарахнулась в сторону буржуазии и занялась на все лады «критикой марксизма». Споры «критикам» дала книга Эд. Бернштейна: «Преддсмысли социализма». Возражения Бернштейну, исходившие от Каутского, Плеханова и других марксистов, еще не успели дойти в далекую Якутскую область. А легальные журналы с «критикой» читались. И книга Бернштейна переводилась в ссылке на русский язык, усердно переписывалась и в рукописях пересылалась из колонии в колонию.

Марксизм хоронили на все лады.

Помню, товарищ по ссылке Б. Ис. Голдман говорил мне:

— Несчастный вы человек! Вечно опаздываете: во время расцвета марксизма вы держались за ветхое знамя Народной Воли и признали марксизм, когда он уже отжил свой век.

Появление Трусевича показало, что марксизм «отжил свой век» только в головах буржуазной интеллигенции...

Однако, при всем желании вернуть революции новую силу в лице Трусевича, приходилось очень задумываться насчет своевременности устройства побега для че-

ловека с таким расстроенным и, казалось, таким слабым здоровьем. Подробности побега обсуждались на все лады; делались все необходимые приготовления; и все-таки Станислав угадал сомнения товарищей. У него зародилось неверие, явились подозрения. Он не стеснялся их высказывать. Но давал всегда другое объяснение тому, что товарищи не хотят будто-бы его побега.

Дело в том, что побег из Якутской области до сих пор считался делом почти невозможным. Ссыльные жили под бдительным наблюдением полиции, точно под стеклянным колпаком. Отсутствие ссыльного тотчас замечалось.

А между тем путь из Якутской области только один — вдоль Лены. Свернуть в сторону от реки значит наверняка погибнуть в лесных (таежных) дебрях. По Лене все прележки наперечет. Ямщики очень наблюдательны, хорошо запоминают и быстро определяют человека. И вот по этой единственной дороге нужно проехать больше двух тысяч верст. А вдоль дороги идет телеграф. Если полиция хватится раньше, чем беглец минует этот длинный путь, то телеграмма опередит его, и арест неизбежен.

В виду этих трудностей почти не случалось побегов из Якутской области, и полицейское наблюдение в Олекминске было сравнительно слабо. Но достаточно было бежать, хотя бы одному из какого бы то ни было пункта Якутской области, чтобы вся полиция поднялась на ноги. А разговоры о предполагавшихся побегах уже шли по колониям. И Трусевич думал, что хотя бы раньше пропустить кого-то другого, тем самым отрезывая возможность второго успешного побега.

Действительно, по первому зимнему пути из Якутска скрылся Юрий Михайлович Стеглов. Его провез до Олекминска офицер, в то время, как в постели, будто бы больного, Стеглова лежало другое лицо. В Олекминске об этом побеге мы узнали случайно. Офицер, привезший Стеглова, встретил на улице одного из ссыльных и сообщил, что Стеглов только что проехал дальше. Товарищ был крайне изумлен:

— Как же вы сообщаете об этом мне — человеку, совершенно вам незнакомому?

— Ну, вот еще. — возразил смеясь офицер: ведь вашего брата ссыльного, в роде как сыртчелова, за версту можно узнать по лицу!

Эта наблюдательность местных жителей

явилась лишним указанием на то, как труден здесь благополучный трехнедельный проезд по пустыне для товарища, скрывшегося из ссылки.

Несмотря на то, что Трусевич заявил, что он своего побега не откладывает. Но явная невозможность, — так скоро после проезда Стеглова, — скрывать в течение трех недель отсутствие Трусевича побудила в корне переработать план побега. Решено было так: пусть полиция как можно скорее хватится и поднимет тревогу по всему пути. Начнутся поиски, ловля. А Трусевич будет где-нибудь под Олекминском пережидать, пока не уляжется тревога, и потом уже двинется в путь.

Это был более сложный и более трудный план.

Нужно было найти место, чтобы прожить совершенно незаметно не менее месяца. И нельзя было скрывать в городе или близко от города: через месяц поиски могут захватить в более отдаленных уездах, но не здесь, где будут заинтересованы все жители и заинтересована вся уездная администрация, вплоть до старост, сотских, содержателей почтовых станций и даже простых ямщиков. Нужно было скрытно выехать за пределы уезда до начала розысков.

Удалось найти лиц (конечно не из числа ссыльных), которые согласились дать приют близ Нохтуйска (на границе уезда). Удалось найти и лиц, которые взяли скрытно провезти Трусевича до этого пункта¹⁾. Добыли большие сани (кошеву). Сибиряки ездят в дальний путь не сидя, а лежа в санях, без сиденья. Чтобы скрыть человека, пришлось все-таки сделать сиденье из веревочного переплетения и замаскировать его, заваливши остальную часть саней сеном и чемоданами.

Помню темную ночь, когда дыхание захватывало сорокаградусным морозом. На мою долю выпало оказать последнюю помощь. Укутали Трусевича во что только было возможно, и он лег под сиденье наперек саней. Закрыли его сеном, постлали кошму сверху и только после этого привели почтовых лошадей.

Предстояло сделать на перекладных 245 верст. Не менее суток, до следующей ночи, беглец должен был лежать неподвижно, но имея возможности даже обогреться стака-

¹⁾ Это были: древний старик, поляк-посетанец 1863 г. Мятневич и жена С. М. Чижика — М. П. Чижика, — смелая, энергичная женщина. Скрывается Трусевич в квартире С. М. Чижика.

ном горячего чая, не смея пошевеливаться или звуком выдать свое присутствие.

Оболо часа прошло, пока запрягали лошадей, пока усаживались лица, сопровождавшие Трусевича.

Забирался уже мороз ко мне и под доху на двойном меху, и в меховые сапоги с высокими валяными галошами; куски льда, образующегося от дыхания, успели нависнуть на усах и бороде раньше, чем повозка двинулась за ворота.

А Трусевичу предстояло лежать неподвижно весь остаток ночи, и весь день, и, может быть, всю следующую ночь. И провожая глазами быстро понесшуюся тройку, весело гремущую бубенцами, а спрашивал себя:

— Над чем будут они звенеть будущей ночью? Над горячим, неуклонным революционером, не признающим преград по пути к цели, или же над его окоченевшим трупом? Да, прав Станислав: по сравнению с такими людьми, как он, мы являемся не более как жалкими, презренными буржуями!

Он не замерз. Дня через три мы подняли полицию на ноги:

— Трусевич пропал!

Произвели обыск в его квартире. «Довосчиком» по выбору колонии был тов. И. Браудо. Он уже присутствовал при обыске. И можно себе представить его волнение, когда он среди бумаг увидал забытый кем-то план местности под Нохтуйском, с отметкой того самого дома, где должен был Трусевич передать первую тревогу розысков! К счастью, план этот попал в карман Браудо раньше, чем был замечен полицией. А вместо плана в руки полиции попала записка Трусевича с просьбой никого не винить в его смерти. Повидимому, полиция поверила этой записке. Тем не менее, даны были телеграммы по всей линии; а относительно розыска трупа мнимого самоубийцы исправник сказал:

— Наверно его давно занесло снегом в лесу: весной откroется, и найдем по запаху.

Около месяца провел Трусевич в самых невероятных условиях, в комнате, где жила семья, где нередко были посетители и где случайный, неосторожный шорох или кашель мог выдать беглеца, разрушив весь план побега.

Наконец, мы узнали, что Станислав работает в России. А еще через несколько

времени, — что он опять в тюрьме, и потом, — что он в ссылке в Енисейской губ.

Другие товарищи, чаще сталкивавшиеся с Трусевичем на работе, лучше и подробнее расскажут о нем, как о практическом работнике. Я же позволю себе сказать еще несколько слов о его личности.

Мало того, что он сам был совершенно не способен думать об удобствах своей жизни, — еще слепая судьба обрушивала на его голову всякие беды

Например, в зиму 1906—7 года он жил близ Петербурга, на станции Куожкала (по соседству жил Ленин и некоторые другие товарищи). И Трусевичу пришлось перенести редкую для взрослых людей болезнь. — дифтерит. Не успел он оправиться, как случился пожар: дом сгорел до тла, и Станислава едва успели спасти.

Но всякие такие напасти проходили как будто бесследно для духа Трусевича: они не уменьшали его кипучей энергии.

В последний раз судьба столкнула меня с ним в феврале 1918 г., в поездке из Питера в Москву. Это был все тот же старый Трусевич, с кучей вопросов. Сейчас же заговорил он с соседями, и не прошло часа, как произошло чудо: среди невероятной давки, когда в отделение для четверых набилось до двадцати человек, люди не только не старались занять место каждый по-своему, а, наоборот, каждый уговаривал другого устроиться поудобнее, каждый уступал другому лучшее место. И вышло это без всяких уговоров, само собою, только потому, что Трусевич по всему своему характеру не мог не объединить всех в одну семью. — вероятно сам не сознавая того, что делает.

Когда я узнал о внезапной смерти Станислава, почти в самый разгар его работы, я невольно подумал:

— Он и не мог умереть иначе. Как бы ни подстерегала его смерть, — она не могла бы застать его праздным, потому что у этого человека не было в жизни, кажется, ни одной минуты, свободной от служения делу освобождения пролетариата от его вековечных врагов.

И. М. С. УРИЦКИЙ.

В 1902 году трон стал заметно шататься под натиском революции, и правительством начало метаться от репрессий к послаблениям, чтобы затем вернуться к усиленным репрессиям.

Центр участников рабочего движения

пошли в ход розги (Екатеринослав), массовые расстрелы (Златоуст), каторга (за демонстрации в Саратове и Нижнем-Новгороде).

А к участникам студенческих волнений применили силу в солдаты. За протест против этого нового вида репрессии около сотни московских студентов было выслано в Восточную Сибирь.

Не успели студенты приехать на место, как в правительстве уже произошла перемена настроения, и за сосланными студентами сталиухаживать. Якутский губернатор самолично выехал их встречать на границе области, со списком вакантных мест врачей, фельдшеров, волостных и сельских писарей и т. п. Встретив арестантскую партию, он пригласил стать отдельно бывших студентов.

Не зная, в чем дело, в эту группу стал и М. С. Урицкий, тоже бывший когда-то студентом, а теперь шедший на 8 лет в ссылку вовсе не по-студенческим делам. Ему досталось место волостного писаря в Чекурской волости.

Чекурка—небольшое селение на Ленском тракте, верст на полтора ниже Олекминска. Место глухое, но с почтово-телеграфной конторой, школой и волостной общественной лавкой. Волостной старшина Ив. Пн. Иванов давно уже находился под влиянием политиков, как и учитель, местный крестьянин.

Интерес положения увеличивался тем, что здесь, по старинному крестьянскому положению, волостной писарь был не вольнонаемным писцом, а должностным лицом, членом волостного правления и представителем от уездной администрации.

В Чекурское волостное правление одновременно пришли две бумаги: первая старшине—о назначении Урицкого на должность волостного писаря, и вторая—волостному писарю Урицкому о неослабном наблюдении за поведением политического ссыльного Урицкого. А из волостного правления за подписью писаря Урицкого стали поступать еженедельные рапорты о том, что ссыльный Урицкий ведет себя благопристойно и не замечен ни в какой пропаганде, кражах и дебоширстве.

Моисей Соломонович тотчас по прибытии Чекурку с головой потрузился в волостные дела. Началась раскопка полузабытых обид и незаконий. Со всей волости потянулись крестьяне к новому писарю со всевозмож-

ными жалобами и просьбами. Изредка можно было видеть Моисея Соломоновича и в городе: окруженный толпой крестьян, ходил он из лавки в лавку, прицениваясь и выбирая товар для волостной общественной лавки.

Само собой разумеется, что эта идиллия не могла долго тянуться. И повод к решительному конфликту характерен для личности Урицкого.

«Зимние партии политических отправлялись в Якутскую область в сопровождении жандармов, на почтовых лошадях. И жандармы, и политики старались возможно скорее одолеть этот безконечный переезд. Скакали день и ночь на тройках, останавливаясь через ночь, а то и реже.

Для крестьян поставка лошадей для przewоза арестованных составляла натуральную повинность. Урицкий раскопал закон, которым определялось число лошадей, пропорционально числу арестованных. Оказалось, что законное количество лошадей значительно меньше того, которое было установлено полицейской практикой. Предстояло или стать на сторону крестьян, в ущерб товарищам-политикам, и идти на конфликт с администрацией, или пожертвовать крестьянскими интересами в угоду установившейся практике.

Моисей Соломонович решительно стал на сторону крестьянских интересов. Без всяких задержек скакала на тройках партия политических ссыльных, одолев уже почти две с половиной тысячи верст, — и вдруг в Чекурке машина застопорилась: не угодно ли дальше двигаться чуть не черепашьим шагом!

Застучал телеграф между Олекминском и Чекуркой. Исправник требует дать прежнее количество лошадей, а Урицкий отвечает:

— По закону не имею права.

Исправник принимает ответственность на себя, а Урицкий отказывается выполнить незаконный приказ. Кончилось дело, конечно, приказом на имя старшины отправить бывшего волостного писаря, политического ссыльного Урицкого в Олекминск.

Олекминской ссыльной колонии не пришлось жалеть о таком исходе конфликта. Живя в Чекурке, Урицкий был слишком оторван от колонии и казался поглощенным волостными интересами. И только по переезде его в город товарищи смогли ближе познакомиться с ним и оценить его личность.

По переезде его в Алексинск оказалось, что не на одни только волостные интересы ушло время, проведенное в Чекурке: Урицкий успел, сидя там, наладить и развить постоянные сношения с Россией,—и котловня в сильнейшей степени стала жить текущими интересами общероссийского революционного дела. А интересы эти были велики и жгучи. Неслышно для стоящих далеко от дела, клокотала уже лава в груди многомиллионного пролетарского вулкана. Переживался канун революционного 1905-го года.

Уже раздавался в «Искре» мощный голос тов. Ленина, указывавшего, «с чего начать» и «что делать», призывавшего создать и фактически организовавшего «общерусский центр» из «профессиональных революционеров».

Группой «Искры» и «Зари» уже разоблачены были до конца буржуазные провокаторы, прикрывавшиеся именем марксизма и выступавшие с «критикой» Маркса. А под ударами «Искры» теряли позицию за позицией герои приспособления и малых дел—«экономисты». На очередь дня становились вопросы боевых массовых выступлений,—политических демонстраций и всеобщей забастовки.

Трудно было в такое время сидеть за тысячами верст такому человеку, как Моисей Соломонович.—сидеть с 8 годами впереди. Мне не приходилось говорить с ним об его побеге: ясно было, что он сделает то, что будет требоваться интересами партии, как только это станет возможным.

В Урицком никогда не замечалось желания руководить, влиять. Но само собою выходило, что человек обращался именно к нему, чтобы проверить правильность своих действий. И Моисей Соломонович, видя ошибку, не упрекал, не горячился; с своей

неизменной доброй улыбкой он замечал только:

— Мне кажется, что правильнее было бы поступить вот как и вот почему.

После ссылки мне не луталось сталкиваться с ним в работе. И только в январе 1918 года пришлось быть случайным свидетелем одной беседы. После тяжелой и неблагодарной работы в связи с Учредительным Собранием, на него, не дав передышки, возложили другую, не менее тяжелую и неблагодарную работу.

И как раз при мне начался разговор о том, чтобы он взялся за это дело. Мгновенная тень на лице Моисея Соломоновича дала мне возможность заметить, насколько эта работа ему не по душе. Но он даже не сказал:

— Нужно, значит должно быть сделано.

Нет,—он прямо перешел к выяснению задач, возложенной на него, и к ознакомлению с подробностями.

Меньше всего возможно было ожидать, зная Моисея Соломоновича, чтобы он мог вызвать против себя чью-либо личную вражду или злобу. Но в то же время нет ничего удивительного, что озлобление буржуазии против победоносного пролетариата избрало своей жертвой именно тов. Урицкого.

Он был часовым пролетариата, всегда готовым занять самый беспокойный, самый ответственный пост. И враги пролетариата считали, что нужно нацелить нападение с того, чтобы снять такого часового с его поста.

Нападение отбито, несмотря на гибель часового. Но как жаль, бесконечно жаль, что нам не дано больше видеть этой милой, бесконечно доброй улыбки незабвенного Моисея Соломоновича!

М. Ольминский.

Марксизм и революция.

«Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение» — такова неотразимая постановка вопроса, — пишет К. Маркс, цитируя Жюль Занд в конце своей книги «Ницета философии», направленной против соглашательских тенденций французского анархиста П. Прудона.

С тех пор, как была издана «Ницета философии», прошло больше семидесяти лет. И однако современное политическое положение в России и в ряде других стран доказывает правильность этих слов. Революционная Россия, свергнувшая иго не только царизма, но и капитала, обнаружена железным кольцом империалистической контр-революции разных стран и народов, угрожающей не только ей, но и всему мировому пролетарскому движению.

И перед трудящимися массами России и равно как и перед всем международным пролетариатом стоит задача кровавой, беспощадной борьбы на жизнь и смерть с объединенными силами их врагов.

В этой борьбе революционный лагерь, передовым отрядом которого является современная Россия, обладает крупным преимуществом перед лагерем империалистов. Ибо последние рассчитывают только на свою военную силу. На стороне же революции, кроме пушек и пулеметов находятся и законы развития человеческих обществ, доказывающие неизбежность ее торжества, а также колоссальная духовная сила — следствие ее великой роли в развитии человечества. Это — оружие, без которого пушки и пулеметы не могут иметь решающего значения. Сознание их исторической роли дает революционным трудящимся массам учение Карла Маркса и Ф. Энгельса, выясняющее им законы истории и предоставляющее им возможность «планомерного пользования этими законами для своих целей».

Марксизм это — цельное стройное мировоззрение. Правильность его метода, его приемов исследования природы и человеческих обществ, и тех выводов, к которым

пришел К. Маркс в своих научных произведениях подтверждается всей наукой новейшего времени, всеми данными развития природы и человечества.

Метод марксизма это — метод диалектический. *) Пользоваться им, это значит рассматривать все предметы и явления «в их движении, в их развитии, в их взаимной борьбе, в их образовании и уничтожении, в их отражении в понятиях, в их взаимной связи».

В своем учении К. Маркс является материалистом, монистом, детерминистом. Он материалист, ибо он признает «первоначалом» всего существующего конкретный, материальный, вечно развивающийся мир». Ибо, согласно его учению, «не бытие определяет сознанием, а сознание — бытием». Он — монист, ибо его учение устанавливает полное единство между субъектом и объектом, между человечеством и природой, между личностью и обществом, между бытием и сознанием, рассматривая их в их развитии, в их действиях.

Он — детерминист, ибо, согласно его учению, каждое явление — лишь момент в непрерывном развитии вселенной, свобода же воли человека состоит не в независимости человека от законов развития, а в познании этих законов и использовании их для своих целей.

Марксизм, по словам самого К. Маркса представляет собой не обобщение принципов изобретенных тем или иным ученым, а выражение «совершающегося на наших глазах исторического движения». Но задачу пролетариата К. Маркс видит не в бездельном выжидании результатов этого движения, а в активном участии в нем, как

*) Слово «диалектический» происходит от греческого слова «диалог», что значит спор двух лиц между собой; в исследовании же природы и общественной жизни это слово означает борьбу двух сил — старой отживающей и новой, которой принадлежит будущее.

части в целом, — не только в том, чтобы «исследовать мир, а в том, чтобы изменить его».

Эти последние слова ярко отражают живой дух марксизма и пролетарского движения, в обстановке которого он развился. И основная особенность индивидуальности К. Маркса, как ученого и политика, в которой кроется его величие, его бессмертие, это то, что он до всей сущности своего внутреннего мира, — пролетарий, что он — радоначалник новой эпохи, новой культуры, культуры пролетариата. Вышедший из буржуазной среды, проведший в этой среде свои юношеские годы, выступавший в течение нескольких лет в роли борца революционной буржуазии, он затем смог все мечты, соединявшие его с нею, «отряхнул ее прах от своих ног» и органически сросся с пролетарским миром.

Он, как исследователь и политический деятель, стоит не вне, а внутри, в среде пролетарского класса, является атомом (частицей) пролетарского организма. Это его резко отличает от громадного большинства социалистов, и прежде всего от всех его предшественников, ибо последние извне рассматривали условия пролетариата, и с своей личной, развившейся в буржуазно-интеллигентной среде, точки зрения строили планы его освобождения.

Какова же была та общественная обстановка, в которой К. Маркс развил свое учение?

Непосредственными предшественниками К. Маркса были в философии — Борух Спиноза, Гегель, Фейербах и французские материалисты XVIII в., в экономике — А. Смит и Д. Рикардо, и социалисты-утописты — Р. Овен, Сен-Симон, Ш. Фурье, и К. Г. Бабеф. Время К. Маркса в Англии — это было время развития капитализма и порожденного им развития профессионального, а затем Чартистского движения.

Во Франции на глазах К. Маркса и Ф. Энгельса произошла ряд революций. В Германии в это время происходила борьба буржуазии за конституцию и обнаружилась первые проявления рабочего движения.

К. Маркс был учеником Гегеля, но он принадлежал, к так называемому, левому крылу его учеников, далеко не во всем согласных с ним. Маркс принял метод Гегеля, изменил его по-своему и при его помощи создал свое пролетарское, материалистическое учение, отвергнув идеалистическую, буржуазную, философскую систему своего учителя.

Перейдем теперь к изложению основных положений учения К. Маркса. Учение это находится в самой тесной связи с учением его современника Ч. Дарвина о развитии органического мира — мира растений, животных и людей. «История человеческих обществ со времени распада первобытной общины, — пишет К. Маркс, — это — история борьбы классов». Но человечество с его внутренней классовой борьбой — лишь часть вечно развивающейся природы.

«Люди замкнуты, — читаем мы в предисловии к I т. «Капитала», делают свою историю», но они делают ее, как выясняет К. Маркс, в той обстановке, которая создана прежними поколениями.

История человечества в ее целом это так же, как, согласно дарвинизма, и история всего органического мира — борьба за существование. Но, — говорит К. Маркс, — ссылаясь на известное выражение ученого Фракалина, — борьба эта в человеческом мире отличается от борьбы за существование в органическом мире в его целом, тем, что человек ведет ее не только при помощи естественных орудий, органов своего тела — когтей, зубов, но и при помощи искусственных им самим изобретенных орудий труда и борьбы.

Воздействуя в этой борьбе на природу вне его, частью которой он сам является, он изменяет свою собственную внутреннюю природу. В борьбе за существование развиваются производительные силы: развивается рабочая сила людей; изобретаются и совершенствуются орудия труда; земля и ее продукты приспособляются к потребностям людей, наконец, подчиняются воле людей и эксплуатируются ими силы природы — пар, электричество. «В общественном производстве своей жизни, — пишет К. Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые — производственные отношения, которые соответствуют данной определенной ступени развития их материальных, производительных сил... Способ производства материальной жизни обуславливает общественный, политический и духовный процессы жизни. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальную его основу, на которой возвышается юридическая (правовая) и политическая надстройки, и которой отвечают

определенные формы общественного сознания. Развитие борьбы за существование — процесс диалектический, полный внутренних противоречий.

В нем действует закон отрицания. В недрах каждого организма, каждого общественного строя развиваются элементы нового организма, нового общественного строя. Когда развитие новых элементов, либо общественных сил тормозится старыми формами, эти формы распадаются, образуются новые, отвечающие новому содержанию. Количество изменяется в качестве, таким образом, переворот. В этом выяснении неизбежности переворотов в развитии природы и человеческих обществ состоит глубокое различие между диалектическим пролетарским и эволюционистским буржуазным мировоззрением.

В процессе хозяйственной деятельности людей возникали и под ее влиянием развились: общинный, а затем государственный строй, семья, искусство (прежде всего искусство ритмического танца и пения, а затем музыки — в дальнейшем же легенды, архитектуры, живописи, скульптуры), религия, нравственность, наука, правовые понятия, политические и общественные идеи.

Развитие производительных сил в первобытной общине создало в недрах ее новые, противоречащие господствовавшим в ней интересам и понятиям силы, как то: разделение труда, обмен продуктов, разделение людей на классы, с противоречащими друг другу интересами, борьбу между ними, одним словом, элементы общественного строя, основанного на неравенстве. Когда общинный быт стал стеснять его развитие, произошла революция: община распалась. С тех пор борьба людей за существование развивается в обстановке борьбы классов. Борьба классов, развитие которой обусловлено развитием производительных сил, определяет собой развитие государственных форм, семьи, нравственных и правовых понятий, науки, искусства, общественных и политических идей. В древнем мире велась борьба мелких собственников с крупными, рабов с рабовладельцами; в Средние Века — боролись горожане и крестьяне с феодалами-помещиками, и борьба их закончилась Великой Французской революцией. В эпоху буржуазного строя, юридические основы которого были созданы последней, пролетариат борется с буржуазией. Развитие произво-

дительных сил обеспечивает ему победу в этой борьбе. Это происходит следующим образом.

В недрах капиталистического строя развивается зародыш нового, новые противоречащие ему общественные силы. Это новые производительные силы. Их развитие принимает международный характер, объединяя все страны и народы в одно мировое торгово-промышленное целое. Их дальнейшее развитие тормозится частной собственностью на орудия производства и порожаемыми последней конкуренцией, анархией в производстве, кризисами, скоплением в немногих руках всех капиталов. Их развитием обусловлены численный рост пролетариата, и его воспитание для роли руководителя производством, происходящее в обстановке новых производственных отношений — в обстановке обобществления труда. Под влиянием этих производственных отношений в среде пролетариата развиваются новая дисциплина — общественные чувства, международная классовая солидарность, организованность, самодисциплина, новые правовые понятия в форме стремления к общественной собственности на орудия производства, и его классовая борьба, в процессе которой он объединяется в один мировой рабочий класс.

В процессе этой борьбы все более обостряются противоречия интересов буржуазии и пролетариата. Орудием их борьбы становится государственная власть. Сначала, пока буржуазия сильнее пролетариата, — государственная власть является ее классовой диктатурой. Когда пролетариат становится крупной общественной силой, он стремится к учреждению своей классовой диктатуры. Он захватывает государственную машину и пользуется ею для осуществления, при ее помощи, социалистического строя. Марксизм развивается в процессе борьбы пролетариата. Научный социализм является обобщением его стремлений в этой борьбе. Он научно обосновывает неизбежность социалистического переворота. Свои доводы К. Маркс завершает следующим образом в конце I тома «Капитала»: «Концентрация средств производства и обобществление труда достигает такой степени, при которой они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Оболочка эта разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Происходит переворот. Экспроприирующие экспроприируются. Количество переходит в качество. Капиталистический строй заменяется социалистическим».

С социалистическим переворотом не закончится борьба за существование, она лишь перейдет в высшую форму развития. Уничтожение борьбы классов и об единение всех стран и народов в одно целое даст людям возможность сосредоточить все свои силы на борьбе с природой, и сделает, определяемыми ныне развитием производительных сил, его действия—свободными. Будет дан мощный толчок развитию познания природы, подчинения ее сил человечеству.

Чем более развивается борьба пролетариата, тем более сама жизнь подтверждает правильность основных положений марксизма, тем более обнаруживаются его мощь и значение и в пролетарском движении, и в развитии науки. Буржуазные ученые ведут против него ожесточенную борьбу, но и они вынуждены считаться с его выводами, пользоваться его завоеваниями в науке, особенно в политической экономии.

Его диалектический метод применяется и в других науках; так это проявилось, между прочим, в создании в Ботанике—голландским ученым Гуго де-Фризом, его теории мутаций. Теория эта составляет одно из проявлений постепенного преобразования дарвинизма из эволюционистского в диалектический.

Обосновав научно неизбежность социалистического переворота, К. Маркс и его ближайший друг и соратник Ф. Энгельс, обратились, как известно, к рабочим с призывом: «пролетарии всех стран, объединитесь». Они впервые и заложили основы той организации пролетариата, которой предстоит совершить социалистическую революцию. Первой такой организацией была небольшая группа наиболее передовых рабочих,—международный союз коммунистов; второй—«международное товарищество рабочих», т. е. «Первый Интернационал», объединивший уже широкие массы. Тип их внутреннего устройства и общий характер политики отвечали основным принципам марксизма и формулированным им тенденциям в развитии капиталистического строя и рабочего движения. Они были основаны на началах демократического централизма и обладали единой, международной политической ориентацией. Следуя основным положениям призыва К. Маркса, Первый Интернационал обладал своей самостоятельной, классовой, пролетарской внутренней и внешней политикой; он руководил борьбой рабочих разных стран, забастовками в Англии, Америке, Швейцарии, Бельгии, отстаивая права угнетенных народов—поль-

ского, ирландского, подчиняя все эти задачи общей цели пролетариата всех стран—делу мировой социалистической революции.

И союз коммунистов, и I-й Интернационал, как известно, просуществовали недолго. II-й же Интернационал, возникший уже после смерти К. Маркса—в 1889 г., был фактически не Международным Обществом рабочих, а очень слабым объединением вполне самостоятельных социалистических партий разных государств и сам упразднил себя в первые дни нынешней империалистической войны. Причиной такой судьбы международных пролетарских организаций кроются, как в условиях развития этих международных объединений пролетариата, так и в частности в составе и основных принципах их организации.

К. Маркс создал свою теорию научного социализма и всю свою стройную философскую систему, подметив, благодаря своему гению и своему диалектическому методу, лишь общие, еще не оформленные, еле намечавшиеся в то время тенденции развития капитализма и рабочего движения. В эпоху деятельности I-го Интернационала начался процесс углубления капиталистического развития в каждой отдельной стране и приспособления к его запросам—государственного строя каждой из них; началась также борьба широких народных масс за демократизацию этого строя. Внимание последователей было по-прежнему всецело сосредоточено на вопросах внутренней политики. Классовая борьба пролетариата получила вследствие этого не международный, а государственно-национальный характер. Этому способствовала и руководящая роль интеллигенции и рабочей бюрократии в пролетарском движении.

Те общественные отношения, которые во время К. Маркса находились лишь в зародыше, к настоящему моменту развернулись во всей полноте. Война открывала новую эпоху в развитии капитализма и условий пролетарской борьбы. Это—эпоха боевого империализма, эпоха непрерывных острых конфликтов и войн, острой экономической нужды народных масс, роста идейной и политической реакции. Это—эпоха решения всех важнейших вопросов общественной жизни на мировой политической арене и в то же время развития национализма буржуазии, усиления ее диктатуры, под флагом сильной власти и государственного капитализма, жестокого единодушного во всех странах преследования классовой борьбы пролетариата. Развитие всех этих особенностей современ-

ной нам эпохи уже вызвало повсюду революционное брожение, которое неизбежно закончится заменой диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата и социалистической революцией. России, где диктатура буржуазных классов была облечена в форму варварской деспотии, выпала на долю роль авангарда в этом великом деле. И потому и папа римский, и радикал Клемансо, и проходивец Ллойд-Джордж, и лицемерный вождь американского империализма Вильсон, и германские и доморощенные украинские империалисты и русские социалисты-соглашатели дружно выступили против Советской власти. Дело российской революции стало делом пролетариата всего мира. Наступает момент его международного революционного действия, момент осуществления лозунга К. Маркса и Ф. Энгельса: «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Приближается время, когда международный пролетариат станет хозяином всего мира. Чем всестороннее будет его умственное и духовное развитие, тем скорее и успешнее он выполнит свою историческую роль «могильщика» ка-

питалистического, и творца нового социалистического строя. Марксизм, представляющий собой цельное, стройное мировоззрение, овладев сознанием пролетарских масс, становится могучим орудием их революции, облегчить им задачу учреждения классово-диктатуры пролетариата и великое дело социалистического строительства. Ибо марксизм доказывает пролетарским массам всего мира, что только они сами могут освободить себя, он им выясняет, что их стремления к социализму неминуемо должны осуществляться, он, благодаря этому, возбуждает в них ничем непоколебимую уверенность в собственных силах и воодушевляет их на борьбу.

Марксизм показывает пролетарским массам, что ничто в мире не совершается без борьбы. Марксизм диктует пролетариату всех стран объединение для международного революционного действия. Марксизм говорит ему и в частности русским трудящимся массам: «Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение».

Н. Залевский

Судьбы пролетарской культуры.

Российская революция переживает один из наиболее тяжелых моментов в своем развитии. Советская Федеративная Республика окружена со всех сторон врагами, которые, с одной стороны, выдвигают против нее военные силы, с другой, стремятся вдохнуть жизнь в издыхающую гидру внутренней контр-революции. Различные части последней стараются использовать угнетающий трудящиеся массы экономический кризис, отравляя их сознание ядом буржуазной, религиозной либо псевдо-социалистической идеологии.

Советская власть делает героические усилия, ведя неуклонно свою социалистическую политику, борясь с экономическим кризисом, отсекая одну за другой головы контр-революционной гидры, организуя военные силы революции, работая над подъемом культурного уровня широких масс.

Последняя—культурно-просветительная—деятельность, способная сыграть колоссальную роль в деле упрочения и дальнейшего развития завоеваний революции и обеспечения ее от внутренних и внешних врагов.

Культурное развитие масс составляет неиссякаемый источник энергии, питающий и дело социалистического строительства и вооруженную защиту революции.

Но, ведя культурно-просветительную деятельность, коммунистам предстоит иметь в виду основные особенности эпохи, в которую происходит российская революция.

Успех всякой революции обеспечен развитием самодеятельности широких масс. Самодеятельность масс играет особенно важную роль в социалистической революции, которая является «революцией огромного большинства в интересах этого большинства». Она лежит в основе пролетарской социалистической революции.

Во всех странах в настоящий момент развивается самодеятельность пролетарских масс, рвущих давно истлевшие цепи гражданского мира, наскоро спаянные внача-

ле современной хищнической войны агентами империализма—соглашателями.

Происходит на почве этого развития мобилизация пролетарских сил, сил социалистической революции.

В такую эпоху культурно-просветительная деятельность может успешно развиваться и выполнить свою великую задачу, только будучи основана на началах самодеятельности пролетарских масс.

В такую эпоху она неизбежно сопровождается развитием пролетарской духовной культуры. И коммунистам предстоит занять вполне определенную позицию в вопросе о пролетарской культуре. Правда, русские социалисты, в частности, социал-демократы - реформисты, ныне соглашатели, работающие на пользу контр-революции, еще до войны утверждали*), что духовная культура может быть лишь современно буржуазной, либо будущей социалистической, но ни в коем случае не пролетарской, ибо пролетариат в тяжелой обстановке капиталистического строя не способен создать основ своей духовной культуры. Среди же части коммунистов еще жив взгляд, якобы идея пролетарской культуры по самому своему существу—идея реформистская. Обе враждебные стороны исходят из одной и той же не-правильной предпосылки. По мнению и реформистов и прямо противоположных им по своим взглядам наших товарищей, только политическая идеология предшествует в своем развитии социалистической революции, облетчая роды нового общественно-экономического строя. Новая духовная культура,—писали в свое время теоретики реформизма,—может явиться лишь надстройкой на фундаменте новых экономических отношений,—социалистической культуры—на фундаменте социалистического строя.

Идея пролетарской культуры,—говорят

*) См. «Наша Заря», статьи А. Потресова и др.

революционеры, ее противники,—порожденные теории медленного, постепенного роста современного общества в социализм—теории, враждебной идее социалистического переворота.

Пользуясь марксистским диалектическим методом, мы находим совершенно точный ответ на вопрос о пролетарской культуре.

В недрах капиталистического общества развиваются новые производительные силы, развивается крупное машинное производство на всемирный рынок.

Развитие машинного производства с одной стороны вызывает численный рост пролетариата и обобществление его труда, с другой—порождает развитие его классовых интересов, противоположных интересам других классов, его классовой борьбы, его классовых организаций—профессиональных союзов, политической партии.

Вследствие обобществления труда пролетариата в его среде, в процессе его классовой борьбы, развиваются общественные чувства и революционность, составляя основу его классовой психики, и идея социализма, являющаяся обобщением в сознании его чувств и стремлений, неизбежным, естественным следствием его психического развития.

Раз пролетариат составляет класс, обладающий вполне определенными классовыми интересами, классовой психикой и сознанием, то в его среде не могут не развиваться элементы его классовой, духовной пролетарской культуры. Они являются следствием овладения пролетарскими массами, культурными завоеваниями предыдущих эпох и претворения таковых в их классовой индивидуальности.

Культура пролетариата: его классовая пролетарская этика—этика международной классовой солидарности, его классовая наука, его классовое искусство.

Пролетарская этика—естественное следствие его психического развития. Пролетарская наука—естественное следствие развития классовой психики пролетариата, организация его опыта. Пролетарское искусство является обобщением в образах его чувств и стремлений.

Отрицать неизбежность развития пролетарской культуры это значит отрицать развитие новых сил в недрах капиталистического строя, со всеми порождаемыми им последствиями.

Развитие ее составляет богатый источник сил, питающих развитие классовой политической борьбы пролетариата за учреждение его диктатуры и осуществление социализма.

Развитие элементов пролетарской культуры особенно неизбежно в России, где пролетариат уже захватил государственную власть и приступил к социалистическому строительству.

И здесь оно обладает особенно важным значением в процессе отставания пролетариатом всех его революционных завоеваний и, в частности, его социалистического строительства.

Но необходимо отличать понятия пролетарской и социалистической культуры. Первая развивается в недрах капиталистического строя и в переходную эпоху от капиталистического к социалистическому строю, в процессе классовой борьбы и имеет строго классовый характер. Вторая может развиваться лишь в обстановке социалистического строя, строя чуждого разделения на классы, и, естественно, будет отличаться общечеловеческим характером. Она в обстановке социалистического строя будет естественным следствием развития классовой пролетарской культуры.

Творцами ценностей пролетарской культуры могут быть представители интеллигенции, охваченные мощью пролетарского движения, насквозь проникшиеся духом этого движения, либо рабочие—непосредственные представители пролетариата.

II.

Элементы пролетарской культуры—уже налично и на Западе и отчасти в России. Пролетарская этика—этика международной классовой солидарности—проявляется в массовых выступлениях пролетариата и в деятельности разнородных его классовых организаций.

Пролетарскую науку мы видим в лице марксистского мировоззрения—диалектического метода, приобретающего постепенно право гражданства не только в общественных, но и в естественных науках, иллюстрацией чего является теория мутаций Гуго де-Фриза. Марксизм, как известно, имеет целые кадры представителей и из среды интеллигенции, и непосредственно из среды пролетариата, как в области па-

ука, так и в публицистике, и в практической организационной деятельности

Наконец, медленно, постепенно развиваются и элементы пролетарской изящной литературы, пролетарского театра, пролетарских изобразительных искусств — скульптуры, живописи, архитектуры.

Конечно, воспроизведение в образах чувств пролетариата гораздо более сложное дело, чем организация его опыта. Оно вполне доступно только пролетариям, сохраняющим тесную связь с пролетарскими массами. Но выделение талантов из среды пролетариата несомненно сильно затрудняется условиями его существования. Представителям же интеллигенции в высшей степени трудно проникнуть во внутрь пролетарской души, так как психика интеллигенции резко отличается от классовой пролетарской психики.

Интеллигенция, как это неоднократно выяснялось, обнимает собой те общественные элементы, в профессиональной деятельности которых преобладает мозговое напряжение, которые сознают свою обособленность от сферы физического труда. Крупная роль интеллигенции в буржуазной революции и в развитии капиталистического строя тесными узами связала ее с буржуазией. Из ее среды рекрутируются организаторы производства и руководители государственной власти, за исключением России, по правильному выражению К. Маркса, является лишь комитетом для заведывания делами буржуазии. Правда, в среде интеллигенции происходит процесс распада на буржуазную интеллигенцию и умственный пролетариат. Но последний остается долго под влиянием интеллигентской среды в ее целом. Обобществление его труда, поскольку оно происходит, проявляется в форме, более близкой к домашнему производству, чем к фабрично-заводскому. Вследствие этого, основной особенностью его психики, так же как и психики интеллигенции в ее целом, является крайний индивидуализм.

В некоторых вопросах, как в вопросе о всеобщем образовании, его интересы расходятся с интересами фабрично-заводского пролетариата. Живет интеллигенция, главным образом, на счет промышленной прибыли, ренты, государственного бюджета. Наконец, в то время как физический рабочий продает на рынке лишь свою физиче-

скую силу, умственный рабочий в процессе капиталистического развития все более закабалается духовно; на рынке, где господствует буржуазия, подвергается оценке не только продукт его труда, но и его убеждения и его чувства.

По всем этим причинам даже среди убежденных идеологов пролетариата из среды интеллигенции замечается раздвоенная индивидуальность. По своим взглядам интеллигент является социалистом, а по чувствам, часто кроющимся в недрах его подсознательной жизни, — индивидуалистом. И поэтому очень редко попадаются художники, всецело проникшиеся духом пролетарского движения, да и те нередко временно или совершенно отдаляются от пролетарского мира.

И все же, величайший из поэтов новейшей эпохи, Э. Верхарн, в один из периодов своего творчества явился родоначальником пролетарской поэзии, а его драма «Зери» служит богатым вкладом в репертуар развивающегося пролетарского театра.

Великий же бельгийский скульптор и живописец К. Манье заложил основы пролетарского искусства. Все его творчество и по духу, и по сюжетам, и по форме является эпопеей рабочего класса. В творчестве многих писателей и художников, как О. Мирбо, скульптора Бордонье, живописцев — Е. Лармюса, Стэнлена, Брэнгвина, В. Крэнна, сильно отразилось влияние рабочего движения.

Но постепенно выдвигаются художники и непосредственно из среды пролетариата. Таков ряд русских писателей, из которых первое место принадлежит А. Гастеву. Таковы бельгийский скульптор Вал Бисбрюк, французский живописец Макс Люс, наконец, целый кадр живописцев — швейцарских рабочих, выставка произведений которых была организована в 1914 г. в Цюрихе. В лице многочисленных любительских рабочих театральных кружков мы видим зародыши пролетарского театра.

Таким образом, развитие пролетарской духовной культуры — несомненный факт, оно — естественное, неизбежное следствие развития новых производительных сил в недрах капиталистического строя, продукт и вместе с тем один из богатых источников не ослабления, а обострения и углубления классовых противоречий и классовой борьбы пролетариата, — одна из сторон процесса этой борьбы.

Тяжелые жизненные условия пролетариата в обстановке капиталистического строя тормозят ее дальнейшее развитие. Но чем успешнее оно будет происходить, тем энергичнее, интенсивнее будет развиваться его классовая борьба в ее целом, тем скорее наступит момент завоевания им политической власти, тем успешнее будет происходить процесс социалистического строительства.

И задачей коммунистов является не отрицание этого вполне очевидного факта, а содействие, в процессе их культурно-просветительной деятельности, развитию пролетарской культуры.

Задача эта особенно важна и актуальна в России.

Чем успешнее будет происходить в последней развитие элементов пролетарской культуры, тем больше будет самостоятельность широких масс русского пролетариата, тем прочнее будет его гегемония в среде трудящихся масс, тем успешнее будет развиваться дело социалистического строительства, тем больше будет сила сопротивления пролетариата в борьбе с контр-революцией, тем быстрее будет развиваться его боевая способность, тем сильнее, тем шире будет воздействие революционной России на пролетарские массы всех стран.

К. Залевский.

Что такое империализм?

Империализм в его современном понимании представляет собой политику новейшего капитализма, эпохи финансового капитала. Финансовый капитал—вот та почва, на которой вырастают все цветы и ягоды политики господствующих классов в последние десятилетия. Понять сущность империализма можно поэтому, только изучив его экономический фундамент, только ознакомившись с строением буржуазного общества в его новейшей формации.

Старый, отживший уже капитализм представлял собой царство свободной конкуренции. Движимый безудержным стремлением к наживе, предприниматель улучшением техники, расширением предприятия и бесчеловечной эксплуатацией рабочих, стремился понижать издержки производства, путем уменьшения цен захватывать все возрастающую массу покупателей и побивать таким образом своих конкурентов. Прибыль отдельных капиталистов могла при этом упасть ниже среднего уровня типичного для данной страны. Подобное падение прибыли данного предприятия влекло за собой передвижение вложенного в него капитала в другую отрасль, более доходную. Но это было возможно при **низком** органическом строении капитала, когда подавляющая масса средств, вложенных в то или другое дело, состояла по преимуществу из сумм, которые шли на заработную плату рабочим, когда, следовательно, капитал, замурованный в стены, затраченный на машины и на сырье, составлял лишь незначительную долю всего капитала предприятия. При таких условиях капиталисту нетрудно было ликвидировать свои старые предприятия: распустив рабочих, он сразу же мог изъять подавляющую часть своего капитала и употребить ее, например, в другой отрасли промышленности.

Подобные передвижения («миграции») капитала становятся, однако, все более затруднительными по мере развития капита-

лизма. Дело в том, что развитие капитализма идет рядом с развитием техники, которое обуславливает рост органического состава капитала. Все большая часть вкладываемых в предприятие средств, затрачивается на постоянный капитал (на средства производства) и все меньшая часть—на переменный капитал (на заработную плату). Если при низком состоянии техники на заработную плату шло 800 р. из каждой затраченной тысячи, то теперь из той же тысячи идет на заработную плату 200 рублей, а, быть может, и того еще меньше. Обширные мастерские «с толпами рабочих, теснящихся около многочисленных мелких машин», превращаются в «современную фабрику, где за исполинскими телами автоматов, какется, все более исчезают крошечные люди, которые виднеются только в немногих местах»¹⁾.

Благодаря этому, вложенный капитал не всегда может быть извлечен и перевнесен в другую сферу его приложения. Капитали-

¹⁾ Особенно важно то обстоятельство, что рост постоянного капитала сопровождается увеличением части его, вложенной в машины и в здания и составляющей, так называемый основной капитал. Чрезвычайно показательны в этом отношении данные американской статистики. Так, например, с 1880 г. по 1905 год основной капитал в производстве продуктов непосредственного потребления увеличился на 224 проц. (больше, чем в 3 раза), а заработная плата только на 115 проц. (в 2 с лишним раза); в производстве средств производства основной капитал увеличился за тот же период на 315 проц., а заработная плата—всего лишь на 192 проц. (цитировано по книге П. Маслова: «Теория развития народного хозяйства», СПб. 1910 г., стр. 262—263). Другой пример тоже из американской жизни приводит основоположник учения о новейшем капитализме Р. Гильфердинг (см. «Финансовый капитал», Петр. 1918 г., стр. 265). Оказывается, что в Америке на тонну (60 пудов) фабриката в рельсопрокатном производстве в 1880 г. приходилось заработной платы 15 центов (3 коп.), а в 1900 г.—1 цент; при выгибывании проволоки в 1880 году на тонну затрачивалось 212 центов заработной платы, в 1901 году — 12 центов и т. д.

стические предприятия (в особенности, предприятия, так называемой тяжелой промышленности) могут с развитием конкуренции надолго оставаться в таком положении, что процент прибыли упадет непомерно низко. Капиталисты ищут выхода из подобного положения и находят его в создании **частно-капиталистических монополий**. Эти монополии представляют собой отрасли промышленности (синдикаты) или даже полное их слияние в единое гигантское предприятие (тресты).

Назначив определенные цены, синдикат или трест выступают в качестве полных и безраздельных хозяев над рынком, которому они властно диктуют свои условия: они подобны в этом отношении царской «монополии», сосредоточившей в своих руках «важную продажу питей». Правда, синдикату не всегда удастся завладеть сразу целой отраслью промышленности, но ему достаточно объединить 30-40% производства, чтобы справиться с так называемыми «дикими», т. е. предпринимателями, почему-либо не пожелавшими вступить в состав его членов. Также непокорные конкуренты не страшны синдикату: он объявляет на время искусственно пониженные «боевые цены», убивает этим своих врагов или же заставляет их войти в общую стачку. Достигнув монопольного положения, синдикаты приступают к непрерывному взвинчиванию цен. В этом деле они знают только одно препятствие, а именно, сокращение количества продаваемого продукта или даже уменьшение числа покупателей, которые под влиянием дороговизны начинают целиком или частично отказываться от продуктов, производимых данным синдикатом²⁾. Такое явление может привести, наконец, к уменьшению прибыли и остановить синдикат от дальнейшего повышения цен.

Уничтожение свободной конкуренции дает, таким образом, синдикату (или тресту) возможность продавать свои товары значительно выше тех пределов, вокруг которых колеблются товарные цены при наличности неограниченной конкуренции, столь ти-

²⁾ Здесь могут иметь место те же явления, которые наблюдаются в истории косвенного обложения. Чрезмерное увеличение акциза заставляет нередко потребителя ограничивать свои потребности, сокращать производство обложившего товара до таких пределов, что повышение ставки принесет правительству уменьшенную сумму поступлений.

личной для капитализма, исследованного Марксом. Цены производства, т. е. издержки производства, плюс средняя прибыль, перестают быть фактором, определяющим рыночные цены товаров: на потребителя налагается **косвенный налог**, который в целом ряде случаев является вычетом из заработной платы рабочего-потребителя³⁾.

Барыши синдикатов и трестов увеличиваются еще тем, что они устраняют посредника-купца и присваивают себе всю торговую прибыль. Но и в том случае, когда они пользуются помощью купца, доля, которая достается последнему, ограничивается весьма значительно. Так, у нас в России, до организации «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» (синдиката «Продамета») агенты отдельных заводов за свои услуги по посредничеству получали по 5—6 коп. с пуда, тогда как торговые расходы заводчиков, вместе с потерями от банкротств, составляли после организации «Продамета» всего-навсего 1½—2 к. с пуда⁴⁾. **Все это способствует огромному накоплению прибылей в руках тех финансовых групп, которые, как мы увидим ниже, стоят во главе объединенной промышленности.**

Не вникая сейчас в экономические и политические последствия этого факта, мы хотим лишь пока отметить, что монопольное положение на рынке дает синдикатам и трестам громадные преимущества над единичным, необъединенным предприятием. Этим и объясняется гигантский рост синдикатского движения последних десятилетий.

Наиболее внушительных размеров этот процесс достиг в Северо-Америк. Соединенных Штатах. Размеры статьи не позволяют нам приводить примеры из той массы

³⁾ Понимая под заработной платой ту часть общественного продукта, которая идет на воспроизводство рабочей силы, некоторые экономисты, напр., Н. И. Бухарин, считают непопулярной самую постановку вопроса об эксплуатации рабочего, как такового и как потребителя. Если это даже так, то картельные цены (т. е. цены, назначенные синдикатами), во всяком случае, увеличивают эксплуатацию рабочего. Они уменьшают реальную заработную плату так же, как и расплата товарами, как обязательная покупка продуктов в фабричных лавках и т. п.; процесс уменьшения реальной заработной платы при наличности картельных цен принимает, однако, гораздо более широкий масштаб, чем при расплате товарами.

⁴⁾ Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железодельной промышленности. Москва, 1910 г., стр. 161

частно-капиталистических монополий, которая уже два десятка лет тому назад овладела американской промышленностью, но мы отнюдь не впадем в преувеличение, если скажем, что Соединенные Штаты рисуются наблюдателю страной, покрытой несколькими десятками крупнейших заводов, с их филиальными отделениями: нефть здесь составляет одна монополия, спирт—другая, сталь—третья, ткани—четвертая и т. д., и т. д.⁵⁾

В Германии, накануне войны, насчитывалось около 400 предпринимательских объединений, из которых особенно выделялся Рейнско-Вестфальский угольный синдикат. Этот синдикат в 1912 году выбросил 5.640 миллионов пудов угля—93 проц. всего русского и 54 проц. всего германского производства. Крупнейшую роль играет в эссенский чугунный синдикат, который в последний довоенный год дал свыше 200 миллионов пудов чугуна, то-есть $\frac{3}{4}$ производства всей русской промышленности.

Для Англии процесс синдицирования менее типичен, чем для Соедин. Штатов и для Германии, но и здесь можно назвать целый ряд крупнейших трестов. Таковы, например, тресты порландского цемента, обойный, кабельный, соляной, красильный, штицепечатный, табачный и друг. Они захватили в свои руки от 90 до 98 проц. (!) всего производства соответственных отраслей промышленности.

Россия в капиталистическом отношении страна молодая, но в ней синдицирование достигло в свое время весьма значительных размеров. Наиболее видное место среди русских синдикатов занимал «Продамет». В 1912 году этот синдикат объединял производство и контролировал продажу 83 проц. всего сортового железа, изготовляемого в стране, 81 проц. листового железа и т. п.⁶⁾ Рядом с «Продаметом» стояли: «Продуголь», «Медь», «Платина» и ряд других синдикатов.

Создание капиталистических монополий не ограничивалось, однако, объединением пред-

приятий одной и той же отрасли промышленности; оно шло, как говорится, не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлениях: объединялись не только однородные предприятия, но и родственные. Железодельные заводы вступали в теснейший союз с вагоностроительными и с паровозостроительными заводами, с каменноугольными копами и даже с пароходными компаниями. Прядильные фабрики объединялись, с одной стороны, с предприятиями ткацкими и, с другой стороны, с хлопковыми плантациями. Возникали гигантские комбинированные предприятия с десятками тысяч рабочих, с собственными рабочими поселками, с собственными железнодорожными ветками и с собственными гаванями.

Эти тенденции вели капитализм передовых стран к созданию «национально-государственных трестов»⁷⁾, т. е. к объединению всей промышленности страны в одно могучее предприятие, охватывающее железным кольцом всю хозяйственную жизнь соответствующего государства. Власть над монополиями, шедшими и продолжающимися идти по этому пути, находилась и находится в руках так называемых финансово-банковских групп, могущественных банков, возглавляющих «национально-государственные тресты».

Для новейшего капитализма вообще характерна своеобразная роль банков, которые, как видно будет из дальнейшего, необыкновенно сильно ускоряют намеченные выше тенденции. Но для того, чтобы осветить эту роль банков, необходимо сделать небольшое отступление и познакомиться с сущностью тех элементарных ячеек современного капитализма, которые называются акционерными обществами.

Постройка крупнейших заводов, пароходов, железных дорог, копей и других грандиозных предприятий нашего времени не под силу отдельным предприятиям. Достаточно указать, например, что оборудование бамбачной фабрики, рассчитанной на 180—200 человек, обходится в Германии в $\frac{1}{4}$ миллиона рублей, что организация комбинированного чугуно-литейного завода требует в той же стране не менее двадцати миллионов,— чтобы понять, что учредителями таких крупнейших предприятий могут быть лишь груп-

⁵⁾ Интересующиеся американскими трестами могут прочесть несколько устаревшую, но прекрасную брошюру П. Лафарга: «Американские тресты». СПб. 1906 г., изд. 2-ое (Поповой).

⁶⁾ Желающим ознакомиться с синдикатским движением в России можно рекомендовать содержательный и популярный очерк Г. Цыперовича. «Синдикаты и тресты в России». Петр. 1918 г., изд. «Социалист».

⁷⁾ Это выражение принадлежит тов. Бухарину. См. его в высшей степени содержательную работу: «Мировое хозяйство и империализм». СПб. 1918 г., изд. «Прибой».

пы капиталистов, или же банки, которые, подобно насосу, собирают все шальные средства страны и затем употребляют их на различные операции, в частности, на организацию промышленных предприятий.

Учреждение банком или финансовой группой акционерного предприятия дает им полную власть над этим предприятием, но этого мало: бывают случаи, когда они, оставаясь хозяевами «своего» детища, через подва выручают с избытком всю затраченную на него сумму. Поясним это на примере. Положим, что «учредители» организовали завод и вложили в него миллион рублей, который они распределили на 10 тысяч акций, стоимостью в 100 рублей каждая. Положим далее, что этот завод стал через год давать 200 тысяч рублей прибыли, т. е. по 20 рублей на 100-рублевую акцию. Продаст ли учредитель свою акцию за 100 рублей? Безусловно, нет. Ибо сто рублей, внесенные в банк или отданные в рост, принесут лишь, допустим, 5 рублей. Держатель акции в таком случае потребует за нее 400 рублей, как раз столько, сколько нужно внести в банк, чтобы получить 20 рублей дохода⁸⁾. Если бы учредители захотели продать все свои акции, то они при указанных условиях выручили бы, вместо затраченного миллиона, четыре миллиона рублей: они выручили бы весь затраченный капитал и вдобавок еще три миллиона барыша, который носит название **учредительской прибыли**. Сбыв еще треть акций, они возвращают себе абсолютную сумму и остаются за собой полное распоряжение предприятием.

Некоторые экономисты полагают, что акционерная форма предприятий приводит к «демократизации капитализма». Они рассуждают следующим образом: акцию, стоимостью в 200—300 руб., может купить и человек небогатый, даже рабочий, а если это так, то он может стать и участником капиталистического предприятия, хотя бы того самого завода, на котором он работает. Но это, конечно, вздор. Во-первых, держатель акции превращается в обыкновенного **ссудного** капиталиста: он получает, как мы видели, лишь средний рыночный

процент — предпринимательская прибыль, т. е. сливки предприятия — раз навсегда поступает в карманы учредителей. Во-вторых, отдельная акция не дает ее держателю никакой возможности принять хотя бы косвенное участие в управлении предприятием. Дело в том, что управление акционерного общества выбирается собранием акционеров, обладающих не одной, двумя акциями, а целыми пачками. Мелкие акционеры обычно на собрания и не являются, не только потому, что они своими единичными голосами не могут оказать никакого влияния на судьбу предприятия, но и потому, что отдельные акции бывают разбросаны по всей стране и даже по всему миру: не приезжать же, в самом деле, за тысячи верст, чтобы подать своих один-два голоса. Господство над акционерными предприятиями находится поэтому в руках немногочисленных крупных держателей акций или банков, которые выбирают директорами акционерного общества своих поверенных⁹⁾.

В руки банков попадают не только созданные ими акционерные предприятия, но и предприятия, учрежденные отдельными группами капиталистов. Промышленная история последнего времени характеризуется завоеванием фабрик и заводов банковым капиталом. Банки собирают в свои портфели $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ всех акций намеченного ими предприятия, и это оказывается достаточно, чтобы получить при выборах управления большинство голосов, и чтобы выбирать своих директоров.

Практика новейшего капитализма знает и целый ряд других способов получения торгово-промышленных предприятий банковому капиталу; таковы, например, система дочерних акционерных обществ, — «оздоровление» предприятий и проч.

Так устанавливается господство **финансового капитала, который представляет собой сращение банкового капитала с капиталом промышленным**. Господство финансового капитала не надо, однако, понимать в том смысле, что промышленники становятся рабами банков. Это было бы неверно.

⁸⁾ На самом деле этот вопрос значительно сложнее, но мы для ясности сознательно упрощаем его. Популярное изложение этого вопроса можно найти в книге Ю. Каменева: «Экономическая система империализма». Петр. 1916 г. Есть и новое издание, дополненное другими статьями того же автора.

⁹⁾ Чтобы дать представление о роли акционерных обществ в современной промышленности достаточно привести следующие примеры: в начале XX века 60 проц. всех фабрик и заводов, существовавших на северо-американский рынок исходили из акционерных обществ; в то же самое время $\frac{2}{3}$ двигательной силы всех германских заводов и фабрик находилась в руках акционерных компаний.

При развитии новейшего капитализма происходит процесс, глубоко отличный, например, от процесса завоевания ремесленника или кустаря купцом-ростовщиком. «Сравнение» же банкового капитала с промышленным есть явление, если можно так выразиться, двустороннее: заправилы промышленности входят в правления банков, а председатели банков входят в руководящие органы акционерных обществ, синдикатов и трестов¹⁰⁾.

Раз создается такая заинтересованность банков в промышленности, то вполне естественно, что падение прибыли или же, наоборот, ее повышение отражается прежде всего на самых крупных акционерах. Отсюда естественное стремление со стороны банков к объединению промышленности в синдикаты и тресты. Крупные банки являются поэтому самыми яркими поборниками синдицирования и трестирования. В этом деле банки всегда выступают заправилы. Так, например, создание «Продамета» было делом обобщенных усилий четырех банковских групп (русской, французской, немецкой и бельгийской); организация русского табачного треста, захватившего при своем возникновении (в 1912 году) 70% всего производства и слияние также крупные предприятия, как т-во Дукаль, т-во Лаферм и т-во А. Н. Богданова, была проведена Русско-Азиатским и Торгово-Промышленным Сибирским банками.

Вместе с объединением промышленности идет и централизация банков. В Германии этот процесс накануне войны привел к господству над всей промышленной жизнью страны 8 крупнейших банков. В Соединенных Штатах главенствуют всего лишь два банка. Число английских банков в одно десятилетие (1903-1912) уменьшилось больше, чем на половину (с 159 до 75). Уменьшение это шло за счет их постепенного слияния, что, однако, не помешало увеличению их операций свыше, чем на 60%.

Наподобие тому, как объединение про-

¹⁰⁾ Для того, чтобы дать представление об этом процессе достаточно указать на следующие примеры. Уже в 1903 году наиболее крупных немецких банков обладали 751 местом в наблюдательных советах промышленных акционерных обществ, и, наоборот, в наблюдательных советах этих банков состояли 51 промышленник (последняя цифра относится к 1910 году). В Америке 89 лиц занимали в 1908 году 2.000 директорских мест и т. д. (См. Н. Бухарин, указ. работа, стр. 42).

мышленности ведет к созданию единого треста, слияние банков ведет к единому банку. «С развитием банкового дела,—говорит Гильфердинг,—с возрастающей тесной связью между банками и промышленностью усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банками, с другой—к концентрации всего капитала в форме денежного капитала, и к тому, что производительные капиталы получают его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков стала бы располагать всей совокупностью денежного капитала. Такой «центральный банк» осуществлял бы контроль над всем производством».

Такое направление развития финансового капитала. Он стремится, как мы видели, к созданию «национально-государственных трестов»; но дело нередко идет еще дальше этого. Мы имеем в виду международные синдикаты и тресты,—создание единой капиталистической организации, господствующей над всем миром. Но это последнее устремление капитализма неминуемо наталкивается на такие противоречия между «национально-государственными синдикатами», которые ведут к военным катастрофам. На этих противоречиях мы и должны остановить свое внимание.

«Национально-государственные тресты» стремятся к непрерывному повышению таможенных пошлин. Но зачем им это нужно? Нуждаются ли такие страны, как, например, Германия и Соед. Штаты, в защите своей промышленности от иностранной конкуренции? Нет никакого сомнения, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Правда, было время, когда промышленность этих стран не могла, благодаря превосходству английской техники, конкурировать с английскими товарами. В эту пору была выдвинута идея **воспитательных** пошлин,—воспитательных в том смысле, что они должны были способствовать развитию «отечественной» промышленности и опекать ее до тех пор, пока цены производства внутри страны не сравняются с ценами производства в более развитых промышленных странах. С этого момента пошлины, по мысли основоположника учения о так называемом воспитательном протекционизме, должны были быть совершенно уничтожены. Но этого, однако, не случилось. И если со-

временные передовые страны склонно ведут политику повышения таможенных ставок, если Соед. Штаты доводят ставки на некоторые товары до 150 проц. их стоимости, если Франция в один прием повышает ввозные пошлины на 25 проц., то это, конечно, не потому, что им угрожает конкуренция других стран. Соответствующие страны этим преследуют не цели обороны, а наступления.

Пошлины новейшего времени, или, как их называют, картельные пошлины, имеют своей непосредственной задачей взвинчивание цен внутри страны, эксплуатацию внутреннего потребителя, с тем, чтобы развязать себе руки на иностранном рынке и сбывать туда товары, нередко ниже издержек производства. Чем больше этот внутренний рынок, тем крупнее синдикатские прибыли внутри страны, тем легче и завоевание рынков тех стран, вокруг которых борются «мирным» путем национальные капиталисты передовых стран. Отсюда — стремление расширить таможенные перегородами внутреннего рынка, отсюда стремление к увеличению территорий, тех вотчин, где безраздельно царствуют «национально-государственные тресты». Это одно из проявлений империализма, одна из предпосылок современных империалистических войн.

Далее: развитие сельского хозяйства, как общее правило, не поспевает за развитием промышленности. Это вызывает в последние десятилетия непрерывный рост цен на всякого рода сырье и создает, вместе с тем, стремление передовых «национально-государственных синдикатов» к тому, чтобы обеспечить себя рынками сырья. Рынками же сырья являются отсталые страны, на которые мировые хищники и направляют свои стрелы. Англии, например, нужен хлопок: она ищет себе соответствующее «хозяйственное» дополнение и находит его в Египте; Германии нужен хлеб, и она распространяет свои пушальны на Украину. И совершенно прав Н. И. Бухарин, когда он в своей блестящей работе рассматривает подобно рода анекдот, как частный случай вертикальной централизации производства, как дальнейший шаг в развитии комбинированных национально-государственных трестов, возглавляемых банковскими акулами ¹¹⁾.

¹¹⁾ Основная научная заслуга книги тов. Бухарина, по нашему мнению, заключается именно в том, что он рассматривает политику государства, этого исполнительного комитета господствующих классов, как средство про-

Подобную же роль играют и рынки сбыта. Производительные силы капитализма растут непрерывно, количество товаров, выбрасываемых современными капиталистическими гигантами, увеличивается все больше и больше, но товары эти не находят сбыта, потому что покупательная сила широких народных масс ограничивается всей политической финансовой капитализма. Какой же отсюда выход? Ответ один: рынки слабо развитых промышленных стран — страны «дикие» и «полудикие», юго-восточная Африка и белгийское Конго, Турция и Персия, Австралия и Канада. Но все «национально-государственные синдикаты» обладают более или менее одинаковыми аппетитами. Отсюда — новые источники для столкновений, для разрешения конфликтов в области «мирной» конкуренции силою оружия.

Не менее важные предпосылки империалистических войн вытекают из так называемого экспорта капитала. Мы указывали выше на целый ряд фактов, которые служат источниками обогащения магнатов финансового капитала. Это, с одной стороны, колоссальные учредительские барыши, с другой стороны, картельные цены, присвоенные торговой прибылью, обогащение дополнительными барышами за счет таможенных перегоронок, которые дают «национально-государственному» тресту полную возможность поднимать цену на всю величину ввозной пошлины, и т. д. Все эти факторы способствуют накоплению огромных капиталов, которые внутри страны обречены на бездействие. Дело в том, что новейший капитализм держит в напряжении рынок: он стремится к тому, чтоб расширить производства (упаси, Господи!) не повлекло за собой увеличение предложения товаров и неизбежное при этом падение цен и прибыли. Расширение же производства за счет внешнего рынка тоже находит определенные границы, потому что эти рынки «запущены» вперед китайской стеной таможенных перегоронок. Это толкает избыточные капиталы в отсталые страны, где они сразу же насаждают грандиознейшие предприятия нашего времени. Достаточно указать, что передовые страны имели накануне войны вне своих «отечеств» десятки миллиардов рублей, чтобы

стого и расширенного воспроизводства данных производственных отношений. Стремясь к популярности, мы, к сожалению, не имеем возможности следовать этому единственно научному методу освещения рассматриваемых явлений

знать, каких крупных размеров достиг экспорт капиталов в новейшее время. Вывозимые капиталы вкладываются в недра земли, в копи и рудники, в железнодорожные насыпи, в каналы, в колоссальные оросительные сооружения и т. д. Все эти предприятия рассчитываются на барыши, которые, во всяком случае, не меньше прибылей, реализуемых внутри страны, в территориальных «национально-государственных трестов». Но если это так, то каждый «национальный» капитализм устремится к подобным пунктам, каждый побивается «концессий» — права устройства железной дороги и эксплуатации полосы отчуждения, права разработки руды и т. д. и т. д. Это, естественно, рождает столкновения, которые в определенный момент выливаются в аргументацию силою оружия. Завоевание же самых эксплуатируемых стран идет «мирным» путем: оно выражается либо в постепенном подчинении их государственной власти воле «национально-государственного треста» эксплуататоров, как это имеет место в Турции, по крайней мере в полную зависимость от Германии, либо в порабощение местных «дикарей», в отобрание у них земель, так это наблюдается, например, в Бельгийском Конго...

Но само развитие новейшего капитализма готовит ему собственную гибель. Класс капиталистов из промышленных предпринимателей, принимавших раньше участие в процессе производства, становится акционером, классом «лиц, живущих стрижкою ку-

понов, лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, лиц, профессией которых является праздность»¹²⁾. Начинают сказываться явные признаки загнивания класса капиталистов, который превращается в паразитов, подобных феодалам-крепостникам времен их упадка.

Но этого мало. Капитализму начинает угрожать не только собственное загнивание, но в гораздо большей степени рост того могильщика, который расправляет уже свои могучие плечи. Мы говорим, конечно, о пролетариате. Он выносит на своей шее и ярмо налогов, идущих на вооружение, и высокие цены, и беспримерную эксплуатацию, и всю тяжесть империалистических войн. Все шире и шире разверзается глубочайшая пропасть, лежащая между трудом и капиталом. «Варные крохи со стола» буржуазии оказываются уже не в силах привлекать рабочих, соблазнившихся интересами минуты и надеждами на получение медвежьего ушка делимой добычи. Срываюются всякие вуали, маскирующие истинную физиономию империализма, и перед пролетариатом встает вопрос о последней схватке с капиталом.

Так, «в мощном столкновении враждебных интересов, диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата». «Бьет последний час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются...».

Ш. Дволайцкий.

¹²⁾ Вл. Ильин: «Империализм, как новейший этап капитализма». Петр. 1917 г. 97.

Империализм и Восток.

1. ДВА ИЗДАНИЯ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

Существуют как бы два издания мирового империализма во всем различествующие одно от другого. Первое издание, отпечатанное на «роскошной бумаге» и снабженное художественно исполненными заставками и виньетками, предназначается исключительно для просвещенного европейского читателя.

Издание второе, отпечатанное кое-как, на серой плохонькой бумаге рассчитано на невзыскательного читателя мира империалистических колоний, главным образом — Востока. Империализм первого порядка любит изливаться в сентиментальных фразах о «праве каждой нации на самоопределение», о «самостоятельности маленьких государств» — империализм второго рода сухо сообщает нам о беспредельном господстве 700.000 французов над 5 миллионами арабов в Алжире и около полутора миллиона англичан над 315 миллионами индусов в Индии.

Империализм мировой чрезвычайно охотно распространяется на тему о создании «лиги народов», которая сделала бы невозможными впредь какие-либо насилия и захваты в международном масштабе; империализм восточный коммерчески деловито, под покровом дипломатической тайны составляет в то же время подробный план раздела Турецкой Империи между пятью союзными державами, а также принимает все меры к пресловутому размежеванию «интересов» великих держав в Китае.

Империализм колониальный является, таким образом, как бы деловой изнанкой империализма европейского, окрашенного во все оттенки права, гуманности и цивилизации. Он не говорит, подобно второму, о праве и свободе наций, а пинично заявляет, что Турция это — «большой человек», которого надо прикончить, что Китай — представляет из себя «желтую опасность», которую надо предотвратить энер-

гичными хирургическими мерами, наконец, что Индия и Персия это страны анархии и культурного разложения», а потому они нуждаются в спасительной опеке европейцев. Если в капиталистической Европе основой деления общества на избранное меньшинство, и на обделенное большинство является **кость** — «белая» — господская и «черная» — рабочая, то на Востоке такой основой является **цвет** человеческой кожи, причем все народы «цветные» обречаются на безусловное рабство выточенной кучке — «белых людей».

Мировой империализм, как мы видим, на Востоке чувствует себя гораздо свободнее, «привольнее», нежели в Европе, он не должен здесь ходить в узких и неудобных конституционных и гуманитарных облячнях, а устраивается, если можно так выразиться, параспашку, запросто и без лишних, стеснительных церемоний.

Эта пиничность проявлений мирового империализма на Востоке, позволяющая совершенно точно установить его истинную, подлинную природу и заставляет нас ближе присмотреться к нему в окружающей его причудливой обстановке Востока.

2. ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО.

Правда, производя свои безпримерные захваты и насилия над народами Востока, империалисты прикрываются при этом целой идеологией, превращающей их из международных хищников чуть ли не в рыцарей-героев всего человечества.

По их словам, они направляются на Восток не в качестве купцов-завоевателей, а как «культуртрегеры» (буквально: носители культуры), преследующие единую миссию приобщения отсталого, в экономически-культурном отношении, Востока к цивилизованному европейскому миру.

Исходя из этих утверждений, мировой империализм не прочь полицемерить и надеть на себя личину безкорыстия и пол-

нейшего уважения к культурным ценностям народов, которые являются предметом его возжеланий.

Так, как известно, Япония начала войну с Россией в целях «защиты Китая» от хищнических посягновений первой на Манчжурию; но лишь только она одержала победу, как началась безудержная эксплуатация и даже колонизация Манчжурии японцами, которые, как оказалось, «унаследовали» от России всякого рода железнодорожные и экономические привилегии¹⁾. В настоящее время Соединенные Штаты заявляют, что они совершенно «безкорыстно» будут защищать интересы Китая и стоять на Пекине на страже принципа, так называемых **открытых дверей**—решительно для всех наций. Однако, цена этого безкорыстия достаточно выясняется из, хотя бы, только что переданного телеграфного известия о том, что Соединенные Штаты согласились финансировать Китай, но «при непременном условии, чтобы Китай аннулировал все свои прежние займы»²⁾.

Наконец, даже в безпримерном по откровенности и либерализму феодальском соглашении Англии, Франции и России по поводу раздела между ними Турции, все же содержится стыдливое указание на необходимость обезличения религиозных интересов ограбленных турок, с каковою целью их священные места должны и впредь остаться под «независимым мусульманским владычеством»³⁾.

Какова же цена империалистического культуртрегерства, дралирующегося в столь благородные и красивые заявления и манифесты?

Ответить на этот вопрос на основании исследования всей политико-хозяйственной жизни огромных монархий Востока, конечно, было бы чрезвычайно трудно, а для настоящего времени, прямо-таки, и невозможно. Однако, сквозь чащу безгранично разнообразных фактов и явлений государственно-экономической жизни государств Востока, эксплуатируемых европейцами,—одна тенденция постоянно дает себя чувствовать, являясь как бы общим фоном для всей

«культуртрегерской» деятельности империализма.

Тенденция эта сводится к всемерному подержанию государств Востока на возможно низком культурном уровне, к ревнивому сохранению того отсталого хозяйственного и общественного состояния, в котором они находятся уже в течение многих столетий.

Наиболее яркой иллюстрацией подобного положения вещей является хозяйничанье англичан в Индии. Несмотря на то, что англичане владеют фактически последней более полутора столетия⁴⁾, в ней нет до сих пор ни одной корабельной верфи, ни одного технологического или горного института⁵⁾; банковское дело находится в зачаточном состоянии так же, как и туземная мануфактурная промышленность; грамотность стоит на необычайно низкой ступени развития: в 1899 году в начальных школах Индии всего обучалось 3.500.000 учеников, т. е. не многим больше 1 проц. всего населения.

Политический строй Индии представляет из себя нечто еще более уродливое, нежели государственный строй до-революционной России.

Всего лишь в прошлом году была выработана и принята национальным конгрессом индусов программа реформ, которая содержит в себе такие азбучные требования, как: «полное городское и земское самоуправление» (§ 7), допущение коренных жителей, хотя бы в половинном количестве, в законодательные и исполнительные центральные и провинциальные органы (§ 1, 2), предоставление законодательному совету при вице-короле права вводить пошлины и налоги (§ 9) и т. д., и т. д.⁶⁾.

Правда, в лице последнего учреждения, Индия имеет призрак чего-то, в роде парламента, но перед ним даже наша Бульгинская дума является каким-то идеалом представительного строя. Большинство членов Совета (36 из 68) не избираются, а назначаются заместником короля из рядов местного английского чиновничества и, таким образом, за всякой мерой, вносимой правительством, заранее обеспечено большинство:

¹⁾ Lancelot J. W. Lawter. «The Powers in the East». (Fortnightly Review may. 1911).

²⁾ См. «Известия В. Ц. И. К.» от 1 июля 1918 г.

³⁾ Сборник секретн. дипломатическ. документов. Соглашения, телеграммы и справки по вопросу о «Константинополе и проливах»

⁴⁾ Планомерное завоевание Индии началось в 1757 г. победами полк. Клайва и Уоррена Гастингса.

⁵⁾ См. «Записки» Раджаат Рая (1915 г.) об Индии.

⁶⁾ См. статью «Реформа Индии» в «Русск. Ведомостях» от 18 ноября 1917 г. (№ 4).

туземные же представители присутствуют лишь для «поправок»⁷⁾.

Интересно, что совсем на-днях телеграф принес нам ответ Великобританского правительства на этот более, чем скромный проект реформ.

20-го июля Палата Общин приняла проект реформ в Индии, намечающий: «**постепенное** привлечение индусов в административные учреждения, **подготовительные** мероприятия к введению в Индии принципа ответственности правительства и **возможно более широкое** развитие местного самоуправления».

Проект этот одинаково интересен, и как показатель той «постепенности», которая характеризует всю «прогрессивную» политику англичан в Индии, и как косвенное показательство роста национального революционного движения в Индии, вырвавшего у Парламента эти полу-реформы.

Политика англичан в Индии, однако, не является чем-то исключительным в практике международного империализма. Французские культуртрегеры в своих колониях ухитрились создать режим, перед которым бледнеют даже английские порядки в Индии. Достаточно сказать, что в Алжире туземцы или совсем отстранены от участия в коммунальных советах, или же присутствуют там, но без права участия в выборах членов муниципалитетов. Туземцы же, заседающие в законодательном собрании всей колонии—в 90 проц. являются французскими чиновниками и в качестве таковых, конечно, совершенно лишены свободы голосования⁸⁾.

Затрагивать вопрос о культурной миссии рухнувшей русской империи на Азиатском континенте, конечно, можно лишь в шутку. Система парализования всех живых народных сил и приведения живой государственной ткани в омертвелое состояние, столь характерное для всей политики ее, безразлично, внутренней или внешней, быть может, нигде не проявилась так ярко, как в ее отношениях к Турции.

Вся деятельность России заключалась в систематических препятствиях, которые чинились политико-экономическому прогрессу Османской Империи. Русское правительство доходило здесь до неподражаемых уловок: так, получив в 1899 году от Турции исключительное право на постройку желез-

ных дорог на севере и северо-востоке Анатолии, «Россия с той поры не только не построила с помощью русских или иностранных капиталов, ни одного километра железных дорог в Турции, но, наоборот, воспользовалась этой концессией лишь для того, чтобы не позволить союзной Франции, или дружественной Англии приступить к каким-либо железнодорожным постройкам в этих областях...»⁹⁾.

Больше всего любят указывать на свое культуртрегерство сами изобретатели этого слова,—немцы.

Однако, что касается до культурной миссии, осуществляемой германским империализмом в самостоятельных или полусамостоятельных странах Востока, а отчасти и Дальнего Запада (так, например: в Турции, Китае, Аргентине, Боливии), то она вся ищется и черпывается присылкой военных инструкторов и крупновских пушек и снарядов.

Мы видим, таким образом, что культурная деятельность, которую так эффектно драпируется мировой империализм, в переводе на язык фактов оказывается: установлением рабства политического (Индия, Алжир), искусственным приведением страны в состояние экономического паралича (Турция, Персия), или же, наконец, внедрением культуры стали и крови, т.-е империализма (Турция, Китай).

3. РЕЛИГИОЗНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ.

Мы уже имели случай убедиться, что империализм не прочь, при случае, порисоваться своим глубоким уважением, своим предупредительным отношением к религиозным ценностям, которые играют такую огромную роль в жизни Востока, особенно мусульманского.

Когда началась война, Россия, Франция и Англия, немедленно объявляют о неприкосновенности священных мест Ислама; типичный представитель русского империализма, бывший великий князь Николай Николаевич, прибыв в Тифлис, первым долгом выставляет богослужение в христианских церквях всех исповеданий, а также в шиитской и суннитской мечети и т. д.

Немцы и тут пошли гораздо дальше своих врагов.

Уже за много лет до войны, величайший германский империалист Вильгельм II-й разыгрывает целую комедию, имеющую целью

⁷⁾ Синяя книга. Стр. 48 — 49.

⁸⁾ P. Millet. La condition des musulmans à l'étranger 1913 г.

⁹⁾ М. Павлович (Вельтман) «Азия». 1918 г. Стр. 57.

убедить мусульман, как он глубоко уважает их религию. Неоднократно, он официально рекомендует себя как защитника и «друга 300 миллионов мусульман, рассеянных по всей земле», в 1898 г. он даже предпринимает целое опереточное путешествие к гробу султана Саладина, наконец, уже во время войны, он усиливает выражение своих симпатий к мусульманской религии до того, что в Афганистане возникает слух, будто германский император... принял Ислам...

Конечно, заранее можно сказать, что вся эта религиозная политика империализма является чистой водой, имеющей целью прикрасить планы и вождедения совсем иного порядка. И действительно, Франция, торжественно провозглашающая «неприкосновенность священных мест Ислама», в то же время еще до войны систематически запрещает своим подданным магометанам алжирцам посещать их (в 1911, 12, 13 гг.).

Конечно, все это делается под чрезвычайно благовидным предлогом... из-за санитарных опасностей, связанных с посещением Мекки. Любопытно, что веротерпимые англичане проделывают то же самое, но на этот раз с русскими подданными бурятами, совершающими паломничество в Лхасу, которых систематически задерживают на Тибетской границе.

Мы видим, таким образом, что религиозные симпатии, в которых изливается империализм, являются лишь средством для наилучшей эксплуатации легковерных и подчас фанатически верующих жителей Востока. Наиболее выукло, хотя и в анекдотическом обличии, эта черта выступила в знаменитом выступлении ташкентского губернатора Гишнуса, который выступил в мечети, в платке муллы с целью агитации среди правоверных предполагавшегося призыва их на военную тыловую службу.

Политика немцев является здесь наиболее последовательной, циничной и вредной. При помощи своего заигрывания с мусульманами на почве их религии, германские империалисты имели целью вызвать не более не менее, как «джихад», т. е. религиозную войну против неверных, которая предписывается в нескольких местах Корана. Они пытались, таким образом, наэлектризовать и натравить мусульманские массы на русских и англичан не только в Персии, и в Афганистане, но и на их территории, т. е. в Индии и в Закавказьи.

В тех же случаях, когда Ислам не приго-

ден для немцев в их политических целях, или даже вреден им, мы сразу узнаем истинную цену их «защиты 300 миллионов магометан». Существует любопытнейший циркуляр генерал-губернатора германской Восточной Африки Шнее, в котором он рекомендует своим подчиненным принять ряд мер для противодействия распространению мусульманской пропаганды.

Циркуляр не только проектирует запрещение обрезания и проповеди в мечетях, но считает самым действительным средством «издание регламента совершенно запрещающего Ислам». Как реальное же средство борьбы с ним, он рекомендует поощрение туземцев... к разведению свиней», как известно, воспрещенных мусульманам в пищу.

Все эти факты наглядно доказывают, что уважение к религии народов Востока, деконструируемое империализмом, является лишь маской, прикрывающей самые циничные планы и человеконенавистнические вождедения.

Империалисты здесь производят такую же спекуляцию на религиозной психологии, которую на бирже они ведут на ценных бумагах, а в политике на тайных дипломатических документах.

4. РАСОВАЯ ВРАЖДА И ГРАЖДАНСКОЕ ПРИНИЖЕНИЕ.

Соответственно с общим эгоистическим и эксплуатационным характером империализма по отношению к жителям Востока, гражданское положение их является необычайно низким, напоминающим спартанских илютов, римских колоннов или же русских крепостных. Колониальная администрация, рекрутируемая обыкновенно из самых малокультурных, но «предприимчивых» в служебном отношении кругов, на подобие наших престовутых чиновников «обрусителей», совершенно не желает усвоить, что и в Индии, и в Китае, и в Алжире она имеет дело с людьми древней, своеобразной культуры, а привыкает трактовать их с точки зрения «цвета кожи», считая их всех людьми низшей расы, чуть ли не казими-то человекоподобными существами.

Недаром, один крупный английский чиновник Вебб пишет: «К несчастью многие белые колонисты Южной Африки никогда не бывали в Индии и не знают ни ее истории, ни современного освободительного движения в ней. Они склонны ставить всякого

индуса на одну доску с неулыбчивыми кафрами и готтентотами¹⁰⁾.

С другой стороны, сами же правительства империалистических государств создают ряд уничижительных слеснений и ограничений, которые вырывают непроходимую пропасть между туземцами и их «белыми» господами и покровителями. Не перечисляя сколько-нибудь подробно всех этих правовых изъятий, достаточно указать, что до самого последнего времени индусы были лишены права носить оружие, получать офицерские чины, а также разного рода отличия (вроде Victoria Cross) и т. п.

В большинстве английских чиновничьих клубов Индии существует параграф о недопущении в них туземцев; наконец, совсем недавно существовало неписанное правило, по которому индус, каково бы ни было его общественное положение, при встрече с англичанином, должен был сходить с тротуара и уступать ему дорогу! В отношении использования труда местной интеллигенции существует до сих пор возмутительное неравенство, не имеющее никаких разумных оснований. В то время, как 8.000 английских чиновников и офицеров, часто полуграмотных и мало пригодны для службы в Индии, получают в год 14 миллионов фунтов стерлингов,—130.000 индусов служат на третьестепенных должностях и получают годичное вознаграждение всего в 3½ миллионов фунтов стерлингов¹¹⁾.

Благодаря такому ненормальному порядку вещей, в 1910 г. в Бенгалии числилось более 40.000 безработных индусов с высшим или средним образованием; в случае же получения ими заработка, он оказывался ничтожным, ниже дневной платы поденщика-туземца. Однако, всякое стремление Высшего Индийского Правительства даже самое скромное, привлечь местные силы к административной службе, встречает глухой ропот и противодействие среди белых колонистов, обвиняющих свое начальство, что оно «гладит индусов по головке» и распускает их.

Правовое положение туземцев во французских колониях, однако, еще более тяжело и уничижительно. Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что в Алжире они уплачивают специальный земельный

налог, от внесения которого изъяты все европейцы, кроме того, для них существуют даже некоторые виды **барщины** (лесная и дозорная).

Все безправие туземного населения Востока, однако, всего ярче проявляется в той специальной судебной процедуре, которая для них установлена, а также в исключительных законах, могущих быть примененными к ним, когда этого пожелает белая колониальная администрация.

Вот что пишет о судебном положении туземцев Алжира известный французский публицист Ф. Милле на страницах французского оффициоза «Temps». Существуют три степени взысканий, специально применяемых к туземцам. За мелкие проступки они судятся не мировыми судьями, а представителями администрации, облеченными в этом случае дисциплинарными полномочиями. В случае серьезных нарушений закона, они предаются суду, специально учрежденных для этой цели карательных трибуналов и уголовных палат (tribunaux repressifs et cours criminelles). Наиболее же тяжело отражается на правовом положении туземцев третья система исключительных взысканий, буква в букву согласующаяся с административной практикой, процветавшей в до-революционной России.

«Простой приказ об аресте генерал-губернатора Алжира, состоявшийся без предварительного следствия и не могущий быть обжалованным, достаточен, чтобы подвешнуть туземца нескольким годам административного заключения (l'internement administratif). Насколько широко администрация Алжира использует это право, видно из того, что за 13 лет (с 1899 по 1911 включительно), согласно французской официальной статистики, состоялось 2872 случаев административного заключения или отдачи под усиленный полицейский надзор.

Читая эти правила и цифры, мы точно присутствуем при отвратительном зрелище, как республиканская Франция у себя дома, распевающая марсельезу и гордо объявляющая демократические принципы равенства и свободы, в то же время в укромном местечке, на заднем колониальном двореке,—совершенно хладнокровно насаждает такую практику безправия и административного насилия, перед которой блекнет террористический режим царской монархии.

Ряд конституционных навыков и уваже-

¹⁰⁾ См. Статью «Halla v. XIX Centuryend After» 1913 г.

¹¹⁾ См. Синяя книга. Вступление II, стр. 89.

ние к законности, с колеблели прививаемое в метрополии, не позволяют англичанам вводить в Египте или в Индии подобную практику неслыханного судебного-административного произвола. И, однако, в Индии существует ряд чрезвычайных законов, серьезно ограничивающих права туземцев. Так, в силу старинного закона, изданного индийской комиссией в 1818 г. (Bengal State Prisoners Regulation), генерал-губернатору предоставляется право без суда подвергать заключению индусов, обвиняемых в политической агитации.

Более действительное значение имеют специальные законы, сильно стесняющие туземную прессу (вроде закона 1909¹²⁾. В силу подобных ограничений, например, индусским газетам запрещено под страхом крайне суровых наказаний, защищать Великое Индийское возстание (т. н. Mutiny 1857 г.), писать о неправильностях, допущенных в отчетах индийского правительства и т. п., и т. п.

Когда же колониальным британским властям угрожает серьезная опасность они не останавливаются перед применением самых террористических мер. Так, например, когда весной 1915 г. в Пенджабе началось сильное революционное движение среди населения, а также в армии, правительство спешно издало закон об ускоренном судопроизводстве (The public safety bill),¹³⁾ которому, по меткому замечанию русского консула Набокова, «наиболее соответствует наша усиленная охрана». В силу этого закона, полицией в течение нескольких месяцев было схвачено свыше 4000 человек, из которых несколько десятков было предано смертной казни, конечно, без соблюдения обычных судебных гарантий. Последнюю ноту в этом мрачном концерте берет Германия: Известны «охоты» на туземцев, которыми тешат себя наряду с охотами на слонов и крокодилов, прусские офицеры в немецкой Африке; отношение германцев к китайцам лучше всего характеризует то шалупство с которым обратилос

Вильгельм II к экспедиционному корпусу, отправляемому в 1900 г. на театр военных действий в Северный Китай. Благословляя их на военные подвиги, он называл их «воинами Аттилы должностными подвергнуть безпощадной смерти и уничтожению своих желтых врагов».

Останавливаться на приемах перманского колониального владычества, впрочем, в настоящее время не представляет никакого интереса, так как полное и систематическое осуществление их мы можем до сего времени наблюдать в Финляндии, Бельгии и на Украине.

Предшествующие наблюдения над фактами позволяли нам уяснить ту истинную роль, которую играет мировой империализм на Востоке: спекуляция на религиозных чувствах туземцев, внутренняя политика расовой вражды и праждавшегося унижения, «культурная деятельность», сводящаяся к поддержке всемерного застоя в области политики и экономики, наконец, деятельная пропаганда милитаризма — таковы зловещие итоги деятельности «великих» держав на Востоке. Немусленно, что с каждым годом, а в последнее время с каждым месяцем там зреет глубочайшее недовольство этой культурной европейской опекой, которая на самом деле представляет из себя чудовищную банку, приставленную к народам Востока для высасывания из них всей крови, всех живых соков.

Рост революционного движения в Индии, развивающаяся с огромным успехом пропаганда в Персии, Афганистане, Турции и Туркестане, наконец, рост национального движения в Китае — таковы первые признаки, первые глухие, подпочвенные громы, которые предвещают наступление в грядущем общего грандиозного землетрясения, способного поколебать весь древний материк Азии и поглотить в недрах своих паразитов мирового империализма.

В. Кряжин.

¹²⁾ См. J. Challay—L'Inde Britannique.

¹³⁾ Ситняя книга. Стр. 43, 53, 54, 57, 58, 63, 93

გეორგია

პანისი

ИСПОВЕДЬ СТРИНИКА.

Творчество Максима Горького выросло из одного основного умонастроения, из одной господствовавшей в его душе идеи.

Перед ним всю жизнь носился (Володя, Маня), и вдохновлял—один образ, сначала в очертаниях неясных, потом все более выявляясь, и, наконец, засиял ослепительным блеском. То был образ человека, сильного и самоотверженного, борца с хаосом и тьмою, творца на земле жизни разумной и светлой.

Вдохновенно и ярко начертал он этот образ в стихотворении в прозе, подписанном „Человек“.

При слове „человек“,—говорит он здесь—в груди моей словно солнце загорается. Я вижу его гордое чело, его глубокие спокойные глаза. Затерянный в пустыне вселенной, движется он мужественно вперед и выше по пути к небесам над всеми тайнами земли и неба, и, шествуя к своей заветной цели сквозь тьму преград, он восклицает:

„Я создан для того, чтобы разрушить все старое, все мелкое и злое и новое создать на выкованных мучью незыблемых устоях свободы, красоты и уважения к людям. Смысл жизни вижу в творчестве, оно же безпредельно“.

Редко кому из писателей удавалось начертать такой гигантски-величавый образ человека-борца, человека-творца, победителя хаоса, соперника богов.

А кругом Горький видел совсем иных людей, людей, занятых устройством своего благополучия, людей, мелочно-расчетливых, людей, ушедших в погоню за наживой и комфортом, или—как выразился потом

один из его героев—„тусклых человеков“, которые все просят „дешевенького счастья, удобства, тишины“.

Волнуясь и негодуя, поспешил он занести на страницы своих творений это противоречие между тем, чем стал человек в наши дни, и тем, каким он должен был бы быть.

„Хоть плохи мои глаза“,—говорит, качая седою головой, старуха Изергиль,—но все я вижу. И вижу я, что не живут люди, а все примеряются и примеряются, и кладут они на это всю свою жизнь. Всяких людей я также вижу, но нет сильных, где они?“. А старухе Изергиль вторит в рассказе „Читатель“ таинственный собеседник героя (писателя): „человек теперь уже не царь природы, а раб жизни: он не борется, а только приспособляется, и двигает им не дух, а похоти“.

Из этой, в груди Горького никогда не угасавшей пламенной тоски по человеку, творцу на земле жизни разумной и радостной, и вылились его главнейшие произведения.

Эта тоска и вела его пером, когда он писал свои сказки и песни о соколе и чиже, о буревишке и юном герое Даяко. Ужам, благоденствующим в гнилых ямах. пингвинам, самодовольно переваривающим пищу, гагарам, дорожащим своим сытым покоем, противопоставлены здесь, как идеал, натуры сильные и любящие, стихия которых борьба и гроза; борцы, зовущие людей от мелких будничных забот к самоотверженным подвигам, ведущие их из мрака леса, из мрака жизни туда, где солнце и простор, готовые осветить им путь-дорогу к счастью своим собственным, из груди вырван-

ным сердцем, зажженным, как факел. Все эти образы—сокол и буре-вестник, чиж и Данко — они все лишь разные символы горевшей в груди Горького мечты о человеке-борце, человеке-творце, который, шествуя к своей заветной цели вперед и выше, сквозь тьму преград, сквозь сонм врагов, восклицает:

„Смысл жизни вижу в творчестве, оно же безпредельно. И вот иду, чтобы сгореть, как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня награда. Иных наград не нужно для меня“.

Но ужели,—спрашивает себя Горький,—этот образ, чарующе-светлый, живет только в сказке, рожденной из пены грез, или в песне, что вырвалась из груди, прозвучала в воздухе и растаяла бесследно в пустоте вдаль уходящего горизонта? Ужели нет таких людей в жизни, в окружающей нас действительности?

И вот он берет в руки посох странника и идет искать по всей русской земле ответа на волнующий его вопрос.

Творчество его и есть (в его наиболее ярких проявлениях) нечто иное, как исповедь странника о том, что он видел и слышал, о том, как он шел от разочарования к разочарованию, и как ему, наконец, блеснул яркий луч надежды. И по мере того, как он переходил с посохом странника в руках из одной социальной среды в другую, перед ним все шире разворачивалась картина русской действительности. На досуге, отдыхая от своих скитаний, он заносил на бумагу свои впечатления и свои переживания, но, заносая их на бумагу, он всегда помнил свой завет писателю, данный им в рассказе „Читатель“, а именно, что поэзия не простая фотография жизни, не протокол действительности, что поэзия—это прежде всего „бодрое слово, окрыляющее душу“ это прежде всего немолчный „призыв к творчеству жизни“. В своей „Исповеди“ он не стремился поэтому быть бесстрастным летописцем, фотографом-протоколистом — картина, которую он рисовал, отдыхая от

своих скитаний, она не совсем соответствует оригиналу, с которого она списана—кое-где слишком много тени, в других местах слишком много света, и порою вместо живых людей из плоти и крови выведены отвлеченные образы—идеалы.

Не фотографический снимок с русской действительности дал Горький в своей исповеди, а скорее сказку-быль, и притом сказку-быль о строителях жизни, и, как волны морские, в которых погиб смелый сокол, сын солнца, звучат страницы его исповеди, исповеди странника, прежде всего „призывом гордым к свободе, к свету“.

Свои поиски носившагося перед ним идеала наш странник начал с той среды, которая по обстоятельствам его личной жизни была ему роднее остальных, со среды босяков.

Вот он видит, скитаюсь по большим и малым дорогам российской действительности, в степи—костер, а возле него отдыхают несколько бродяг. Он подсаживается и прислушивается.

„Люблю я эту бродяжнюю жизнь“, — говорит один из босяков. — „Оно и холодно и голодно. Зато свободно уж очень. Нет над тобой никакого начальства. Сам ты своей жизни хозяин. Вот я лежу, смотрю в небо звезды мигают, словно говорят: ходи себе знай по земле, не поддавайся. И хорошо на душе“.

И показалось на мгновение нашему страннику, что, быть может, именно эти бесприютные люди, не дорожащие удобствами жизни, ни перед кем не гнущие шеи, что именно они и призваны возродить жизнь. И бодро зашагал он дальше. На своем пути он встретил Челкаша, встретил Мальву и невольно залюбовался их красочными фигурами. Но вот однажды поздно вечером взглянул он усталый в ночлежку („Бывшие люди“).

Среди присутствовавших шел горячий спор. И он невольно прислушался. Спорили как раз о том вопросе, который промелькнул в его голове там, ночью, в степи, у горевшего костра. Хозяин ночлежки, опу-

стившийся на дно дворянин, доказывает босякам, что они—явление новое в истории—(на самом деле старое) и призваны обновить жизнь. Слушатели сначала очарованы, но потом один за другим они освобождаются от сковавшего их гипноза. На что в самом деле способны бывшие люди?—усмехается один из них. Разве только на нарушение общественной тишины и спокойствия. И дружный хохот вторит его словам.

Отрезвило меткое замечание бывалого босяка и странника Горького. Рассеялся красивый мираж. Сразу потускнели яркие образы Челкаша и Мальвы, и недавнее увлечение босяцким миром сменилось в его душе безграничной жалостью к этим людям, отверженным и обреченным, «бывшим людям». И чем дальше он шел, тем все росла эта жалость. Пригвожденные к зловонной яме, не увидят света солнца ни Клещ, ни Бубнов, ни барон, ни актер, ни Настя, ни Анна („На дне“). Так они и умрут с искалеченною душою, искалеченные жизнью. И тогда Горький обернулся странником Луком и бросил на прощанье им пригоршню ласковых слов. Но, покидая навсегда этот мир отверженных и осужденных, покидая навсегда среду, где протекла его собственная безрадостная юность, он вынес отсюда еще одно яркое и бодрящее воспоминание. Среди искалеченных обитателей вросшей в землю гнилой ямы перед ним промелькнуло лицо, невольно обратившее на себя его внимание, мужественное и энергичное лицо Сатина, и еще долго потом, когда он стоял уже на улице, залитой светом солнца, в ушах его звенели его гордые слова: «человек—это великолепно. Это звучит гордо. Человек—вся правда жизни».

И снова, испытав свое первое разочарование, взял он в руки свой посох странника и отправился дальше.

Из мира босяков поднялся он теперь наверх—в царство буржуазии, и все, что он здесь видел и испытал, записал он в виде повести „Фома Гордеев“. В лице Маякина

перед ним стоял представитель молодой русской буржуазии, еще мало культурной, но уже преисполненной самосознания, уже убежденной, что она призвана вершать судьбы страны. „Не в деньгах, дело“—ораторствует купец Маякин, „а во власти. Вот куда наш брат должен курс держать“. Маякин не только представитель сознавшей свою политическую мысль буржуазии, но и человек, усматривающий в своем классе—в буржуазии—прирожденного строителя жизни. Когда один из богатеев-купцов устраивает праздничное катанье на Волге, Маякин во время пира произносит речь. Указывая на реку, по которой взад и вперед сновали пароходы, на оставленные пристани, где разгружались и погружались баржи, он воскликнул в упоении своею силой:

«Это мы сделали. Мы жизнь строим».

При этих словах странник Горький весь насторожился. Уже не впрямь ли перед ним тот, в поиски кого он отправился в путь-дорогу, тот, кто из неустроенной нашей жизни выстроит чудо-дворец, полный простора и света. Но, чем внимательнее вглядывался он в эту среду, для него новую, тем все острее жгло его разочарование. Он скоро понял, что здесь человека ценят лишь как обладателя капиталом или как рабочую силу, что здесь всевластно царит девиз Маякина: «Или других грызи или сам лежи в грязи». Он понял очень скоро, что именно эти люди и превратили жизнь из арены творчества—в базар наживы, из царства всеобщей гармонии—в войну всех против всех. Он видел, как душно в этом мире молодому Фоме Гордееву, как он чувствует себя здесь заживо замурованным, и болью отзывался в его ушах этот крик задыхающегося, крик о помощи—«Спасите, жить хочу!»

И вот, когда Маякин во время пира на пароходе произносит свою речь во славу русской буржуазии, Фома не выдерживает и гневно протестует: «Вы не жизнь строили, а помыную яму создали. Грязище и ду-

хоту развели вы вашими делами. Пятак ваш бог, а совесть вы прогнали. Почтенное купечество, строители жизни, о дьяволы!

Так понял странник Горький, что он снова ошибся, и отправился он дальше, недоумевающий и разочарованный. Где же человек свободный и сильный? Где строитель жизни, разумной и светлой? Из мира купечества перешел он теперь в мир интеллигенции. И сначала эти люди показались ему прекрасными и светлыми, как «дети солнца». Но потом, всмотревшись повнимательнее, он решил, что они скорее походят на «дачников», беспечно и бездельно коптящих небо, а порою и на «варваров», бессмысленно и безжалостно ломающих жизнь («Дети солнца», «Дачники», «Варвары»). Снова поник он головой и уже готовился стряхнуть с ног своих прах этой среды, как вдруг его внимание было привлечено небольшой группой интеллигентов иного склада ума и души, стоявшей поодаль в стороне. Дети «простых людей», они чувствовали себя не по себе на этой ярмарке мещанских интересов. Страстно мечтая о новой жизни, они, однако, создавали, как Степан в «Варварах», как Влас в «Дачниках», что не им пересоздать мир,—слишком для этого они слабы, и слишком для этого они сами связаны еще с существующим. Но всем своим существом они верили, что возможна на земле иная жизнь, очищенная от несправедливости и освобожденная от лжи.

Путь к этой новой жизни лежит через народ, а цель пути—благо народа. Прислушиваясь к речам этих интеллигентов — демократов, наш странник чувствовал, как после стольких неудач и разочарований снова надежда окрыляет его сердце, и стало для него ясно, что мечта его может стать жизнью. Перед ним сверкнул в ярком сиянии, носившийся дотоле перед ним лишь в неясных очертаниях, образ победителя хаоса, творца света, образ того титана, который, шествуя к своей заветной цели сквозь тьму преград, сквозь сонм врагов, восклицает (в стихотворении в прозе «Человек»):

„Я призван для того, чтобы распутать цепи всех заблуждений и ошибок, сковавших людей в противный и кровавый, ком животных, пожирающих друг друга. Хочу, чтоб каждый из людей был человек. Все в человеке, все для человека“.

И напутствуемый речами Власа и Степана, пустился странник Горький снова в путь — дорогу, на этот раз окрыленный надеждой, и все, что он видел и пережил в этой новой среде— в рабочей среде, составил новую и лучшую главу в его исповеди, его сказки—были о строителях жизни.

Скитаясь с посохом странника в руках по большим и малым дорогам русской жизни, Горький встретил сначала пекаря Коновалова — невежественного, забитого труженика, и однако уже в его голове неотвязно мелькал вопрос: как быть? Не найдя ответа на него, пекарь махнул на все рукой и ушел в босяки. Потом, в большом приволжском городе, Горький познакомился с наборщиком Гвоздевым („Озорник“), представлявшем уже более высокую ступень сознательности. Понимая всю ненормальность своего положения, всю несправедливость существующего социального строя, наборщик испытывал властную потребность протестовать, но не зная, как протестовать осмысленно, он только скандалит, только „озорничает“. Следя в том же большом приволжском городе за судьбой Фомы Гордеева, Горький видел его однажды в неприглядной для него компании, на пиршестве, устроенной наборщиками. Прислушиваясь к их разговорам, Фома был удивлен и поражен. „Просты ерабочие, а вдруг скажут что-нибудь такое—и вовеки бы не выдумать. Да, около них любопытно“. Но поглощенный своей душевной драмой, Фома прошел мимо этих „любопытных“ людей.

Покинув царство купца Маякина, наш странник на мгновение заглянул в квартиру ремесленника Бессеменова („Мешане“) и здесь, среди семейных дрызг, среди хмурого нутя, его привлекло одно лицо. То был машинист Нил. Между тем как дети мещанина (Петр и Татьяна) не любят жизни, Нил не знает большего удовольствия

как вмешаться „в самую гущу жизни“, „месить ее так и этак“. Как кузнец, готов он перековать неустроенный мир в чудо-дворец, полный простора и света. Пусть неподатлив материал, над которым приходится работать, пусть расплавленная масса металла жжет ему лицо, грозит выесть глаза.

„Смелыми ударами плеча делаешь ты из нея все, что хочешь“. И радостным биением отзывалось сердце странника на эти боевые слова. А потом над странною пронеслась весенняя буря и вся она всколыхнулась сверху до низу, от края и до края. На историческую сцену выступила масса, рабочая масса, и отчасти ее образителем стал наш до того бесприютный странник. Эти страницы своей исповеди он озаглавил: „Мать“ и „Враги“. В художественном отношении оба эти произведения имеют тот недостаток, что не вполне удовлетворительно решают проблему массовой психологии, не дают достаточно яркой картины массового движения. Отдельные лица слишком заслоняют толпу, и мотивы индивидуального, а не коллективного характера предопределяют и здесь ход событий. Но в исповеди странника это любопытная и замечательная глава. Обвеянные сознанием, что выше отдельной личности их—объединенный класс, роман „Мать“ и драма „Враги“ изображают этот класс в один из наиболее героических моментов его истории. Если в речах более ранних горьковских рабочих слышалась или недоуменная растерянность или стихийное озлобление, то здесь, в этих двух произведениях, голоса рабочих сливаются в ликующий гимн человеку, творцу новой жизни на земле светлomu сыну бессмертных богов. Присматриваясь к этой новой для него среде, странник Горький видел, как здесь растет чувство круговой поруки, и чем внимательнее вглядывался он в окружающую его небольшую для него среду, тем все более стало ему казаться, что именно это чувство коллективного мироощущения, это чувство товарищеской солидарности и обновят мир, подготовив почву для рождения человека могучего и прекрасного, как бессмертные боги.

И тогда он написал последнюю главу своей исповеди, своей сказки-были, о строителях жизни и озаглавил ее „Исповедь“.

Это вершина его творчества.

Все, что им создано потом, не идет в сравнение с этой повестью. Она—бессмертна, как бессмертна идея, из недр которой она выросла.

Снова перед нами странник—каким был сам Горький—крестьянин Матвей, символ крестьянской Руси. Как Горький, так и он думает горькую думу над жизнью, и предстает она перед ним вся обрызганная грязью, вся залитая кровью, вся изуродованная себялюбием и враждой. „Где же добро, где правда и любовь?“—спрашивает он в тоске. И вот он берет в руки посох странника и идет искать, как сам Горький, по всей русской земле, ответа на волнующий его вопрос. Сначала Матвей ищет эту правду там, где искони ее искал весь наш народ, в вере, в религии. Смешавшись с толпой паломников, он с ними переходит от обители в обитель, но чем внимательнее он взглядывает в лица этих смиренных мудрых, тем все более убеждается он, что не от них идет возрождение жизни. Так, бредя с посохом странника в руке по дорогам русской жизни, дошел он до большого уральского завода. Новые здесь предстали перед ним люди, непохожие на недавних его спутников-богомольцев. И чем ближе он с ними сходится, с ними, работавшими в огне и громе завода, тем все „любопытнее“ казались они ему.

„Речи у них разные, и у каждого свое лицо“,—размышляет он,—но вера у них одна и намерение одно. Не торопясь, дружно и усердно строят они, не что“.

Строят они из мира нынешнего, разединенного себялюбием и враждой, мир будущего, спасенный чувством всеобщего братства. Из хаоса распыленных и враждующих одиночек строят они царство равноправных товарищей. Прислушиваясь к их горячим спорам, странник Матвей невольно соглашается с рабочим Михаилом, что современная жизнь по-

тому так нестроена, что «личность» оторвалась от «массы», «матери своей» и, оторвавшись от нея, «сжалась в ничтожный и злой комок мелких желаний». «Нищая духом, глухая к жизни, бессильная в творчестве», эта оторвавшаяся от массы личность провозгласила единственной целью жизни—«самозащиту, покой и уют».

Таков человек, каким он стал в наши дни, человек—продукт индивидуалистической, буржуазной культуры.

Только если обособившееся «я» снова вернется в лоно массы, „матери своей“, только если личность снова растворится в коллективе, превратится жизнь из войны всех против всех в объединенное творчество всех на благо всех и каждому. Пусть осуществление этого коллективного строя дело будущего, уже теперь—по убеждению рабочего Михаила—необходимо в подрастающем поколении воспитать чувство взаимной и всеобщей связанности. Вот почему на последних страницах исповеди нашего странника так много места уделено детям,—опоре грядущих времен.

А по мере того, как отдельные обособленные ныне личности все более проникаются сознанием своей со всеми объединенности, тем сильнее станут они, как целое, и мощи их уж не будет ни конца ни предела. Бессильные в состоянии своей отединенности, они—воедино спаянные—совершат и невозможное, сотворят чудо. Так исцеляет, на глазах странника Матвея, неизлечимую народ, воедино слив отдельные разрозненные воли. Этой символической сценной подчеркнута непобедимая мощь коллективной психики, проникнутой одним высоким и самоотверженным порывом. Как здесь народ сосредоточенным устремлением своим дарит здоровье умирающей, так некогда, спаянный единой волей, единой мыслью-волей он свежую кровь в усталые жилы мира, новую жизнь в старое сердце вселенной.

И тогда на земле родится Бог. Не о религиозном понятии божества говорит рабочий Михаил. Под этим словом «бог» он подразумевает человечество, перешедшее из со-

стояния современного его разделения на обособленные и враждующие личности, классы и нации, в состояние объединенного гармонического единства, где каждое «я» будет создавать свою связанность с другими такими же «я» и свою подчиненность общему. Это и есть то человечество, воспетое Горьким в стихотворении в прозе «Человек», не раз здесь процитированном, то человечество будущего, которое, забыв навсегда о прежней индивидуальной, классовой и национальной борьбе, все свои освободившиеся богатые силы сосредоточит на одной задаче, на покорении природы. на устройении вселенной, на превращении хаоса в космос; то гармонически примиренное и объединенное человечество, которое, шествуя вперед и выше к победе над всеми тайнами земли и неба, огласит мироздание, им преобразованное и одухотворенное, ликующим гимном:

«Настанет время, в груди моей сольются в великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все грязное, все темное и злое и стану я подобен тем богам, которых мысль моя творит».

Так завершается исповедь странника Горького, его сказка-быль о строителях жизни, апофеозом человечества, которое, перейдя от индивидуалистического хаоса на высоты коллективистического жизнеустройства, осуществит свое исконное предназначение. стать прекрасным и могучим, как могучи и прекрасны бессмертные боги.

Наш странник всю жизнь искал, как видно, тех, кто перестроит жизнь на началах коллективизма, ибо только при условии коллективизма может зародиться человек-бог. Он искал этого творца света, строителя космоса, в босяке, в буржуазии, в интеллигенции и постоянно разочаровывался. Он нашел этого строителя, наконец, в рабочем классе и воздвиг ему—борцу и творцу—дерукотворный памятник.

В. Фриче.

Поэты из народа.

I.

Наше время—рассветное: в нем начинается день новой культуры, культуры пролетарской. На наших глазах зарождается новая пролетарская поэзия: намечаются новые, непривычные для мысли, темы, возникают новые, лишь ныне переживаемые настроения, звучат неслышанные ранее слова. Неожиданно, с разных сторон, пересекаются с линией социалистического движения и недавние, смешанные с ужасом, славословия бельгийского поэта Верхарна капиталистическому городу—спириту, и мирообъемлющие мечты американца Уитмэна о мощи грядущей демократии, и дерзкие искания современных революционеров искусства,— и не всегда бывает легко угадать, что в этих перекрещивающихся течениях мысли и творчества принадлежит будущему, что—только настоящему или даже прошлому.

Пролетарская поэзия будет носительницей резко очерченного классового самосознания пролетариата. Достаточно ясен и общий дух ее: вместо упадочного индивидуализма—целостный коллективизм, вместо ослабленного уныния и скептицизма—мужественная и сознательная бодрость, вместо созерцательности—действенность, вместо пассивного и тусклого живописания мелочей жизни—резкие очертание, пламенные краски. Уясняется мало-по-малу и та отправная точка, от которой, повидимому, начинается движение к этой новой поэзии: это

Город шумный и суровый.
Где зачатки жизни новой,

завод, фабрика, где „целый миллион берет молот в одно и то же мгновение“, чтобы слиться в едином напря-

жении неистомной, пристальной работы. Не следует, однако, забывать, что пролетарская поэзия еще в зародыше; мы видим лишь один из истоков ее—„поэзию машины“, и сейчас неизвестно, до каких отдаленнейших областей жизни раздвинет она свои берега, какие иные ручьи и притоки примет еще в свое расширившееся русло. Между тем, ограничь мы рамки нашего обзора лишь теми поэтами, в стихах которых с безупречной чистотой уже теперь выдержан классовый пролетарский дух—и такая математическая точность сразу выключит из нашего кругозора всех поэтов, кроме „певцов машины“. Это было бы тем более досадно, что наблюдение над тем, как пролетарская поэзия, постепенно теряя в чистоте классового духа, нечувствительно переходит в поэзию неопределенно—классовую, или даже просто в интеллигентскую или крестьянскую поэзию—это наблюдение развертывает перед нами радугу разнообразнейших оттенков и красок, порой играющих неподдельным поэтическим огнем; да и действительно, оценить своеобразие произведений чисто-пролетарской поэзии, можно лишь рассматривая их на фоне произведений смежных, постепенно удаляющихся от них по духу и форме. Руководствуясь этими соображениями, мы решили включить в наш обзор всех современных более или менее значительных поэтов, вышедших из трудящихся масс; просмотрев этот обзор, читатель, помимо общей картины того расцвета творческих сил народа, которым эти годы отмечены, получить и понятие о различных разновидностях рабочей и крестьянской поэзии. Этот обзор—предварительный; к отдельным, более крупным поэтам мы вернемся впоследствии.

Из представителей народнически-крестьянской поэзии остановимся на Н. Клюеве, С. Есенине, С. Клычкове, А. Ширяевце, П. Орешине; с оговоркой можно прибавить к этим именам имя И. Морозова.

Крестьянин Зарайского уезда, потом (и донныне) рабочий, И. Морозов, в своей книге „Разрыв Трава“,—типичный интеллигент, скромный, честный, мечтательный—но и только. Более всего любит он свой „мирный уголок“, где находит отдых своей „больной груди“ и „усталой душе“, вдали от „суетной жизни“; в этом уголке он и мечтает о счастье, свободе и т. п.—все это в бледных, книжных, подражательных стихах. Счастливым исключением, позволяющим ожидать от него более простых и художественных созданий, является его стихотворение „Лен“, в котором есть крестьянски-безыскусственная задушевность и любовь к природе.

Схожая судьба—подчинение влияниям интеллигентских навыков мысли и творчества—постигла, до некоторой степени, и Н. Клюева, поэта, гораздо более одаренного. За Н. Клюевым—довольно долгий поэтический путь; он выпустил 3 книги стихов („Сосен перезвон“, „Братские песни“, „Лесные были“), и печатается во многих сборниках и журналах. Уже в первой книге Н. Клюева, крестьянина северных губерний, мало что было крестьянского: одинокие раздумия автора, его мистические устремления к „загадочному“, „неведомому“, его слова о „пустыне“ его души, где бездонным эхом „бродят отзвуки жизни“—все это говорило скорей об интеллигентском строе мысли и чувства,—и следует признать, что некоторые стихотворения Н. Клюева могут служить интересными образцами поэзии этого рода (одно из них напечатано ниже). Однако Н. Клюев вознамерился сделаться подлинным крестьянским поэтом: в его стихах замелькали „подойники“, „крякки“, „сытовые хлеба“, затейливые, мало употребительные, народные словечки и выражения. Это, конечно, не при-

близило его к простоте и цельности крестьянской мысли и восприятия: он остался полу-крестьянином, полунинтеллигентом, перемежающим народную речь с напыщенными книжными выражениями, переплетающим несложные представления крестьянского мировоззрения с такими вычурными измышлениями, как „Душа Земли“ (свершающая какбй-то „брачный пляс“), „Бездна и Зенит“ и т. п. При всем том, в те редкия мгновения, когда Клюев отрешается от своей полунинтеллигентской спутанности и надуманности, в нем воскресает живое понимание и чувство крестьянского быта, оживают фантастические образы народных поверий и сказок. на ряду с традиционными образами религии—и тогда ему удаются яркие, сильные стихи, проникнутые истинной любовью к крестьянской жизни и труду.

С. Есенин моложе Н. Клюева, но он также выпустил уже 2 книги стихов („Радунница“ и „Голубень“), и печатается в целом ряде органов. С. Есенин—безспорно талантлив, как кажется, даже талантливее Н. Клюева, но, главное, он проще и цельнее. В нем сохранилось то, к чему лишь изредка пробивается Н. Клюев: крестьянская простота и свежесть восприятия. В его устах естественны сочная крестьянская речь, старорусские выражения и обороты. Даже природу он рисует красками крестьянского быта: заря для него кобылица, взмахивающая по воздуху красным хвостом, солнце—овсяный сноп, месяц—ягненок. Он более нежен и задушевен,—чем силен, более мечтает—чем наблюдает, действует:

Песня, лугъ, реки затоны,
Эта жизнь мне только снится.
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Поэтому он охотно преобразует окружающую действительность, населяет ее сказочными образами, либо образами, почерпнутыми из области религии, как, кудрявый мальчик

Иисус, Дева Мария, проливающая золотые волосы на нивы и т. п. *).

К сожалению, С. Есенин, не-приметно поддаваясь влиянию интеллигентской среды и еще не находя в себе сил творчески переработать это влияние, начинает впадать в ложный, надуманный тон полуинтеллигента, преждевременно и самоуверенно подступающего к таким вопросам, к разрешению которых он еще далеко не подготовлен.

От этого соблазна свободен А. Ширявец (стихи его печатались в „Рабочем мире“, „Ежемесячном Журнале“, „Красном Звоне“, „Знамени Труда“ и др. органах). Размах, удаль в нем преобладают над оттенками чувства. А. Ширявец берется лишь за темы, близкие и привычны ему: незатейливое приветствие Революции, удачная рыбная ловля, любовь доброго молодца и красной девицы — и пишет на эти темы свежие, звучные стихи.

П. Орешина выделяет из среды его сотоварищей та горькая и гневная нота против социальной неправды, которая звучит в его порой несколько косноязычных, безыскусственных, но своеобразных и почти всегда ярких строках (его сборник стихов озаглавлен „Зарево“).

П. Орешин — крестьянин Саратовской губернии, изведавший в Петрограде всю тяжесть „волчьей жизни“ — бездомного, голодного, осиротелого пролетария. Ему веришь, когда он говорит:

Видю себя порой на огромном кресте
распятым,
Душу мою — давно изощденую кровью...

Но бедствуя в Петрограде, он остался крестьянином, с преданностью заповедной православной вере, с крепкой и глубокой любовью к земле, к деревенскому быту; революция для

*) В существенном, эта характеристика может быть отнесена и к С. Клычкову, интересному поэту-крестьянину, выпустившему в 1910 — 12 г. две книги стихов („Песни“ и „Потаенный Сад“), но за последние годы скрывшемся с литературного горизонта. С. Клычков, поэт сказочник, еще менее касается реальной действительности, чем С. Есенин.

него, как и для других крестьянских поэтов, это прежде всего — Земля и Воля.

II.

От этой крестьянской поэзии отлична поэзия пролетарская. Поэты-крестьяне чувствуют себя дома в хате, в лесу, в поле; в их воображении живет деревня, природа. Город не привлекает их, а скорей отталкивает; им тесно и жутко в его суровой, размеренной жизни. Мечтатели, они населяют действительность привычными образами религии, легенд, сказок, их поэзия вообще питается древними формами и приемами народной поэзии, заповедным, выраженным в последней, народным мировоззрением; в их произведениях часто слышны отзвуки былины, заплачки, сказки. Революцию, социальный взрыв — их фантазия причудливо преломляет в привычных для них традиционнo-фантастических образах: характерно откликнулся на нее Клюев легендой о трех огненных дубах на пупе земном, Есенин — поэмой о мечтателе-мальчике, к которому сошел с иконы младенец Иисус, чтобы принять участие в борьбе „за волю“.

Совершенно иные черты отличают пролетарских поэтов. Мир их поэзии — мир города, фабрик, машин, людских масс, брошенных в работу. Их мало привлекает покой и приволье деревенской жизни, им более свойственно стремление „дальше, дальше от равнин... от убогих деревушек — в город исполин“, ибо

Только в городе возможны
И движенье, и борьба,
А равнины безнадежны —
Такова равнин судьба.

(А. Логинов).

Гастев даже рисует нам вторжение города в деревню: стальные чудовища машины, бороздящие и равняющие поля, тысячеверстные селения, пересекающие сибирскую тундру и степь двумя прямыми линиями домов.

Стихи пролетарских поэтов отражают будни рабочей жизни — дымчатые трубы, пляску и шелест фа-

бричных ремней, грохот молотов, голоса товарищей; здесь чувствуется им дыхание рабочего коллектива, возрастание его мощи, и если эта жизнь порой принимает в их глазах чудесные, фантастические очертания, то фантастика пролетарского поэта, рожденная из кипения этой новой, дотоле неведомой жизни, не может, разумеется, найти себе выражения в прежних, традиционных образах, а ищет для себя иного, нового облика (как-то видим мы, напр., у Гастева). Пролетарские поэты чужды „сладостным, но пассивным молитвам“, „раздольным, но ленивым песням“, завещанным им прошлым, они ищут образца для своих созданий не в древне-русской поэзии, а у Верхарна, Уитмена...

Раньше, чем перейти к поэтам чисто-пролетарским, остановимся на поэтах переходного типа: И. Ионове, А. Гмыреве, М. Герасимове.

И. Ионова, автора книги „Алое Поле“, печатавшегося тоже во многих сборниках и журналах, можно было бы, равно как и А. Гмырева (молодой поэт рабочий, погибший несколько лет тому назад на каторге), назвать представителем «неопределенно-классовой» поэзии—поэзии не крестьянской и не рабочей собственно, а только «революционно-демократической», отражающей черты психологии нескольких классов вплоть до некоторых слоев интеллигенции. Отметим лишь значительное превосходство А. Гмырева, как художника, над И. Ионовым.

Не может быть назван пролетарским поэтом, в точном смысле этого слова, и М. Герасимов, автор книги „Вешние Зовы“. На фабрике он чувствует себя «рабом», болванки кажутся ему «гробами», грохот машин—всем и криком затравленных волков.

Ритм фабричной жизни не захватывает его, он и на фабрике остался крестьянином, мечтающим о «родных раздольях», «земле в цветах», и оттого почти всегда чужды пролетарскому духу его часто сильные и живописные стихи.

Меньшее дарование, но большая чистота пролетарского духа, нежели у М. Герасимова, отличает И. Логи-

нова, издавшего в 1917 г. тоненькую книжку стихов «У станка», а также печатавшегося в нескольких сборниках.

Стихи И. Логинова наивны, немелы, бледны, но иногда, когда он касается своих любимых тем: города, фабрики, коллектива—ему удается найти простые, и не лишенные выразительности, верные слова.

Наиболее яркий и самобытный представитель русской пролетарской поэзии, наиболее убежденный и восторженный „певец машины“—А. Гастев, петроградский рабочий металлист (его книгу, характерно озаглавленную „Поэзия рабочего удара“, издал Пролеткульт; произведения Гастева есть в журналах „Грядущее“, „Пролетарская культура“ и др.). Фабрика, завод для А. Гастева обнимает весь мир; он влюблен в свой „дорогой завод“, он „полон солнца“, входя на его двор, его мечты о грядущем превращении всей земли в единый гигантский завод, наполненный „бурей труда“. Но А. Гастев, главным образом, прозаик; его стихи, в общем, гораздо обычнее, тусклее его прозы. Ниже мы печатаем лучшее стихотворение Гастева („Я полюбил“), значительное мощью своих образов и тяжелой величавостью ритма, в котором как бы слышатся размеренные удары „бурного моря колес и валов“.

К Гастеву примыкают поэты-рабочие, сгруппировавшиеся, вместе с ним около Пролеткульта и его журнала „Грядущее“: В. Кирилов, Самобытник, А. Поморский,—поэты еще неустановившиеся, иногда впадающие в полуинтеллигентскую надуманность и книжность, но безусловно одаренные. Читатель оценит чистоту пролетарского духа, так же как энергию ритма и выражения в нижепомещенных стихотворениях: Самобытника („Новому товарищу“) и В. Кирилова („Грядущему“). Пламя одушевления теми же идеалами в стихотворении А. Поморского—„Похороны“, местами несколько растянутом, риторичном, но пленяющем той подлинностью вдохновения, с которой поэт почувствовал и передал „огнезарную думу“, „спаявшую воедино“

многотысячную толпу и приподняв-
шую ее над уровнем „обычного“,
повседневного.

К этим именам пролетарских поэ-
тов надлежит присоединить и имя
Демьяна Бедного, автора ряда книг
„Всяк Еремей про себя разумей“,
„Всякому свое“, „Мощна туга, всяк
ей слуга“, „Правда и Кривда“, „Сы-
тый голодного не разумеет“, „Повесть
про землю, про волю, про рабочую
долю“, „Сказка о Попе Панкрате“,
„Земля обоготванная“, „В огненном
кольце“. Демьян Бедный пролетар-

ский сатирик, давно заслуживший
себе в пролетарских кругах широкую
известность. В своих колких баснях,
сатирических повестях и пародиях,
он неутомимо высмеивает различ-
нейших представителей буржуазных
партий, классов, представителей „со-
глашательских“ течений социа-
лизма и т. п. Но есть у Демьяна
Бедного произведения, где он отрешаясь от юмора и сатиры, дает иные
повествования, гражданскую лирику
(см., например, книгу „В огненном
кольце“) ¹⁾

М. Теров.

¹⁾ В рамки этого краткого обзора не вошел еще ряд выступивших за послед-
ние годы поэтов-стихотворцев, чьи произведения, иногда отмеченные проблесками
таланта, появлялись на страницах ивременной печати или отдельных сборников:
таковы Ив. Филиппченко, Андрей Никиш, К. Хохлов, К. Одинцов, М. Арбалюнов,
Х. Худяков и др.

Антология пролетарско-народнических поэтов.

И. МОРОЗОВ.

Лен.

Ах ты лен, ты мой батюшка седенький,
Пай-ка я расчешу тебе бороду!..
И зачем же ты маленький, реденький,
Ни к селу уродился, ни к городу!

Сколько дум я заветных лелеяла,
Сколько пота потратила кровного,—
Ведь сама я, сама тебя сеяла,
Дожидалась высокого, ровного...

Нынче летом—чуть зоренька алая
Опояшет восток позолотою—
Словно ранняя птичка, вставала я,
Проводила весь день за работою.

А как небо вечерними красками
После долгого дня загоралось,
Я твоими дремотными глазками,
Уходя, как дитя, любовалась.

На твою ли рубашку зеленую
Все глядела я с думою скрытою,—
Чтоб не знали меня утомленною,
Не видали—нуждою забитою...

Только вышел ты маленький, реденький
Да спружился на грех с повилыкою...
Ах ты лен, ты мой батюшка седенький!
Над тобой ли я горе размыкаю?!...

(Из «Сборника пролетарских писателей»).

Н. КЛЮЕВ.

Завешание.

В час зловещий, в час могильный
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но верна словам завета
Слезы робости утри,
И на проблески рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот.
Что взощел я новобрачно
По заре на эшафот.

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пала море
Огнекрылая душа.

(Из книги «Сосен перезвон»).

* * *

Распахните, орлиные крылья.
Вей, набат, и гремите, грома,—
Оборвались цепи насилия
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи.
Буйна Волга, Урал златоруд!
Сгинь, кровавая плаха и цепи.
Каземат и несправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами.—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица паша Землица—
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись давние думы и слухи.
Пробудился Народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе
И на скатерти ярок узор.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец.
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка—Божий гостинец—
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогорав кафтан.

За Землю, за Водю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-ж свечи Мужичькому Спасу!
Знание-брат, и Наука-сестра,—
Лик пшеничный, с брадой солнцевласой, —
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Независтен телец золотой:
Китеж-град, ладан Саровских сосен—
Вот наш край возделанный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Верьте же, братья, за черным ненастьем
Влещет солнце—Господне окно;
Чашу с кровью—всемирным причастьем —
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

(Из сборника «Красный звон»).

С. ЕСЕНИН.

Марфа Посадница.

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула,—
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали вружевом полотнища зорные,
Услышали Ангелы голос человеческий,
Отворили на-скоро окна-ставни горные.

Возговорит Марфа голосом серебряно:
— Ой ли впуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой Московскою извольню повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороду как молнии выпячили грозно:
— Что нам Московия, как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!

Марфа на крыльечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым:
— Быть так,—кратко молвила, черны брови
сдвинула,—
Не ручьи брызгатели выцветаниям росяновым...

* * *
Не чернец беседует с Господом в затворе—
Царь московский Антихриста вызывает:
— Ой, Виельзевуле, горе мое горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчадьде ада:
— Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!

Вынул он бумаги—облака клок,
Дал ему перо—от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалом локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит Антихрист земным гудом,
— А и сроку тебе, царь, даю четьреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!

— А откуль гроза, когда ветер шумит?—
Задаст ему царь хитрой вопрос.
Говорит сатана зыком черных вгит:
— Этот ответ с собой ветер увес...

* * *
На соборах Кремля колокола заплакали,
Собирались стрельцы из дальних слобод:
Кони ржали, сабли звякали;
Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловал бочку с вином,
Бабы подолами слезы утирали,—
Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили по полю;
— Берегись ты теперь, гордый Новгород!
Ники тенькали, кони топали,—
Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возговорит царь жене своей;
— А и будет пир на красной брже!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем готова постель в темном овраге!

— Государь ты мой,—шомонит жена,—
Моему ль уму судить суд тебе!...
Тебе власть дана; тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одной судьбе...

* * *
В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала:
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе па колени сзывала.

— Уж вы, голуби, слуги Боготы.
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к Новогородским дверям!

Принесли голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленое;
Села Марфа за распитую тесьмой:
— Уж ты счастье мое загубленное!

И писал Господь своей верной рабе:
— Не гони метлой тучу вихристу:
Как московский царь на кровавой гульбе
Продав душу свою Антихристу...

* * *

А и минуло теперь четь реста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Исполнить святой Марфин завет,
Заглушить удалю Московский шум?

А пойдете, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новгородскую царю.

Ты шуми, певуный Волхов, шуми,
Звуди звонко, с Буслави на-торгашь!
Выше, выше вихорь тучи подыми!
Ой ты Новгород родимый наш!

Как по быльнице тропинка пролетела;
А пойдете столичный Киев звать!
Ой ли вы с Кремля колокола,
А пора, небось, и честь вам знать!

Проноем мы Богу с ветром тронарь,
Вененим белую попончу,
Загудит нам с веча колокол, как встарь.
Тут я, ребята, и покончу.

(Из сборника „Скифы“).

С. КЛЫЧКОВ.

Выезд Бовы.

Пролетела бирюзюю
Стая трещетных зарниц—
И серебряной слезюю
С тихо дремлющих ресниц
Голубеющих небес
Месяц канул в дальний лес!

У паревны на окне
Золотые кружева...
В раннем сумраке Бова
Выезжает на коне.

Конь скакнул—стоит гора,
Под горою озера,
По долинам, меж трав
Цики, копы, булавы.
И пред каждым великаном,
Сладко спящим возле гор—

На ковре золототканном,
Чаши пенные озер:
Дождаяся зари.
Сладко спят богатыри.

(Из книги „Песни“).

А. ШИРЯЕВЦ.

* * *

По заре наша ватага
Уплывала на улов.
— Будет рыба—будет брага
И в обвовах рыболов!

Легко лодочка смолена
Словно птица понесла.
— Волга-матушка студена,
Много-ль рыбки нагнала?..

— Ой вы, рученьки могучи,
Невода тянуть пора!
— В неводах-то рыбы—кучи.
Словно груды серебра!

Поклонились Волге с лодки
За удачливый улов...
— Будет пьяна вся слободка,
При колечке рыбалов!

(Из журн. „Рыбачий мир.“ № 9, 1918 г.)

П. ОРЪШИН.

Ночью.

Глянет синий из-за гор.
Улыбнется криво;
Озарит уснувший двор.
Зазвенит крапивой.

В тихом поле, за селом—
Выгоны и пашни.
В синих звездах—Божий Дом:
Башенки и башни.

Скажет матушка-земля
И услышит небо:
— Вы-ль не мучили меня.
Люди, из-за хлеба?

Вы-ли грудь мою сохой
Не избороздили?
Вы ли брата в час лихой
Хлебом накормили?

Тихо в сумраке ночном
С края и до края.
Над распаханым бугром—
Зорька золотая.

Дулейка.

В камышах шишикает шишига;
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

На дулейке только заиграю,
Все поля, вздохнув, заколосятся.
Потемнеет нива золотая,
Зашуршит—и сны ей тут приснятся.

Позабудут странники убоги
Долгий путь к угоднику Николе.
Соберутся, сидят при дороге,
Во широком златозванном поле.

Я возьму чудесную дулейку,
Заиграю звонким переливом.
— Ой ходила туча-лиходейка
По родным невыхоженным нивам!

— Ой, гуляли буйные ватаги,
Русь ковали вь тяжкие оковы.
— Ой, гуляли хмельные от браги
По Руси опричники царевы!

— Ой томилась пойманная птица
По родному, радостному краю,
Отрубали голову на плахе
Всенародно парню краснобою!

— Ой, взгляните, люди, за покосы,
Не столбы ли ислещицы видно?
— Ой, не волк ли шлет Господни росы,
Не седой ли плачется ехидно?

Зашумело вызревшее просо.
Распахнула зорюшка шубейку,
Положивши голову на посох,
Хвалят слезно странники дулейку.

В камышах шишикает шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

(Из книги „Зарево“).

И. ИОНОВ.

Прощание.

Помни, славный, путь тернистый
И далекий пред тобой,
Но следи за серебристой,
Путеводною звездой.
Не гася в борьбе с судьбою
Духа смелого огни...
Верь, за бурною грозой
Будут солнечные дни.
Если ж меньше станет сна,

Верен будь своей мечте,
И вернись, вернись, мой милый,
Со щитом иль на щите.

Много раз снега белели
На равнинах и холмах,
Много белых заблестело
Нитей в черных волосах,
Но из жизненного горпа
Вышел крепким я, как сталь,
И стремлюсь вперед упорно
В перламутровую даль.
Не иссякла молодая
Верность пламенной мечте...
Я вернусь, вернусь, родная,
Со щитом иль на щите.

(Из книги „Алое поле“).

М. ГЕРАСИМОВ.

Крест.

Трубит заводская сирена—
Звонит свободного раба...
У горнов огненная пена,
Болванок красные гроба.

В листах багрового железа
Читаю зов в межзвездный путь...
Плеснул из знойного разгула
Чугун, разжиженный как плоть.

Внезапный крик. Один, распятый,
Лежал на золотом зисте,
Змеястым пламенем обжатый,
Горел на огненном кресте.

Он умер при машинном звоне;
Кипел чугун, сверкала сталь.
Лишь скованный на дымном троне,
Кровавый ангел рвался вдаль.

(Из «Сборника пролетарских писателей»).

И. ЛОГИНОВ.

В город.

Дальше, дальше от равнин.
От убогих деревушек,
Попатнувшихся избушек.
От кручин
Путь один:
Только в город-исполни.
Только в городе возможны
И движение и борьба.
А равнины безнадежны—
Такова равнин судьба.

Дальше, дальше от равнин,
В царство фабрик и машин.
В город шумный и суровый.
Где зачатки жизни новой.

На заводе.

В каждом звуке, в каждом стуке,
В каждом взмахе колеса,
Как в народе, как в природе,
Есть особая краса.

Не стыдиться, а влюбиться
Надо в молота удар,
В эти стоны, перезвоны,
В нестершимый горна жар.

Шум заводов—мощь народов
Я давно уж полюбил...
Ключа призывный, коллективный
Мне до смерти будет мил...

(Из книги «У станка»).

А. ГАСТЕВ.

Я полюбил.

Я полюбил тебя, рокот железный,
Стали и камня торжественный звон,
Лаву... Огонь беспокойный, мятежный
Гимнов машинных, бравурный их тон.

Я полюбил твои вихри могучие
Бурного моря колес и валов,
Громы раскатные, ритмы певучие,
Повести грозные, сказки без слов.

Но полюбил я и тишь напряженную,
Ровный и низкий и сдержанный ходъ.
Волю каленую, в бой снаряженную,
Мой дорогой, мой любимый завод.

(Из книги «Поэзия рабочего удара»).

САМОБЫТНИК.

Новому товарищу.

Вихрь крутящихся колес,
Пляска бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!

Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много стужено огней—
Не робей!

Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей...
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное—слилось,

Невозможное—сбылось...
На заре грядущих дней—
Не робей!
Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней...
В царстве скорби и теней
Солнце мощное зажглось,
И горит оно вильней—
Не робей!

Словно каменный колосс,
Сталь у бешеных ремней...
Пусть сильнее шум колес,
В цепь еще звено вилелось,
Рать соменулася плотней—
Не робей!

(Из журнала «Пролетарская культура», № 1, 1918 г.).

В. КИРИЛЛОВ.

Грядущему.

Я подслушал эти песни близких, радостных
веков
В гулком вихре огнеликих, необятных го-
родов.

Я подслушал эти песни золотых грядущих
дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злос-
ном шелесте ремней.

Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь
ковал.

И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный
разгадал.

Я узнал, что мудрость мира—вся вот в этом
молотке,

В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дро-
бить, ковать.

Тем светлее будет радость в мире сумрачном
сиять.

Чем проворней будут двигаться приводы,
шестерни.

Тем пленительней и ярче загорятся наши дни.

Эти песни мне пропели миллионы голосов.
Миллионы синеглазых, сильных, смелых куз-
нецов.

Эти песни—зов мятежный, властный, крас-
ный, ясный звон,

Он вещает всем, что кончен долгой пещи
мертвый сон.

Эти песни—зов могучий к солнцу, жизни и
борьбе.

Это вызов гордый, гневный—злой, тоско-
вой судьбе.

(Из журнала „Грядущее“, № 1,
1918 г.).

А. ПОМОРСКИЙ.

Похороны.

Безбрежный океан обнаженных голов,
Бурлящим потоком сомнения смяты...
Море цветов—
Венков...

Плакаты, плакаты...
Рвутся к неосознаным высям сердца,
Неумолимы людские прибор...
На алых флагах: борись до конца,
Слава павшим героям.

Уходят, приходят Армии Красной взводы,
Растет непрерывность железных шагов.
То армия вечной свободы,
Войска грядущих веков.
Выются флаги на стальных штыках,
Революционная мощь в сомкнутых рядах.

В музыке непоколебимого строя,
Войско чествует память героя.
Гроб героя несут на руках,
Гроб утонул в цветах.

Над ним багряность шумящих знамен,
Безпрерывность людских колонн,
Торжественность многоликих масс...
Хоронит трибуна рабочий класс.

На лицах людей страданье,
Как клинок кинжала блещет их взгляд.
Молчат дворцы угрюмо, соборы и здания.
Молчат, молчат...

Кроваво-сверкают на башнях часов цифер-
блаты,

Роняют часы осторожные звоны.
В тумане сером людские колонны...
Цветы, венки, плакаты...

Заостренные грустью блещут усталые взоры,
Горячею жутью схвачены мощные груди,
Но нераздельною сталью спаяны во-едино
люди,

Где-то гремит гром орудий...
Все вздрогнули при звуках хора,
Забллись новым ритмом сердца,
В новых чувствах ступают массы им сле-
дом...

А эхо доносит: борьба до конца.
К победам, к победам...
При этих звуках плотнее сомкнулись штыки,
Колокол затрезвонил протяжный где-то...
Знамена, знамена, венки
Союзов, Союзовъ, Советов, Советов...

Грусть въ сердцах расплавлена,
Грудь тисками сдавлена,
Но все лучезарно, необычно, светло,
Обычное сжалось, куда-то ушло.

Улицы, площади, дома, магазины,
Все кипит в народной пучине,
Все потонуло в многомиллионном шуме,
Все забылось в огнезарной думе.

Все горело в циклонах стремления,
Все трепетало в огне достижения,
Стирая безумие безумных поверий,
Свергая твердыни закона.

В домах открылись окна и двери.
Темнеют от наших врагов балконы.
Им страшен народных ликований вал,
Робкие души страхом объяты.

Интернационал.
На перекрестке оратор
Льет в груди огненных слов железо.
Где-то гремит марсельеза.

Острым мгновеньем звучит-каждый шаг,
Кто-то поднял флаг,
Что-то поют, поют...
Салют, салют, салют...

В глубоком молчании на изломе улиц за-
стыли

Пролетки, автомобили.
Знамена склонились. Борца схоронили.
Вечная память!..

(Из журнала «Пролетарская
культура», № 2, 1918 г.).

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Ерши и вьюны.

Слоняся без дела
В реке среди камышей,

Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.

(«Случайно», говорю, — а может — «не слу-
чайно?»)

Ерши ринали тайно,

Как им со шуюю вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ер-
шинный

Для руководства всей борьбой
И управления общиной?

Достойных выбрали. — «Все любви вам, азь
нет?»

— «Все любви!» — «Все!» — «Проголо-
суем».

— «Согласны, что и подписуем».

— «Позвольте! Как же так? Уж утвер-
жден Совет?»

Пищит какой-то вьюн: «Да я-ж не под-
писался!»

— «Ты к нам откуда притесался?»

Кричат ерши:

«Не шебарши!»

«Чего не шебарши? Вьюны, чай, тоже
рыбы.

Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промсаж нас. вьюнов, почище вас
умы.

Со шуккой боремся и мы».

— «Вы!»—«Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы.

Вам у вьюнов бы поучиться

Культурным способом борьбы».

— «Каким?»—«Своровке и терпению.
Уметь мелькнуть неслышной тенью».

Где—попросить, где погрозить,

Где аргументом показать.—

Зря не казать своих колючек:

Колючки—это уже старо!»

— Постой. Нашел ты закорючек.

Да у вьюнов-то есть перо?»

— «Есть».—«Без колючек все?»—«В
стимо».

— «Тогда... плывите. братцы, мимо!»

(Из книги „Всякому свое“).

ИСКУССТВО

ИСКУССТВО И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

На востоке занялась заря новой жизни. Пролетариат России, во главе ее многомиллионных трудящихся масс, сверг тяжелое иго капитала у себя в своей собственной стране и вступил в бой с эксплуататорами и угнетателями всего мира.

«Какое отношение это имеет к искусству?» — спросят художники, — «какое отношение имеет искусство к нашей борьбе?» — могут спросить некоторые товарищи. Ответ на эти вопросы может быть лишь следствием спокойного научного исследования сущности искусства в процессе его развития. Искусство — плод свободного развития человеческих чувств, вопреки впечатлений, всего, что нас окружает. Искусство, начиная с эпохи Возрождения, непосредственно, на первый взгляд, является воспроизведением в образах внутреннего мира художника. Но научное исследование не может удовлетвориться таким его общим определением. Преследуя задачу определения сущности искусства, оно проникает вглубь души художника не только в его сознательный, но и в его подсознательный мир и обзирает художественное творчество с момента его возникновения. И в результате взору исследователя представляется несколько иная картина.

С момента своего возникновения, в процессе хозяйственной деятельности первобытной общины, вплоть до эпохи Возрождения, искусство в большей или меньшей степени было плодом коллективного творчества, либо, по крайней мере, самого тесного, непосредственного общения между художником и народной массой. В последующие эпохи общение это постепенно ослабевает, но все же остается, несмотря на все усиливающееся на первый взгляд обособление художника от «толпы»,

¹⁾ Эпоха «Возрождения» началась в искусстве в начале XIV в. и продолжалась в течение 200 лет приблизительно с

ибо художник обыкновенно обладает сильно развитой чуткостью, восприимчивостью ко всему его окружающему, и не может не подвергаться воздействию извне. Он рождается, воспитывается, живет, творит в данной, определенной общественной среде, в данной культурной обстановке, данной исторической эпохе, находящейся в преемственной связи с предшествующими ей эпохами. Раньше — художники воспитывались и творили в среде дворянства, мещанства, в эпоху развития городской жизни, и борьбы третьего сословия за освобождение личности от цепей феодального строя, — в новейшее время — в среде буржуазии либо пролетариата, в эпоху капитализма, в обстановке борьбы пролетариата за освобождение его самого и всех обездоленных от ига капитала. Человечество же, членом которого он является, составляет часть природы, ведя с момента своего возникновения борьбу за существование с природой, стоящей вне его.

Внутренний мир художника — его психика, его понятия — не могут поэтому не отражать, в той либо иной форме окружающей его природы и общественной среды. Иногда эти впечатления воспринимаются им сознательно, иногда они, независимо от его сознания, проникают вглубь его души, в недра его подсознательной жизни. Так или иначе, внутренний мир художника — естественный продукт этой природы и этой среды. И поэтому фактически искусство является обобщением, организацией человеческих чувств. Точнее: оно составляет обобщение в образах — чувств той общественной среды, в обстановке которой рождается, воспитывается, живет, творит художник. Чем сильнее, непосредственнее общение между художниками и окружающей их средой, чем сильнее воздействие на них общественных движений и идей, тем богаче, цельнее и величественнее их творчество, тем определеннее, ярче стиль эпохи, тем теснее взаимная связь между собой различных отра-

слей искусства — архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, театра, литературы. И в то же время чем сильнее воздействие общественных движений и идей на искусство, тем сильнее воздействие искусства на широкие массы.

Как каждая идея, так и каждое общественное движение со времени распада первобытной общины и разделения человеческих обществ на классы, имеет классовый характер. А потому и искусство является классовым, отражает в себе стремления и идеалы того или иного общественного класса и, воздействуя на чувства и сознание масс, служит, независимо от намерений художника, делу объединения, сплочения этих масс во имя их классовых стремлений и идеалов. Мы сказали: независимо от намерений художника, ибо настоящее искусство, как плод свободного чувства, не может быть надуманным, рукотворным, искусственным, тенденциозным; но если оно не может быть тенденциозным, то зато оно не может не быть идейным. Ибо чем более чуток и восприимчив художник, тем более он любознателен, тем более он культурен, тем легче он проникается той или иной идеей, тем богаче его внутренний мир. Чем более чуток и восприимчив художник, чем богаче его внутренний мир, тем сильнее, ярче, величественнее его творчество. Великое искусство расцветает пышным цветом обыкновенно в обстановке бурной общественной жизни, в эпохи богатого культурного развития. Его двигателем бывает великая, мощная, всеобъемлющая идея, порожденная вещественной обстановкой данной эпохи. Она охватывает всецело существо художника; под ее могучим влиянием усиливается темп его духовной жизни, его восприимчивость к красотам природы, к проявлениям общественной жизни. Она вполне естественно отражается во всем его творчестве; под ее влиянием он избирает те или иные сюжеты; она вдохновляет его на создание сильных, ярких образов, красивой, сильной, гармонической внешней формы, регулятором которой в общем и целом не может не быть природа.

Неоднократно случается, что художником овладевает не идея, а лишь сила бурной общественной жизни, воздействуя не на его сознание, а лишь на его чувство, на его подсознательный мир.

Многочисленные примеры из истории искусства подтверждают правильность высказанных нами положений. Двигателем в развитии греческого искусства был идеал полной жизни, физической и духовной красоты. В развитии

творчества средневековых мастеров, начиная художниками катакомб и кончая итальянскими живописцами — Джиотто и Фра-Анжелико, и фламандскими живописцами — братьями Ван-Эйками было глубокое религиозное чувство, оплодотворенное идеей христианства. В эпоху Ренессанса ту же роль играет идея свободы человеческой личности. На Востоке пантеизм является живительным источником художественного творчества. Какое крупное значение в развитии этого творчества имеет умственное развитие художника, его интерес к науке, либо общественной жизни, видно на примере таких мастеров, как бр. Ван-Эйки, великий японский художник Гокусай, один из крупнейших ученых — живописец эпохи Возрождения — Леонардо да-Винчи, выдающийся ученый и политический борец, скульптор и живописец той же эпохи Микель-Анджело, видный деятель Великой Французской революции Давид, коммунар 1871 г. — Курбэ и др. В Средние Века искусство служит стремлениям духовенства и интересам феодального строя, ибо внутренняя обстановка и внешний вид готических Соборов, воздействуя на психику масс, усиливают их религиозные чувства, их преклонение перед богом и их подчинение его «представителям» на земле — папам, епископам, ксендзам, а затем и господствующим классам вообще. В эпоху Возрождения оно отражает стремления и идеалы буржуазии — наиболее жизнеспособного, сознательного, активного и влиятельного тогда класса в борьбе народных масс против феодального строя. Но в эпоху господства буржуазии начинается процесс упадка художественного творчества, постепенно усиливавшийся по мере развития империализма и завершившийся в течение последнего десятилетия развитием в нем идей и течений, отражающих полное вырождение буржуазных классов.

Причины упадка кроются в самом характере буржуазного строя. В основе его лежит принцип частной собственности, производства на всемирный рынок и свободная конкуренция. Его развитие ведет к анархии в производстве, ослаблению общественного начала, порождает дух торгашества, стремление к наживе, ряд внутренних противоречий, крайний индивидуализм, проявляющийся не в стремлении к обезличению провозглашенных французской революцией прав каждой личности, а в развитии прав одной личности на

¹⁾ Пантеисты считают божеством всю природу.

счет остальных; он подчиняет запросам рынка не только качество художественных произведений, но и их идею и методы творчества. Такая общественная обстановка парализует развитие великих идей и творческих сил. Все это роковым образом отражается на судьбах искусства. В художественном творчестве уже в период Возрождения начинается процесс обособления отдельных отраслей искусства. Декоративная живопись и скульптура падают, развивается станковая живопись и скульптура. Наступает кризис в развитии архитектуры, эпоха бессилия. Процесс разложения искусства приводит к нарушению внутреннего единства в каждой отдельной его отрасли. Во имя лозунга «искусство для искусства», под флагом борьбы с тенденциозностью развивается фактическая борьба с идейностью. Проявляется все большее игнорирование внутреннего содержания его произведений и все внимание сосредоточивается на искании новых внешних форм.

В начале второй половины XIX в., под влиянием сильного оживления в общественных отношениях Европы, развивается натурализм, порождающий полное динамизма и жизнерадостности импрессионистское течение. В последнем замечаются, на ряду с элементами разложения (дифференциации), элементы синтеза. Подготавливается почва для возрождения декоративного искусства. Но разложение самого буржуазного общества быстро подвигается вперед. Развивается классовая борьба пролетариата против буржуазного строя. Буржуазия перед ее лицом окончательно поворачивает на путь реакции. В ее рядах происходит процесс вырождения, охватывая и тесно связанную с ней общественную группу интеллигенции, из среды которой по преимуществу рекрутируются художники. В сфере искусства буржуазия либо поддерживает выдохшийся академизм, либо гонится за новинками щекочущими ее притупленные нервы. Дело возрождения декоративного искусства и создания стиля эпохи оказывается не по силам новому, хилому духовно, ее поколению. Последним словом буржуазного искусства становится торжество давно зародившейся идеи аристократии духа. Развиваются: субъективизм, стремление уйти от общественной жизни и природы в мир фантазий и религиозных исканий. Дело создания нового стиля берут в свои руки такие представители крайнего субъективизма, как кубисты, футуристы. Большинство так наз. «левого крыла» художников, в том числе футуристы—представители

искусства «будущего», отказывают в художественности творчеству всех предыдущих эпох и, игнорируя природу в области внешней формы творчества, не только не дают нового стиля, но способствуют дальнейшему разложению в искусстве, высказывая в то же время глубокое презрение к «толпе». Создается пропасть между миром современных художников и, с одной стороны—творчеством предыдущих эпох, с другой—современной общественной жизнью и природой. Во всем современном искусстве наступает тяжелый кризис; оно разлагается, увядает, ибо оказывается отрезанным от источников, из которых художественное творчество черпало в течение тысячелетий свои жизненные силы.

Теперь нам ясно, насколько тесна связь между искусством и совершившимся в России переворотом в сфере ее политической и экономической жизни. Переворот этот, сокрушив иго капитала, освободил от подчинения ему, от эксплуатации с его стороны, широкие массы трудящихся и в том числе мир искусства. Он создал условия для свободного развития искусства. Он вызвал усиление темпа общественной жизни и дал сильный толчок развитию во всем мире новой великой идеи—идеи социализма, идеи освобождения всего человечества. Наступает эпоха величайшая в истории последнего, ибо в течение тысячелетий впервые выдвигается на очередь дня задача полного уничтожения эксплуатации человека человеком.

В такую эпоху масса пролетариата, творца новой жизни, не может оставаться равнодушной к искусству, ибо пролетариату предстоит стать хозяином мира и выполнить великую сложную творческую задачу пересоздания его на совершенно новых началах. Успех же выполнения им этой задачи зависит от развития в его среде самостоятельности, обусловленного его всесторонним умственным и духовным (психическим) развитием, в чем искусство играет колоссальную роль. В то же время и мир художников не может остаться в стороне от окружающей его мощной, кипучей общественной жизни.

Идеи социализма не может не проникнуться ни один из художников, обладающих чуткостью, восприимчивостью, жизненными силами и умственным развитием. Им предстоит воодушевить их на создание нового великого искусства.

Каков же путь развития этого нового ис

куства? Каковы же его характерные особенности, обусловленные развитием человеческого общества и назревающими в среде последнего тенденциями?

Современная эпоха — эпоха переходная, эпоха, с одной стороны, борьбы мирового пролетариата за его классовую диктатуру, с другой — социалистического строительства и борьбы за обеспечение свободного, беспрепятственного развития этого строительства. Ее сменит эпоха развития нового социалистического общества. В первую эпоху искусство неизбежно получит классовый, пролетарский характер, будет плодом самого тесного сближения мира художников с миром труда, отражением исторической роли, воплощением психики, идей борющегося пролетариата, плодом претворения завоеваний в сфере художественного творчества предыдущих эпох в его классовой индивидуальности. Последняя отразится и в основной идее, и в сюжетах, и во внешней форме искусства. Особенности пролетарской психики обусловлены общественными отношениями пролетариата: обобщением его труда, его классовой борьбой, его ролью творца новой жизни. Это: самодеятельность, чувство международной, классовой солидарности, вечное непрерывное стремление вперед, чуткость к красотам природы, как естественная реакция против серой обстановки пропитанных дымом и копотью больших фабричных центров, свежесть, бодрость, уверенность в собственных силах, элементы организованности и самодисциплины. В виду этого — основной особенностью пролетарского творчества, являются: дух общности, элемент динамизма, тенденция к созданию единого искусства, к сближению между собой всех его отраслей. Это искусство не может быть рабским воспроизведением форм природы, но и не может игнорировать богатства и красоты этих форм. Природе предстоит играть в его развитии роль регулятора. Пролетарскому искусству чуждо стремление к воспроизведению частных и деталей, резко отделяющих один предмет, одно явление от другого; ему предстоит в известной мере выделять и подчеркивать то, что объединяет предметы и явления, а не то, что их разъединяет. Смелость линий, яркость и чистота красок, единство композиции составляют его неотъемлемые особенности.

До сих пор развитие пролетарского искусства тормозилось с одной стороны тяжелыми условиями труда пролетариев, но дающими возможности выявления всех способностей и

талантов, которыми несомненно богата полная физической и духовной силы пролетарская среда; с другой — тем обстоятельством, что художники, в громадном большинстве случаев, рекрутировались из среды интеллигенции, которая и по своему прошлому, и по своей психике, а в значительной мере и по своим идеалам и стремлениям тесно примыкает к буржуазным классам и, в виду этого, неспособна проникнуть в глубь внутреннего мира пролетариата.

И все же элементы пролетарского искусства уже зародились в обстановке бурной общественной жизни, порожденной классовой борьбой пролетариата.

Предшественниками этого искусства являются великие художники периодов расцвета художественного творчества в предыдущие эпохи его развития. Его родоначальниками: великий бельгийский скульптор К. Манье и отчасти английский живописец-декоратор и поэт В. Моррис. Его представителями: в Бельгии — Е. Ляремэнс, скульптор Ван-Бисбрюк, в Голландии — Ван-Гог, Роланд-Гольст, в Англии — В. Крэн и Ф. Бренвин, во Франции — живописец М. Люс, скульптор Кордонье; дух пролетарского движения так или иначе отразился в творчестве великого рисовальщика Стейнлена, швейцарского живописца-декоратора Ф. Ходлера французских художников: скульптора А. Родэна и рисовальщика Домье, польских живописцев С. Выпянского и Я. Мальчевского; итальянских декораторов: Бианко, Инноченти, испанских — Англада и Зулоага, немецких живописцев Стерля и Эггер Линца, русских — скульптора Коленкова, гравера Фалилеева и других. Зародыш непосредственного пролетарского творчества составляет деятельность английской гильдии рабочих художественных производств, творчество ряда швейцарских живописцев, выставка картин которых была устроена в Цюрихе в начале 1914 г. (произведения вышеуказанных художников из рабочей среды, как то: В.н-Бисбрюка, М. Люса). Русская пролетарская революция, вызвав усиление самодеятельности рабочих масс, даст сильный толчок развитию непосредственного пролетарского творчества и в России и в других странах.

Это творчество является естественным этапом по пути к развитию будущего социалистического искусства, которое будет следствием, с одной стороны, претворения в классовой индивидуальности пролетариата всех завоеваний в области искусства и его соб

ственных достижений, с другой — влияния общественных отношений будущего социального строя на психическое и умственное развитие трудящегося человечества. По своему характеру оно будет международным и общечеловеческим. Учитывая великое значение российской революции во всех отраслях общественной, в частности духовной жизни, обобщая и идейно отстаивая ее завоевания, наш журнал в области искусства ставит себе задачу: ознакомления пролетариата с его развитием и содействии выявлению креющихся в среде пролетарских масс

способностей и талантов и тем самым оздоровлению современного искусства. Говоря о развитии искусства, мы прежде всего имеем в виду периоды его расцвета в прошлом и элементы пролетарского творчества в новейшее время.

Находя, что всестороннее умственное и духовное развитие пролетарских масс составляет богатейший источник их сил в борьбе за социализм, и что искусство является мощным двигателем духовного развития, мы считаем это дело одной из важнейших своих задач.

Искусству.

В мире художественной мысли переворота еще не совершилось. Еще все осталось как было.

Мы, может быть, стоим на пороге совершення? Неужели и сейчас еще не время для революции здесь, в этой «стране»? В ней, правда, никогда и не было настоящего рабства. право на свободную борьбу всегда было у всех созданий искусства. Но они должны обладать большим. Справедливо, чтобы у них было право не только на свободное существование в душе, но и на свободное проявление в мире, право на помощь и на сочувствие. Ведь, может быть, одна из самых первых задач человеческого общества в том, чтобы дать свободу проявляться на земле и делаться достоянием всех — созданиям человеческого духа.

Очень тяжело, почти невозможно существовать только что являющимся в жизнь. вырастать в мире не только враждебном. — это еще возможно было бы, — нет, больше того, в мире, где для них вовсе нет места, где их не видят и не слышат и осязать не могут, где нет внешних чувств для их восприятия. Потому-то и кажется явление каждого создания искусства чудом. Вдруг, откуда-то, из не реального, не видимого, не осязаемого мира является в наш мир что-то вполне реальное, даже более — настоящее и живое, чем то, что все время было перед глазами. Но ведь эта новая жизнь всегда была реальной, почему-же она должна была так долго оставаться не понимаемой, даже не замечаемой и потому одинокой и страдающей в этой земной жизни?

Правда, возможна и такая точка зрения на искусство, что именно так и должно оно существовать, — пусть будет оно всегда для людей чудом, пусть будет что-то за пределами обычной, злой людской жизни: мир во зле лежит, а это пусть будет добром, редким даром, чудесным минутным счастьем. Но если так думать об искусстве, то бессмысленно по существу все, что совершается сейчас на земле. Ибо как будто мы стремимся к тому, чтобы

мир не лежал во зле, чтобы мечты о всеобщем человеческом счастье стали действительностью, чтобы чуду нашлось место в нашем простом человеческом мире. Как же осуществить эти мечты о всеобщем счастье, если самое большое счастье, творчество, живая жизнь человеческого духа, не станет счастьем всеобщим? Это, может быть, самая фантастическая мечта из всех, мечтавшихся когда-нибудь людьми. Но ведь каждая новая ступень жизни всегда казалась людям перенесением чуда на землю. А когда чудо осуществлялось, оно становилось простым человеческим делом, за ним же открывалась возможность нового «чуда», становилась видима где-то на недостижимой высоте — новая ступень. Вот еще одна новая ступень перед нами, и достаточно сил в нас, чтобы переступить ее, только надо переступить всему человеку, ничего не должно оставаться позади, в старой жизни.

Вся жизнь, самая простая жизнь, — творчество. Чтобы исполнить простой труд, чтобы прожить обычный день, человек должен ощутить в этом дневном жизненном труде нечто новое и нужное для жизни. Без этого ощущения вся жизнь становится ненужной, каждый труд безмерно тягостным. Ясно, или смутно, но ощущение творческого деяния должно быть во всех, живущих самой обычной жизнью, людях. И, конечно, в каждой душе зарождаются новые живые мысли и чувства. Но мало того, чтобы они только зарождались где-то, невидимые, и мгновенно терялись. Надо, чтобы человек мог родить и вырастить свою мысль и свое чувство. Чтобы не оставалось оно лежать в душе безжизненным, годами отлагающимся камнем, только тяготящим душу, и ничего не дающим ей для ее бегущей вперед жизни. Чтобы и не вырывалось оно несвязными порывами, чтобы не расплывалось творческое ядро в бесплодный туман. Надо ему спокойно, естественно вырастать до возраста зрелости и вступать в жизнь сильным, живым, новым существом духа. Нас этому не учили в школах. Нам только давали знания, научали. Но именно мудрость, запи-

Саннию в книгах, всего легче можно в будущем получить и без помощи старших, «мудрых». Той же мудрости жизни, уметь творить, нельзя научить, ее надо возрастить душе. Это воспитание самого основного, самого глубокого в жизни, самой почвы в жизни. — воспитание воли, чувства бытия, жизненной воли к бытию. Ведь творчество и есть по существу своему не что иное, как выражение этой воли к бытию. «Прекрасное» в произведениях творчества есть только внешний образ ее проявлений. Прекрасна сама жизнь в ее глубине, прекрасно бытие. Но не красота бытия, а именно его движение, его стремление, влечет нас к себе.

И школа, и само устройство жизни, и вся культура жизни вели нас и до сих пор ведут только к тому, чтобы как можно лучше и удобнее приспособлять творческие усилия духа к тому, что уже есть на земле. Все надо осознать и все понять. Весь этот сложный и трудный строй жизни надо уметь противопоставить воле, стремящейся строить новое. Ей не дано первенствовать. Нет, она должна стать мягкой и льющейся, покорно разлиться по существующим уже пределам, если и изменить что, то только осторожным прикосновением, как вода, веками точащая камень. Но ведь эти стены и пределы, весь этот существующий строй мира созданы той же творческой волей. Как могут они не уступить ее новому напору?

Если произойдет настоящий великий переворот в области духовной жизни, то учить будут совсем другому. Будут учить тому, что весь строй жизни зиждется на силе творческой воли, что пределов ей нет. Все духовные

силы должны быть направлены на то, чтобы ей удалось выявить себя в самом подлинном, первоначальном виде. Вся внешняя, трудовая, обычная, ежедневная жизнь должна быть ее отражением, согласно ей строиться и меняться и быть постоянно в согласном с ней движении. И только если произойдет такой переворот, искусство станет для всех людей тем, что оно по-настоящему есть, первым, самым сильным строителем жизни. Ведь только оно одно умеет передавать то, что творится в душе: без условностей, без насильственного соглашения с окружающим миром, оно одно просто отражает внутреннюю творческую жизнь человека в ее самом чистом, первоначальном виде. Эта жизнь нам, конечно, важнее всего, она — наша настоящая жизнь, без искусства мы были бы поистине немые, не сумели бы высказать то, что нам всего важнее высказать.

До сих пор мы черпали из сокровищницы этой жизни в уверенности, что она неисчерпаема, что можно эти сокровища и расточать, и бросать, как ненужные вещи, считали их простыми украшениями «настоящей» жизни. Но, может быть, рано или поздно мы поверим, что только одна эта сокровищница и есть у нас, что радость жизни в одних этих драгоценностях? Что не украшать ими надо жизнь, а само живое тело нашей земной жизни слагается из них. И, если мы хотим, чтобы поистине ценной и радостной была наша жизнь, то силою всех, всего человечества, надо до верха наполнить эту сокровищницу, и все наше земное существование слагать из одних живых драгоценностей человеческого творческого духа.

Н. Брюсова.

Евгений Ляремс.

На краю столицы Бельгии—г. Брюсселя, в предместьи Мэленбэк-Сэн-Жан, в небольшом доме, утопающем в зелени и цветах, в 1868 г. родился один из наиболее талантливых современных живописцев Евгений Ляремс, сын художника Иосифа Ляремса.

Его творчество развилось под влиянием традиций великого фламандского искусства, природы и общественных отношений современной Бельгии, и тяжелых условий его личной жизни.

Будучи ребенком Е. Ляремс страстно любил природу. Он проводил целые часы в старом саду, окружающем дом его отца, наблюдая оттенки цветов освещенной солнцем буйной растительности. 11 лет от роду он потерял слух. Это усилило его вдумчивость, сосредоточенность. На ряду с любовью к природе, у него развилась любовь к чтению, а в последствии к занятию философией. Когда он вырос и стал живописцем, то сосредоточил свое внимание на постоянном искании красочных эффектов и впечатлений окружающей среды. Ежедневно в 8 ч. утра Е. Ляремс выходит на прогулку. Встречая по дороге прохожих и возвращающихся с базара крестьян, в разноцветных костюмах, на телегах, нагруженных овощами и зеленью, он останавливается и пристально осматривает их; затем заходит во дворы попадающихся ему на пути домов и фабричных зданий, где ни один предмет, ни одна бытовая картина не ускользает от его внимания. Возвратившись домой, он окидывает взором старый сад и тогда заходит в мастерскую и принимается за работу. Из художников не остались без влияния на развитие его творческой индивидуальности: картины старых мастеров—П. Рубенса, Брейгеля, а из современных скульптура родоначальника пролетарского искусства—К. Мэнбе.

Начало творчества Е. Ляремса относится ко времени развития в Бельгии капитализма которое его соотечественник, великий поэт Э. Верхарн охарактеризовал, между прочим в следующем отрывке одного из своих стихотворений—«Вымирание деревни»:

«Поля кончают жизнь под тяжелой колесницей,

Которую на них дух века ополчил.

И тянет шпальцы столица за столицей,

Чтоб высосат из них остаток прежних сил».

На глазах художника, страстно любящего природу, срывались дома, сады, вырубались деревья, воздвигались, словно казармы, мрачные фабричные здания, окутывающие дымом окрестности, насыщающие воздух копотью. Это возбуждало в нем ненависть к капиталистическому строю и усиливало любовь к природе, возбуждая также симпатию к жертвам капитала—рабочим и городской и деревенской бедноте. Постепенно развилось рабочее движение, и порождаемая им, сильно пульсирующая общественная жизнь городов и их фабричных предместий, захватывала все существо Ляремса. В душу молодого художника глубоко запал факт отказа мэра Мэленбэка принять участие в подавлении волнений среди рабочих.

По характеру своего творчества Ляремс, как увидим—натуралист-синтетик. В его живописи отразился элемент национальный—фламандский и международный; впечатления мелкобуржуазной среды его ранней молодости и—пролетарской—периода расцвета его творчества. Последние взяли перевес, вследствие мощи бельгийского пролетарского движения. Быть может, именно благодаря этому, его творчество овеяно духом панкосмизма, и обладает таким образом особенностью, присущей большинству старых фламандских живописцев. Ляремс обыкновенно изображает человека на фоне природы. Его персонажи—главным образом—жертвы капитала.

Его картинам придает особенную яркость элемент контраста—противопоставление друг другу двух противоположных по своему характеру явлений. Вот группа крестьян среди красивой, дышащей жизнью природы, но окаймленной деревьями дороге, несет на кладбище бедняка в простом деревянном гробу, окончившего свою трудовую жизнь.

Картина грустная по сюжету. Но на стенах церкви и на листьях деревьев, осеняющих место вечного покоя, весело играет луч заходящего солнца, подчеркивая элемент грусти и в тоже время как бы противопоставляя скоропроходящей человеческой жизни вечную жизнь природы. В офорте на ту же тему, ломанная линия резкого поворота дороги, по которой несут покойника, привлекает к себе внимание зрителя, вследствие чего особенно ярко выступает общий характер картины. Но иногда, как бы отзвук того времени, когда Мэленбак жил тихой, безмятежной жизнью, утопая в зелени многочисленных садов, среди грустных в общем и целом сюжетов Е. Лярменса, попадаются и дышащие жизнерадостностью, так напр., «Купанье», либо полные спокойствия, как «Прогулка в деревне».

Мы определили Е. Лярменса, как натуралиста-синтетика. Эта его особенность состоит прежде всего в цельности и единстве композиции его картин, а затем в том, что их внешняя форма вполне естественна, но чужда мелочей, деталей. Вот, напр. отмеченный уже выше офорт «Похороны». Толпа несущая гроб, представляет собой яркое, законченное в себе темное пятно на фоне природы, очерченное линией, строго гармонизованной с линиями окружающей ее среды. Внимание зрителя не расплывается, а сосредоточивается на главном предмете, что усиливает производимое им впечатление. А, вот картина «Осень». День близится к концу. Солнце играет на желтеющих листьях деревьев и стенах деревенских изб. По дороге идет пара сторбленных нищих—мушина и женщина. Здесь и название, и внешняя форма вполне отвечают сюжету. При этом и деревья и лица стариков очерчены вполне естественной линией, но последняя более ломанная, чем круглая и изображает не детали, а лишь общие контуры предметов. Эта особенность творчества Лярменса отражает дух коллектива, дух пролетарской среды: в картине подчеркивается не то, что отделяет друг от друга предметы и явления, а то, что их объединяет. Другой особенностью пролетарской среды в творчестве Лярменса является его динамизм. Все его картины дышат жизнью; людей, отдельных лиц и толпу он везде представляет в плавно ритмическом движении. Наконец, Е. Лярманс—чуть ли не самый выдающийся из современных художников изобразительной школы. Толпа представляет собой у него как бы особый организм, он мастерски вос-

производит общественную психику. В ряде своих произведений Е. Лярманс, подобно К. Манье, дает целую эпопею пролетариата, как бы воспроизводя процесс развития пролетариата в различные периоды его постепенного объединения. Вот толпа молящихся мелких буржуа тихого предместия. Летний вечер. Кругом мировая тишина. Солнце зашло. Лиловые облака с красноватым отливом отражаются в неподвижной зеркальной поверхности озера. Охваченная религиозным экстазом толпа, преклонив колена на берегу озера творит вечернюю молитву. В воображении зрителя издали доносится звон колоколов. Другая картина—одно из проявлений тяжелой жизни рабочих, доминирующее в их среде в начальном периоде развития фабрично-заводского производства. Двое рабочих несут мертвое тело товарища погибшего во время катастрофы на заводе. На другой картине художник изображает женщину и детей, ведущих под руки из кабака домой шатающегося отца семейства. Одно из первых стихийных проявлений стремления пролетариев к улучшению их быта составляет эмиграция. В большом триптихе, хранящемся в антверпенском музее, Лярманс изображает «Эмигрантов». Разнородная, разноплеменная толпа движется к пристани, очертания которой вырисовываются на морском берегу. Это несомненно коллектив, а не ряд искусственно сопоставленных, ничем одно с другим не связанных лиц, как на картинах художников старой школы.

Но в этом коллективе незаметно того единства психики, которое бросается в глаза при виде отмеченной выше картины «Молитва».

Совершенно иной представляется толпа на картине «Забастовка». При виде ее вспоминаются невольно слова Э. Верхарна:

«Улица, быстрым потоком шагов.

Плеч, и рук, и голов.

Катится в яростном шуме.

К мигу безумий,

Но вместе—

К свершеньям, к надеждам и к мести.

Улица грозная, улица красная

Властная.....»

Вечер. По берегу реки, как будто вырастая из мостовой, движется толпа забастовщиков с красным знаменем. Вледный лунный свет освещает белые стены фабричныхзданий, отражается в реке, озаряет лица рабочих, придавая картине какой-то таинственный грозный характер. Герой картины—толпа. Если пристально взглянуть на

отдельные лица, то можно заметить в каждом из них кой-какие индивидуальные особенности. Но над этими деталями доминирует впечатление коллектива, единой души толпы, объединенной единой волей, властно движущей ее к намеченной цели. Чувства, мысли, стремления всех слились в эту общую единую, непреклонную волю, давая образ могучей, почти, несомненной силы.

«Все она может! все она в силах!
Одно лишь мгновение
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье».

Простая смелая линия, соответствующий колорит—завершают цельность картины.

Много пережил Е. Лярмэнс с тех пор, как написал ее. Он сошелся с деятелями рабочей партии, был иллюстратором журналов издаваемых Э. Верхарном и Ванедервельде. В течение некоторого времени был лишен возможности работать, болея глазами. И, когда выздоровел, дал ряд новых картин, из которых многие овеяны глубокой грустью, отражающей впечатления первых годов его творчества и тяжелые моменты в его жизни. И все они, как и все творчество Е. Лярмэнса показывают, как глубоко проникся ху-

дожник судьбой пролетариев и всех угнетенных. Все его произведения являются в той или иной форме воплощением протеста против несправедливостей общественного строя и превратностей природы.

Все они по внешней форме, по цельности композиции, смелости линии отражают дух пролетарского движения.

Над всеми ими, все же доминирует «Забастовка» являющаяся одним из крупнейших шедевров современной живописи, связавшая неразрывными узами ее автора с пролетарским миром.

Е. Лярмэнс, создав десятки картин и офортов, овеянных единым духом, внес богатый вклад в сокровищницу пролетарского творчества. Он сделал для его развития все, что мог сделать художник-интеллигент в его положении, в современную ему эпоху. И в истории он займет почетное место на ряду с великим родоначальником пролетарского искусства — К. Мэнье. Художники же пролетарии поведут дальше их дело, завершая то здание пролетарского искусства, которое начали строить эти два художника, положившие первые камни его фундамента.

Н. Залевский.

Искусство в школе.

МУЗЫКА.

То, о чем давно уже думали и говорили лучшие представители музыки, и что так еще недавно с силой выразила в своей заметке— манифесте «За искусство» Н. Я. Брюсова¹⁾,— начинает, наконец, осуществляться: искусство проникает в школу наравне с наукой.

Недавно созданная Комиссия по введению преподавания музыки в общеобразовательной школе составила программу преподавания музыки, уже одобренную Комиссией по Реформе Школы и принятую, таким образом, к ближайшему осуществлению.

Наконец и вторая половина «я» ребенка— его чувство—будет развиваться параллельно с развитием его первой половины—сознания. Искусство входит теперь в школу не как падчерица, но как равный член среди всех предметов школы. Но, к глубокому сожалению, приходится признать, что революция в школе еще не завоевала себе прав, и— как ни странно—необходимостью новых путей для школы не прониклись на этот раз сами люди искусства. Так, некоторые члены, Комиссии по преподаванию музыки в школе—оказались настолько пропитанными схоластикой (и как следствием ея—реакцией, ибо все, что не двигается вперед—отстает назад), что наиболее революционным членам пришлось выдержать некую борьбу, победителем в которой, пожалуй, имеют право назваться представители схоластических взглядов больше, чем революционеры и «бунтаримосквичи». Так, первые провели частями почти все существенное из своей программы, сохранив даже в заглавии предмета слово «пение» наряду с «музыкой». Это, на первый взгляд невинное и несущественное, добавление имеет, однако, свои нежелательные последствия: в школе попрежнему будет поставлено только пение, и, очевидно, если судить по программе членов—схоластиков, будет поставлено так же плохо, как и при

прежнем строе школы, т.-е., ребенок снова не будет развивать свое чувство ритма и ритм своего чувства, но по-прежнему будет петь «в хоре из лучших голосов на вечерах и праздниках школы» и т. д. Словом, попрежнему ребенок не будет ничего знать о музыке, попрежнему будет смотреть на урок пения, как на бесполезный и скучный (и конечно вполне правильно), попрежнему не будет слушать музыку, как ритм своего чувства; одним словом—по старому активное творческое исполнение ребенком музыки будет подавляться и попрежнему его будут учить правильно петь, но не слушать.

Быть может мы и не правы (очень хотелось бы не быть пророком в своем отечестве), но во всяком случае заявление одного из разбираемых членов—«высоко будете прыгать, оступитесь в яму»—не заставляет смотреть на проводимую реформу слишком оптимистично.

Хочется, в противоположность этому, отметить ясно-осознанное стремление Музыкального Совета, представители которого также входили в названную Комиссию, уйти от опротивевшей рутины прошлого и двинуться по новому, открывающему такие широкие перспективы, пути. Является уверенность, что—если дело преподавания музыки пойдет по прежнему пути схоластики—Музыкальный Совет перерешит в будущем решение Комиссии, составив (разумеется, уже вполне самостоятельно) программу, действительно в корне меняющую постановку преподавания музыки, и добьется, что музыка—и именно вся музыка, а не только пение—войдет в жизнь школы.

Будем ждать.

Г. Щ.

II ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА.

Искусство, оторванное от волнующейся жизни, и серая обывательская жизнь, лишенная искусства,—вот какими явлениями

¹⁾ Журнал «Новая Школа», № 4, 1918 г. Москва.

характеризуется влиянием капиталистического строя на художественную жизнь.

Построенная на буржуазных основах, цензурная общеобразовательная школа отражает эти явления в своих приемах художественного воспитания молодежи. Имея налицо плоды этой уродливой системы художественного образования молодежи, мы должны ныне, при созидании социалистической школы, предугадать новые методы в этом деле. Тогда работники в области пролетарской культуры, пролетарского искусства—смогут не только избежать старых ошибок, но создадут благоприятную почву и целесообразные здоровые приемы для выявления молодых, пролетарских творческих сил с их новыми задачами и средствами.

Каковы же были методы художественного образования молодежи в прежней школе? Прежде всего они были насквозь пропитаны идеями и устремлениями старого буржуазного общества. Мы видим здесь картину замкнутости художественной жизни, искусственного культивирования пресловутой буржуазной формулы «искусство ради самого искусства». Другими словами,—искусства, по существу своему узко классового, по форме же подчиненного стремлению «украшения» жизни. На практике же—это есть замена красоты—красивостью, истинных эстетических ценностей—художественными суррогатами.

В области чисто педагогических приемов эстетического развития учащейся молодежи—мы наблюдаем: неумение выявить и направить молодые творческие силы; неумение отделить задачи художественного воспитания в рамках общеобразовательной школы от специальных задач, преследуемых в художественных школах.

Сюда же присоединяется: деление учеников на талантливых и бездарных; перенесение центра всей преподавательской работы и внимания на техническую сторону искусства, стремление научить «понимать» искусство рассудком, а не чувством.

Все эти ложные педагогические приемы привели к одному явлению, которое следует признать наиболее характерным для постановки художественного образования в буржуазной «средней» школе: учителя-художники создают ничтожное количество учащихся, активно занимающихся творчеством, благодаря приобретенной ими технической сноровке. Большинство же—уверившись в «отсутствии» у себя «дарования» и в своем

«неумении» творить, отстраняется от творчества и художественной жизни (даже от пассивного восприятия искусства), и убивает в себе свои творческие потребности, и, наконец, даже просто интерес к искусству. Мало того, в связи с низким уровнем своих эстетических запросов, они обнаруживают полную оторванность от быстро идущего вперед искусства. А разве те новые проявления последнего, которые не могут ужиться с буржуазной культурой, не близки уже духу революционного пролетариата, не являются предвестниками грядущего пролетарского искусства? В силу общественных и моральных рамок среды и школы, эта молодежь воспитана на такого рода искусстве, которое своим созерцательно-спокойным, или же «украшающим» прикладным характером, лишь убаюкивает творческую волю.—Не такому искусству дано воспитывать более высокие потребности:—волю к бытию, а, следовательно, к борьбе и творчеству. Не знающий этих суррогатов искусства пролетариат, с его непочатыми творческими силами, конечно, найдет новые образительные формы, в которые он выльет свои духовные потребности и свою волю к красивой жизни. И в новой, социалистической школе творческие данные пролетарской молодежи не должны умерщвляться неумелым художественным образованием. Творческие же эстетические запросы заложены в каждом из нас, надо лишь создать возможность их плодотворного развития и воплощения.

«Средняя школа», построенная на старых основах, основах буржуазной культуры, не смогла создать благоприятной обстановки для выявления творческих сил вверенной ей молодежи. Она лишь фабрикует обывателя, эстетическое чувство которого либо спит притупленное, либо совсем сведено на нет. И поэтому она не способна пойти навстречу пролетариату и его мощным творческим потребностям.

А искусный пролетариат, несомненно, не пойдет на приманку буржуазии—не поверит ее либерализму, который в области художественной жизни находит свое «крайнее» выражение в словах салонного поэта Игоря Северянина:

«... пора популяризировать изыски (!)»

Утончиться вкусом народа...»

Вообще создание пролетарского искусства должно быть только делом самого пролетариата!

По сравнению со всем тем, что прежде

делалось, как государственным, так и частным путем в области художественной жизни—власть пролетариата сделала громадный шаг вперед. Много старых предрассудков отброшено в архив капиталистического строя, целый ряд организационных мер гарантирует неприкосновенную целостность его прошлого, творческую свободу настоящего и его процветание, как независимого социального фактора, в будущем.

Но идеологи пролетарского творчества, в их борьбе с буржуазным искусством, близки к другой крайности: искусство ими часто рассматривается односторонне, как один из факторов борьбы и воспитания. Этим предопределяется будущая физиономия искусства, в социальной жизни—тенденциозная, в школе же носящая иллюстративно-вспомогательный характер. Чтобы не быть голословными, приведем примеры: т. Ф. Калинин ¹⁾ следующим образом подчеркивает ценность искусства в смысле определенного направления психологического и морального воздействия:

«...искусство—средство организации жизни, которым можно и необходимо пользоваться, как средством борьбы...»

«... искусство легче всего может проникнуть в семейный быт и влиять на психологию человека, освобождая его от предрассудков...»—

или:

«... предварительное восприятие искусства поможет предупреждать практические противоречия и столкновения и усилит нашу способность в борьбе...» ²⁾

Такого рода крайности мы должны рассматривать, как следствия вполне естественного стремления отклониться подальше от замкнутости «прекрасного» искусства капиталистического строя и создать искусство, живое своей связью с происходящей борьбой, ценное своей жизненной силой. Исходным пунктом этого стремления служит взгляд на искусство, как на фактор общественной жизни, поскольку он возбуждает волю к бытию, к борьбе, творчеству. Последнее положение не только не является ложным, но, наоборот, определяет истинную роль и более высокие цели искусства, в рамках пролетарской культуры. Однако из этого положения мы сделаем иной вывод, нежели тов. Калинин, а именно: пробужден-

ная этим новым искусством творческая воля пролетариата возбудит эстетический протест против противоречия действительности—запросам души и чувства. И творчество будет тогда направлено не на иллюстративное, морально-воспитательное воздействие, а на создание красоты вокруг. И это стремление к красоте бытия отнюдь не явится шагом назад, к целям и средствам «украшающего» искусство,—ибо не красивость, а настоящая глубокая, выявленная из жизни красота определит пути этого творчества.

К сожалению, при построении перспектив художественного образования в рамках социалистической общеобразовательной школы ³⁾ приходится опять начинать с возражения. Последнее диктуется опасением вредных следствий, могущих возникнуть от неправильно намеченного положения искусства и его преподавания при обсуждении ⁴⁾ трудового начала воспитания. Характер трудовой школы-коммуны определяется

«... воспитанием способности организовать производительный труд..., поддержанием существования школьного сообщества путем коллективного труда...» — Всевозможные трудовые процессы

«... тесно связаны с преподаваемыми предметами и должны возбуждать в учащихся новые запросы и любознательность...»

К сожалению, эта в высшей степени здравая и социалистически целесообразная школьная система вводит и художественное творчество в рубрики узко трудовых процессов. Оно сокращается до размеров преподавания художественных ремесел, хотя и с целями «художественно-эстетического развития учащихся». Не забывается ни сапожное, ни портняжное, ни гончарное мастерство, в ущерб делу правильной постановки художественного творчества.

³⁾ См. циркуляр отдела Единой Школы, а также № 12 прил. к Изв. Ц. И. К. «Народное просвещение».

⁴⁾ Характер постановки художественной работы в профессиональных художественных школах определяется деятельностью Пролеткультов (см. тезисы и резол. 1-ой Моск. Конфер. Пролет. Культурно-Просвет. организаций) и декретами Отд. Образовательных Искусств Комисс. Нар. Просв. (см. журнал «Народное Просвещение» №№ 1—2, 3, еженед. прил. к Изв. Ц. И. К.: «Народное Просвещение» №№ 1, 9).

¹⁾ «Пролетарская Культура» — № 2; статья: «Рабочий Клуб».

²⁾ «Пролетарская Культура» — № 1; статья: «Пролетариат и творчество».

На основании всего вышесказанного хотелось бы конкретно определить те новые направления, в которых должна была бы развиваться преподавательская деятельность в области эстетического воспитания учащихся в стенах общеобразовательной школы.

Прежде всего необходимо подойти к ребенку с убеждением в его творческом чувстве, с стремлением выявить его эстетические творческие потребности и создать благоприятную обстановку для их развития и воплощения.

Необходимо признать каждого ребенка творцом и художником; доставить всем возможность и средства творить, независимо от их умственных или других данных; объединить молодежь общим стремлением к художественному творчеству, как радости бытия, открыть юные глаза на прошлое, настоящее и будущее искусства, его цели и средства, — вот чисто педагогические задачи художника-преподавателя в общеобразовательной школе. Этими задачами определяется грань между общим художественным образованием (в средней школе) и специальным (в профессиональной). Не нужно бояться, что у нас окажется слишком мало художников, способных до такой степени отрешиться от старых предрассудков в области искусства и педагогики. Ведь для общеобразовательной школы нам нужны не столько художники-профессионалы, сколько идеологи детского творчества, и притом творчества пролетарского.

Школа, построенная на основах социа-

листической идеологии, преследующая коллективистический идеал воспитания¹⁾ должна утвердить формулы «творчества всех для всех». Эта школа должна культивировать первые проблески пролетарского молодого творчества, — ибо в ее стенах они блеснут впервые. Тем более, призванные к этому делу художники должны стараться приготовить педагогические рамки для своей деятельности. Они должны настаивать, чтобы во всех начинаниях, направленных к образованию пролетарской молодежи, делу художественного воспитания было уделено соответствующее место. При новой постановке преподавания искусства в общеобразовательной школе, из нее будут выходить не эстетически притупленные обыватели, а молодые граждане, с волей к творчеству и жизни, волей, которая их заставит выявить красоту этой жизни. Лишь эти люди будут способны создать новые, более красивые условия жизни, создать пролетарскую культуру и пролетарское искусство. Сознательное отношение этой пролетарской молодежи к искусству и его прошлому поможет ей осветить его с точки зрения социалистического миропонимания и открыть в его истории страницы народного творчества. У пролетарского искусства окажутся тогда не только широкие перспективы творчества в будущем — в истории его прошлого будет также обретена богатая сокровищница художественных ценностей.

Константин Крайний.

¹⁾ Освещение этой формы воспитания в противовес идеалам старой школы см. в прекрасной статье тов. Богданова: «Пролетарская Культура» № 2-ой.

Художественная жизнь *)

I. ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА РАБОТЫ.

Таким кратким периодом времени измеряется существование и деятельность Московской Коллегии Изобразительных Искусств, которая является органом вдохновляющим и направляющим деятельность Московского Отдела Изобразительных Искусств при Комиссариате Народного Просвещения.

За это время Коллегия, состоящая из живописцев, скульпторов и архитекторов—завершила сложный и неблагодарный труд организации самого отдела и выработки программ его деятельности. Распределена работа, намечен характер взаимоотношений с другими отделами, кооптированы нужные лица, составлены сметы—словом машина пущена. Организация еще не закончена, но дело начато и уже ощутительно проявляется в самых разнообразных областях художественной жизни. Конечно, пока еще очень многое не успело осуществиться. Надо принять во внимание, что лица работающие в Коллегии—это все деятели искусства, которым раньше не приходилось заниматься организационной работой в государственном масштабе. Испытанные организаторы, конечно, смогут найти поводы для критики тех или иных мероприятий. Но Комиссариат, призывая к деятельности все наиболее молодые и жизнеспособные силы страны, конечно, ждал от них не опыта и мудрости, а новизны подхода к делу, творческой инициативы и плодотворной энергии. И это оправдалось. Несмотря на то, что на первое полугодие еще не была составлена смета, Коллегии все же удалось осуществить часть намеченных планов и реформ. Так, в результате ряда ходатайств перед Нар. Ком. А. В. Луначарским, перед Нар. Ком. Л. Д. Троцким и Высшим Военным Советом был издан декрет 26-го июля 1918 года о взятии художников на учет по специальности для военно-маскировочной школы. Кроме того, установлена связь для совместной работы со следующими отделами Ком. Нар. Просвещения: с Музейным отделом—по общим художественным вопросам; с Внешкольным отделом по вопросу о народных домах; со Школьным отделом по вопросу о реформе Художественного Образования на средней и низшей ступени Единой Трудовой Школы; с Дошкольным отделом по вопросу о детских игрушках и мебели для детских садов.

На основании декрета 12 июля 1918 года Московское Художественное Общество, на

средства которого существовало училище Живописи, Ваяния и Зодчества, было национализировано и суммы его отошли в Ком. Нар. Просвещения, а училище перешло в ведение Отдела Изобраз. Искусств при Ком. Нар. Просвещения. В связи с этим, отдел назначил уполномоченным учителя члена Коллегии худ. Машкова, а школьный подотдел в спешном порядке занялся разработкой проекта реорганизации преподавания к ближайшему учебному году. Отдел провел через Госуд. Коллегию Ком. Нар. Просвещения, проект Госуд. фабрики красок и испытательной станции, разрешив, таким образом, вопрос о живописных материалах. Затем отдел усиленно ходатайствует об издании декрета о предоставлении Нескучного Дворца для нужд организации художественной жизни деятелей искусства.

Отдел, для выполнения программы удовлетворения художественных нужд, развернул смету для Петроградского и Московского районов в размере 14.500.000 рублей. Эта сумма вряд ли достаточна, чтобы удовлетворить потребность в художественном и художественно-промышленном образовании, запросы на которые в громадном количестве поступают со всех углов обновленной, жаждущей просвещения страны. Самые значительные параграфы из сметы для Московского отдела следующие: намечены 9 художественных школ высшего типа в следующих городах: Уфе, Туле, Иваново-Вознесенске, Павловском посаде, Костроме, Сергиевском посаде, Рязани, Пензе, Саратове, Орле, Вятке, Вологде, Новгороде, Нижнем-Новгороде. Кроме того, намечено 20 ремесленных школ в равных городах промышленных и кустарных местностей, художественное издательство, приобретение произведений современного искусства, конференция художественно-ученических организаций по реформе школ, пролетарские выставки, лекции, экскурсии, пособия художественным организациям, собрание и приобретение образцов народного творчества и художественной промышленности, конкурсы, склад-магазин художественных материалов, объединение и общая связь, с'езды, журнал художественной промышленности, содержание Строгановского Центрально-Художественного училища с филиальным отделением, содержание Декоративного Института при Строгановском училище.

С утверждением сметы отдел предполагает организовать работу со включением

*) К сожалению, вследствие запоздания выхода в свет журнала—хроника художественной жизни сильно устарела и много заметок имеют теперь чисто исторический характер.

сметных пунктов, что даст возможность вести работу в удвоенном темпе, с одной стороны разгружая, а с другой стороны пополняя отдел новыми планами и проектами.

ЗАДАЧИ МОСКОВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ.

1. Организация художественного образования:

а) создание художественных мастерских, соответ. интересам Новой России;

б) пропаганда искусства среди широких демократических масс.

2. Связь с художественными центрами мира.

3. Организация процветания искусства:

а) организация государственных курсов;

б) организация проф. союзов, артелей и т. д.;

в) организация декорационных и декоративно-театр. комиссий.

4. Организация охраны искусства:

а) охрана искусства: прошлого, настоящего и защита будущего.

По всем этим вопросам отдел изобразительных искусств входит в связь с другими отделами Комиссариата, отчасти через председателя Коллегии—худ. В. Е. Татлина, или через заведующего подотделами.

Каждому из семи существующих в данное время подотделов предоставлена полная инициатива в разработке и выполнении взятых на себя задач. Возможно, что жизнь выдвинет перед Коллегией новые задачи, для выполнения которых созданы будут и другие соответствующие органы. В данный момент существуют и функционируют следующие 7 подотделов:

Школьный подотдел с заведующими худ. Моргуновым, Ивановым и Машковым поставил себе целью создание новой системы преподавания Изобраз. Искусств и широкое развитие худож. образования в Свободной Трудовой школе, как на ее высшей, так и на средней ступени обучения; пробуждение и развитие в массах эстетического инстинкта до сознательного худож. естественного чувства и воспитание художественного зрения в целях формирования будущих художественно-развитых потребителей и производителей искусства. Для достижения цели, школьный подотдел считает необходимым произвести коренную реформу в постановке художественно-эстетического образования, как в общеобразовательных, так и в специально-художественных школах.

Подотдел приступил к реформе постановки худ. образования в трудовой школе, совместно с отделом реформы школ при Комиссариате Народного Просвещения. Приступлено также к организации инструкторских курсов для преподавателей Изобразительных Искусств. Курсы будут организованы 3-х месячные, функционирующие в течении всего года, а для насущной потребности момента—краткосрочные-полуторамесячные. Для обеспечения до-

стойного места всем художественным направлениям, Школьный подотдел создал тип Госуд. Свободных Мастерских; учащиеся художники свободно разделяются на группы соответственно худож. течениям. Разработан проект об организации мастерских, а также инструкции: 1) для свободного выбора руководителей и 2) для приема учащихся.

В настоящее время школьным подотделом производится реформа школы Живописи, Ваяния и Зодчества и Строгановского училища в Москве.

Приступлено к организации Госуд. Худож. Мастерских в следующих городах: Уфа, Пенза, Воронеж, Ивано-Вознесенск, Оренбург, Самара.

Кроме того, подотдел, полагая, что художественной промышленности предстоит выполнить громадную творческую работу общегосударственного значения в смысле удовлетворения потребности в большей художественности производимых фабрикатов и подготовки законченно-развитых инструкторов для худож. промышленности, признал необходимым создание специального типа мастерских по худ. промышленности.

Литературный подотдел (с заведующими: худ. Шевченко и Франкетти), ставит своей задачей осуществление ряда периодических изданий по искусству (как журналы, газеты, альманахи), а также и не периодических: монографий, популярных брошюр, лекций. Заведующими разработан план журнала и смета.

Подотдел издает ряд демократических популярных брошюр по искусству и специальные циклы лекций для инструкторов по внешкольному образованию.

Для предполагаемого издания «Круг чтения по искусству для народа» разработанная первая часть: «Введение в искусствоведение».

Приступлено к изданию монографий, посвященных творчеству современных художников, причем монографии будут подходить возможно ближе к природе каждой худ. индивидуальности.

Организованы на учительских курсах при Ком. Нар. Просвещения лекции на тему: «Роль народных учителей в деле пропаганды искусства».

Составлен каталог книг по искусству для инструкторского отдела. Составлен список иностранных книг (немец., фран., англ., амер., итальян., и испан. изданий) и приблизительная смета на их приобретение.

Художественно-промышленный подотдел (с заведующими худ. Розановой и Родченко), заботясь о сохранении черт самобытности в творчестве народных масс, как в кустарном, так и в фабричном производстве, считает неотложной задачей: 1) широкую организацию Художественно-Промышленных школ со свободными мастерскими на местах; 2) снабжение кустарей всеми специальными средствами, знаниями и орудиями производства для работы на дому; 3) создание условий равновесия между кустарным и фабричным производством; 4) объединение кустарей и

художников через посредство народных домов и клубов.

Подотдел, ставя своей задачей поднятие худ. вкуса в стране, в силу своей компетенции, взял на себя контроль над художественно-промышленными учреждениями. Так, он взял в свое ведение худ. сторону производства Абрамцевской фабрики. Он, кроме того, обследовал Строгановский Худож.-Пром. Музей, Городской Кустарный, Московский Румянцевский и собрание Морозова и проектирует реформы их.

Подотделом составлен обширный список книг по худ. промышленности для предполагаемой особой народной библиотеки.

Для статистического Отдела Ком. Нар. Просвещения составлен текст анкеты для разсылки на места, где есть какое-либо производство.

Заведующими подотделами была совершена поездка в Богородск, где решено оборудовать школу-мастерскую и Худ.-Пром. Музей.

Для предполагаемого худ.-промышленного журнала разработаны темы:

I. Чем вызывается к жизни творчество народа:

а) черты чистого творчества (игрушки, ковры и пр.),

б) черты утилитарного творчества (утварь и пр.).

II. Развитие народного творчества (набойка, резьба, игрушки и пр.).

III. Упадок народного творчества в зависимости от влияния города:

а) вырождение одежды, утвари, песни,

б) меры для возрождения творчества,

в) влияние фабричного производства.

В виде широкой анкеты запрошены все худ.-промышленные мастерские. После запроса будут делегированы инструктора.

Составляется проект создания в Москве опытной лаборатории худ. промышленности, в которой специалисты техники совместно с художниками школы будут создавать новые образцы производства. При лаборатории предполагается инструкторская школа.

Художественно-строительный подотдел (с заведующими: худ. Малевичем, скульптором Королевым и архитектором Фидлер). Подотдел состоит из музейной, конкурсной, правовой и строительной части.

Музейная часть подотдела ставит своей целью создание музейной сети современного искусства с основным центральным всероссийским музеем в Москве. Деятельность музейной части носит пока организационный характер. Установлена связь с Музейным Отделом Комиссариата Нар. Просвещения, для чего создана контактная Комиссия из членов Художественной и Музейной Коллегий.

Была выработана резолюция, подразделяющая музейную деятельность на «научно-художественную» и «художественную». В первой области—полная компетенция принадлежит музейной коллегии, во второй — художественной Коллегии.

В устройении музеев с художественной стороны принимают непосредственное участие художники. Право покупки за счет национального фонда принадлежит обеим Коллегиям.

С. И. Дымшиц-Толстая и В. Е. Татлин представили доклад о создании Музея Современного Искусства. Коллегией этот доклад принят; специальной комиссией намечен список художников, произведения которых должны быть приобретены в этот Музей. Дальнейшее осуществление поручено комиссии, состоящей из трех членов Московской и трех членов Петроградской Коллегий.

Конкурсная часть подотдела разработала проекты двух крупных конкурсов:

1) демократический конкурс—заказ на 50 памятников по поручению Сов. Нар. Комиссаров (в список художников, которым будут поставлены памятники, включен Сезанн и предполагают включить Боччони) и 2) конкурс на государственные герб, флаг и монеты.

Жюри составляется из представителей Ц. И. К., Отдела Изобразительных Искусств и Проф. Союза Живописцев.

Правовая часть подотдела разрабатывает декларацию прав художника.

Строительная часть подотдела работает над проектом концентрации Современного Искусства в одном пункте, напр., в Нескучном, где предполагается Музей Современного Искусства, художественные выставки, митинги, лекции по искусству, общежитие для художников, государственная фабрика красок, испытательная станция красок и опытные мастерские для художников-изобретателей.

Театральный подотдел (с заведующими: худ. Кузнецовым, Фальк, Кандинским). Считаю, что театр является одним из лучших проводников эстетического развития широких пролетарских масс, подотдел предполагает установить связь с театральным Отделом Комиссариата и пролетарскими организациями, для совместной работы по созданию такой среды и условий, при которых успешно была бы разрешена задача настоящего подхода к театрально-декоративному творчеству. Для выполнения этой задачи подотдел считает необходимым создание театрально-декоративного института и основание при нем ряда опытных мастерских для практических работ и исполнения государственных театральных заказов. Как экстренную меру, театральный подотдел полагает организацию художественно-декоративных мастерских при Строгановском училище. Такова программа работ этого, только что создававшегося, подотдела.

За краткий период своего существования он успел разработать план собственной организации—и еще ничего не успел реализовать из намеченных им задач.

Кино-театральный подотдел создан в силу настойчивого требования современной жизни, в которой кинематограф приобретает все большее и большее

значение. Благодаря неизменно идущему вперед усовершенствованию технической стороны, кинематограф привлекает к себе внимание людей науки и искусства богатством возможностей, которые могли бы способствовать распространению среди широких масс идей культуры и искусства, при том в такой легкой, понятной для всех форме.

В задачи кино-театрального подотдела входит, таким образом, связь с кинематографическим отделом Комиссариата и с его опытной мастерской для создания нового типа художественных постановок; затем—совместная разработка с только что возникшим Кино-Комитетом 1) проекта государственной школы кинематографического искусства, 2) системы конкурсов для создания художественных плакатов, эскизов, сценарий и пр.

Кроме того, кино-театральный подотдел проектирует устроить анкету среди художников и кинематографических деятелей, чтобы на основании полученных мнений издать брошюры на темы: «Кинематограф, как искусство» и «Плакат».

Архитектурный подотдел (с завед. архитектором Желтовским), ставит своей задачей разработку целого ряда типов построек, соответствующих новому складу жизни, и намерен объявить демократический конкурс в надежде, что демократия, создавшая новый строй государственной жизни, сможет создать для нее также и обстановку, гармонирующую с теми грандиозными задачами, которые поставлены перед реформаторами общественно-классовых отношений.

С. Дымшиц-Толстая.

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ СКУЛЬПТУРЫ ВЪ РОССИИ.

Все упования русского художника на возрождение искусств в России, больше чем у художника какой-либо другой страны, связаны и возлагаются на революцию. Для него-только революция в силах сдвинуть искусство с мертвой точки эстетствующих групп и случайного меценатства, и заставит выйти на широкую и свободную дорогу живого народного творчества. Только революция может бросить искру и зажечь уже давно потухшее художественное пламя в народной душе.

Но революция сможет сделать это с наибольшей легкостью и с наивысшими достижениями, если лица, стоящие в центре государственного руководства художественной жизнью, поймут это и не остановятся перед самыми широкими, перед наиболее освобождающими и толкающими к художественному творчеству мерами; несомненно, что для возрождения искусства особенно важны эти первые веки, которые ставят люди, находящиеся на ответственных постах руководителей.

К чести всей общественной жизни Московской Художественной Коллегии надо

сказать, что она уловила эту скрытую доселе потребность в широком художественном творчестве, когда она разработала свой проект конкурса на сооружение пятидесяти памятников революционерам в общественной жизни и новаторам в области литературы, искусства и науки.

Мысль о постановке в Москве и других городах памятников людям, которые до революции были не в „милости“ у царского правительства, была брошена в Коллегию т. Лениным.

По замыслу Коллегии, памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах, площадях и т. д. с изречениями, высеченными на постаментах или антуражах, чтобы памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели свежие слова, будящие и волнующие мысль.

Вместе с тем, памятники эти должны, очевидно, удовлетворять и другим трем требованиям: во-первых, быть художественно выполненными; во-вторых, привлекать наивозможно более широкие круги скульпторов, чтобы не скрылось ни одно направление, и ни одна скульптурная сила не осталась бы не использованной, и, наконец, в третьих, что особенно важно, приобщить пролетарские и широкие народные массы к участию в художественном творчестве. Идея, которая заложена в основе конкурса, организованного Московской Художественной Коллегией, и одобренного Совнаркомом, удовлетворяет всем вышеозначенным требованиям и удачно разрешает задачу.

По условию конкурса, весь заказ передается Московскому Союзу Скульпторов-Художников, с тем, чтобы он, распределил полюбовно, между входящими в Союз скульпторами, все предположенные заказы на памятники. Проекты последних, по исполнению их сразу в натуральную величину, должны быть поставлены на выбранных местах: на бульварах, скверах, площадях и т. п., где памятники намечены к установке. После этого народ уже сам явится судьей их достоинств и недостатков.

Таким образом, первый почин сделан. Впервые художник-скульптор непосредственно войдет в общение с народной массой.

И скульпторы поняли все значение этого общения, ибо на призыв своего Союза к работе, к мобилизации скульптурных сил отозвались почти все скульптора г. Москвы, несмотря на то, что ограниченность времени (три месяца), невысокое вознаграждение (в смете проведен принцип трудовой оплаты), недостаток материала и технические трудности, неминуемые при осуществлении совершенно новой задачи, должны были бы многих отпугнуть.

Между тем приводимый ниже список участников конкурса включает, как уже известные и заслуженные имена, так и молодежь, впервые призываемую к общественной работе. На последнем заседании общего собрания скульпторов произошло следующее распределение работ:

1. Маркс и Энгельс поручены Мезенцеву.
2. Бланчи—Якулову.
3. Бебель—Падиорковскому.
4. Лассаль—Иткинд.
5. Жорес—Страж.
6. Спартак—Страховской.
7. Т. Грах—Божильцову.
8. Брут—Сергееву.
9. Бабеф—Богословской.
10. Дантон—Андрееву.
11. Марат—Имханицкому.
12. Робеспьер—Сандомирскому.
13. Гарибальди—Пилляти.
14. Стенька Разин—Коненкову.
15. Бакунин—Королеву.
16. Пестель—Хаджи-Дувай.
17. Рылеев—Мануиловой.
18. Герцен—Ястребцову.
19. Болотников—Кольцову.
20. Халтурин—Алешину.
21. Желябов—Синициной.
22. С. Перовская—Рахманову.
23. Каракозов—Близниченко.
24. Каляев—Лаврову.
25. Свеаборжцы—Захарову.
26. Плеханов—Голиневич-Шишкиной.
27. Р. Оуэн—Юрьевич.
28. Шевченко—Волухину.
29. Кольцов—Сырейчикову.
30. Радищев—Оленину.
31. Некрасов—Соколову.
32. Салтыков—Щедрин—Златовратскому.
33. Михайловский—Басенко.
34. Гл. Успенский—Курбатову.
35. Тютчев—Попенцеву.
36. Новиков—Мухиной.
37. Скворода—Крадиевской.
38. Байрон—Домогацкому.
39. Гейне—Мотовилову.
40. Руссо—Мануилову.
41. В. Гюго—Менделевич.
42. Вольтер—Кудинову.
43. Золя—Габовичу.
44. Ибсен—Бабичеву.
45. Рублев—Валагину.
46. А. Иванов—Щепанович.
47. Суриков—Бромискому.
48. Кипренский—Русецкой.
49. Врубель—Гюрджан.
50. Верхарн—Меркуров.
51. Козловский—Фомину.
52. Казаков—Поповой.
53. Сезан—Ленскому.
54. Менье—Сафопову.
55. Мусоргский—Рындзгонской.
56. Римск.-Корсаков—Радугиной.
57. Скрябин—Терпанову.
58. Бетховен—Смирнову.
59. Шопен—Брейер.
60. Мочалов—Жураковскому.
61. Комиссаржевская—Орановскому.

Таким образом, можно надеяться, что скоро трудящаяся Москва в первый раз увидит целый ряд монументов и в первый раз будет призвана к суждению об их художественных достоинствах.

Пожелаем и мы от себя, чтобы это дело, в основу которого положены доселе небывалая нигде начала, осуществилось бы наивозможно удачно.

От этого зависит, может быть, действительное возрождение скульптуры в России, как всенародного искусства.

Леонид Бадаров.

СЪЕЗД УЧЕНИКОВ-ХУДОЖНИКОВ.

Революция, отбросившая все застарелые, рутинные формы жизни, вызвала живой отклик и в кругах учебно-художественной жизни, в среде учащихса Изобразительным Искусствам. Только теперь почувствовали художники возможность получить полный ответ на все запросы своей школьной жизни; только теперь есть у них уверенность увидеть наконец свои чаяния, свои желания осуществленными, свои наблевшие вопросы — разрешенными.

Постановка художественной школы была настолько неудовлетворительна, чтобы не сказать хуже, что почти не было культурного художника, не возмущавшагося ею. Сколько мы знаем случаев, когда приглашенные в школу руководителями художники, покидали стены ее почти тотчас же, как только знакомились с ее строем и постановкой. И не меньше мы знаем случаев, как талантливые, выдающиеся художники были сплошь и рядом выгоняемы из стен школы до ее окончания, исключительно потому, что художник не хотел закапывать в землю своей творческой индивидуальности и не подчинялся драконовским условиям строя школы.

О том, какова была постановка художественного воспитания в школе (и особенно в «Высшей» школе — Академии и Московском училище Живописи, Ваяния и Зодчества), — не хотелось бы очень распространяться: уж очень безрадостной является эта тема. Но все же несколько слов сказать необходимо. Преподаватели школы не только не давали развиваться творческой способности, но наоборот — сколько возможно задавливали ее, и поощряли серую, казенную, шаблонность. Стоит, или вернее, стоило (ибо хочется думать, что это в невозвратном прошлом) взглянуть на отчетные выставки школ, на произведения получивших «первые степени», «золотые и серебряные медали» и «заграничные поездки» — молодых художников, чтобы потерять всякое желание поступать в школу, изучать искусство. Именно это последнее — изучение искусства и было в таком загоне, что ученик знал больше об искусстве до училища, чем по окончании его. Такого убожества техники, такого отсутствия культуры, любви к своему искусству, — не могло быть у человека не испытавшего еще всех прелестей натуралистического убожества руководителей школы; все, что имел юноша, — он медленно, но верно терял по мере пребывания его в школе, если только не обладал силой воли, способной противостоять насилию руководителя.

Эти условия школьной жизни художника и побудили учащихся теперь же объединяться и в корне реформировать постановку художественно-учебной жизни.

В апреле этого года в Петрограде—местным советом учебно-художественных организаций—была созвана междугородная (Петроград—Москва) Конференция учащихся изобразительным искусствам. К сожалению, общее положение о Конференции и подготовка учащихся масс к ней были разработаны так слабо, что это повело к ряду бурных недоразумений между участниками Конференции, и заставило довольно значительную группу учащихся, во главе с представителями упраздненной Академии—разорвать сношения с представителями Москвы и Петроградского Совета Уч.-Худож. организаций.

Таким образом, правое крыло Конференции работать не пожелало и таковая состояла только из революционно настроенных представителей Москвы и Петрограда. Это послужило только к объединению последних, и весьма продуктивной и лишенной бесполезных споров работе Конференции.

Конференция выработала ряд основных положений учебно-художественной жизни, так, например, «Положения о Государственных Свободных Художественных Мастерских», «Положения о Советах—местных и Центральном» и т. п.; наметила ряд вопросов для разработки их будущим Всероссийским Съездом Учащихся и выделила из своей среды Организационный Комитет по созыву Съезда учащихся изобраз. искусствам (в Москве).

Задачей Съезда является—во первых, продолжение работ, намеченных Конференцией; во-вторых, рассмотрение нужд не только учащихся столичных организаций, но и провинциальных, и, наконец, создание Центрального Совета учащихся учебно-художественных организаций всей России.

Организационный комитет по созыву Съезда наметил таковой на середину октября этого года, когда учащиеся все уже

с'едутся, когда работа их войдет уже в колею и когда возможна будет продуктивная подготовка масс учащихся к задачам Съезда.

Среди тем намеченных Организационным Комитетом для работ Съезда—между прочим, поставлены: «Инструкция выборов руководителей в Государственные Свободные Мастерские», «Положение о децентрализации искусства», «Примерный Наказ о выборах членов в Центральный и местные Советы и их обязанностях» и другие.

Необходимость и неотложность Съезда ясна, ибо его требует жизнь и те нужды учащихся, которые давно уже назрели и требуют их разрешения. Поэтому работа Первого Всероссийского Съезда будет настолько ответственной и новой, что необходимо сейчас же агитировать и разъяснять массам учащихся всю важность Съезда дабы выборы в него были достаточно строго продуманы и выполнены.

К сожалению летнее время, когда учащиеся разъезжаются из художественных центров и школ—приостанавливает работу Организационного Комитета и не дает развернуть таковую в широком масштабе. Неурядицы во внутренней жизни страны, разстройство путей сообщения, почты, телеграфа и т. п.—очевидно помешают и в будущем работе Организационного Комитета, главным образом в провинции. Желательна поэтому широкая помощь—самых учащихся и сочувствующих Съезду, его целям и задачам.—не только агитационная, но и информационная. Желательна связь всех учебно-художественных, организаций и отдельных представителей их с Организационным Комитетом. Всякая помощь для возможно лучшего проведения в жизнь Съезда будет принята с благодарностью.

Всю корреспонденцию (справки, заявления и т. п.) следует направлять в Организационный Комитет по адресу: Москва, Б. Дмитровка, д. 12, кв. 8. Организационному Комитету по созыву Съезда Учащихся Изобр. Искусств.

Г. Щетинин

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Октябрьская революция поставила в России у власти коммунистическую партию.

Коммунисты перестали бы быть таковыми, если бы оказавшись у власти, они не поставили бы себе задачей перестройку государственного хозяйства на социалистический лад. Учитывая производительные силы России, они, конечно, понимали, что социализм легче насаждать в более экономически подготовленных капитализмом и новому строю странах, но революции разыгрываются не по нотам, и если рабочий класс захватывает власть, то он не может отказываться и от следующего шага — перестройки экономических отношений в стране. Трудность задачи еще не исключает возможности ее решения.

Но не только теории, не только программа, но и сама практика русской жизни толкала коммунистическую партию в этом направлении. Октябрьская революция застала хозяйство России в состоянии расстройств, близком к катастрофе. Расстройство это было обусловлено отсутствием плана в ведении хозяйства в царско-дворянско-буржуазное время, вылившего и развито войной, доведено почти до последней черты временным правительством, и должно было еще углубиться во время гражданской войны, разлаживавшейся по стране.

Если Германия принуждена в своей хозяйственной деятельности во время войны прибегать к таким приемам ее ведения, что мелкая немецкая буржуазия утрачивает власть в «большевизме сверху», если Англия в последнее время ставит вопросы о муниципальном домостроительстве, о национализации внешней торговли, — то что же нужно делать власти в России, чтобы спасти русского рабочего, русского крестьянина от цепких объятий фабриканта, купца, спекулянта, которые и раньше вели свои дела лишь с одной целью — выжать возможно больше питательных соков из массового потребителя, во время же войны приобрели к

этому роду отечественной деятельности особый вкус?

Рабоче-крестьянская власть иначе и не могла подойти к хозяйству страны, как с определенным желанием взять его на учет, направить его в русло наиболее планомерной производительности, установить правильное распределение тех продуктов и фабрикатов, которые в наличии имеются, и тех, которые будут производиться.

Для проведения в жизнь этой грандиозной программы, в условиях внешних весьма тяжелых, нужно было создать соответствующие органы. Советы Р. С. и К. Д. взять на себя этой работы не могли: они были заняты политической работой: кроме того, осуществление экономической программы рабочего класса, по своей сложности, требовало создания специальных органов.

В силу этих соображений Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, 1 декабря 1917 г., постановил учредить при Совете Народных Комиссаров Высший Совет Народного Хозяйства, поставив ему задачей **организацию народного хозяйства и государственных финансов.**

В. С. Н. Х., являясь главным экономическим органом государства, должен регулировать всю хозяйственную жизнь страны, направлять и объединять деятельность народных комиссариатов (торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, финансов и путей сообщения), центральных регулирующих отдельные отрасли хозяйства учреждений (совещания по топливу, по металлу, по транспорту, центральный продовольственный комитет и др.), Всероссийского Совета Рабочего Контроля, также фабрично-заводских и профессиональных организаций.

Соответственно с обязанностями, очень большими, В. С. Н. Х. были предоставлены и широкие полномочия: права конфискации, реквизиции, реквизиции, принудительного объединения различных отраслей промышленности и торговли и др. мероприятий в области

производства, распределения и государственных финансов.

Состав В. С. Н. Х. положением об его образовании был определен следующий: а) Всероссийский Совет Рабочего Контроля *); б) представители всех народных комиссариатов; в) сведущие лица, приглашенные с совещательным голосом.

Положение предусматривало, что В. С. Н. Хозяйства разбивается на отделы и секции по отдельным отраслям хозяйства, что отделы В. С. Н. Х. ведут работу по регулированию отдельных отраслей народно-хозяйственной жизни, а также готовят мероприятия отдельных народных комиссариатов.

Из состава В. С. Н. Х. выделяется бюро в 15 человек для объединения деятельности отделов и секций и для разрешения срочных вопросов.

Законопроекты и крупные мероприятия В. С. Н. Х. должен, по положению, вносить в Совет Народных Комиссаров.

Таково по своей конструкции и компетенции учреждение, равного которому по грандиозности не найти в мире, учреждение, являющееся ответственным центром всей народно-хозяйственной жизни огромной страны, учреждение, которому было поставлено задач, в неизмеримо трудных условиях внешней и внутренней войны, перестроить на социалистических основах опромяное, запущенное, расстроенное хозяйство России.

Что же за работы необходимо произвести В. С. Н. Х. для разрешения поставленной ему задачи?

Прежде всего учесть то количество сырья, которое имеется в России, определить количество готовых изделий, хранящихся в государственных, общественных и частных руках; затем выяснить возможную в ближайшем времени добычу хлеба, металлов, топлива и др. продуктов; направить деятельность фабрик и заводов так, чтобы они могли дать возможно большее количество изделий; в

тратных, наладить средства транспорта так, чтобы было возможно передвижение продуктов и фабрикатов из одних концов России в другие; наконец, распределить добытые продукты и изготовленные фабрикаты между различными областями России так, чтобы они более или менее равномерно были обеспечены всем необходимым для жизни.

Естественно, что для того, чтобы такую работу произвести, В. С. Н. Х. нужно было ее прежде всего разбить по отраслям, затем создать в пределах каждой отрасли регулирующие центры, а третьих, иметь на местах подсобные органы.

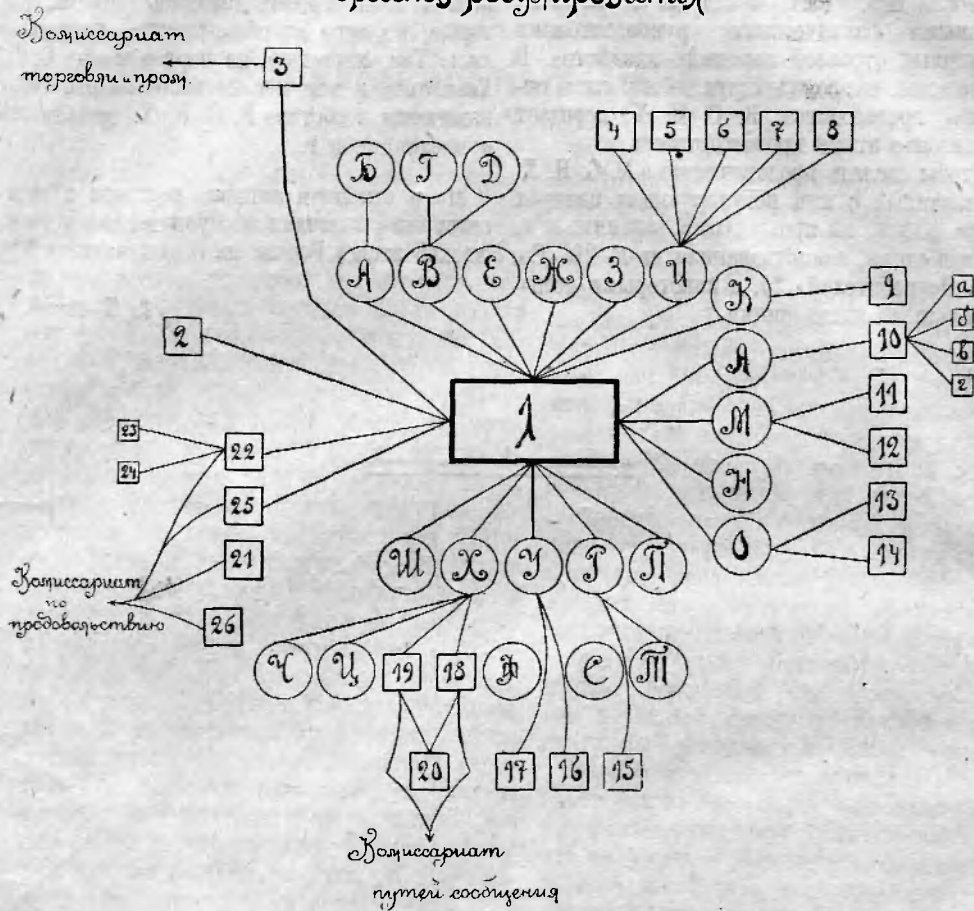
Так и складывалось развитие В. С. Н. Х. Одним из первых его шагов было принятие положений о районных областных и местных Советах Народного Хозяйства, задачи которых определялись, как организация и регулирование всей экономической жизни каждого промышленного района, в соответствии с общегосударственными и местными интересами. Состав местных С. Н. Х. таков: представители производственных профессиональных союзов, представители С. Р., С. и Д. рабочих и демократических кооперативов, представители технического административного и коммерческого управления предприятий (не больше одной трети состава С. Н. Х.). Местные С. Н. Х. работают под руководством В. С. Н. Х.

Сейчас же по образованию, В. С. Н. Х. стал делиться на отделы и подотделы: сельского хозяйства, торговли, металлообрабатывающей промышленности и др. Отделы организуются так: президиум В. С. Н. Х. ставит во главе отдела избранную им коллегию, которой и поручается ведение текущей работы, при чем более или менее крупные мероприятия отдела требуют утверждения их президиумом. Производственные отделы организуются иначе: их коллеги образуются из представителей всероссийского объединения профессиональных союзов соответствующей области производства и представителей президиума В. С. Н. Х.; заведующий отделом, руководитель текущей работы, избирается президиумом.

Наряду с образованием отделов в составе В. С. Н. Х., образовались, в связи с отделами, наружные регулирующие центры различных отраслей промышленности: Главный Сахарный Комитет, Главный Нефтяной Комитет и др., задачи которых заключаются в распределении сырья, топлива, заказов и готовых изделий в каждой из отраслей промыш-

*) Во Всероссийский Совет Рабочего контроля, в момент организации В. С. Н. Х., входили представители от: Всеросс. Центр. Исполн. Комит. Советов Раб. и Солд. Деп.—5; Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Крест. Деп.—3; Всеросс. Совета Професс. Союзов — 5; Всеросс. Центра Рабочей Кооперации—2; Всеросс. Бюро Фабр.-Зав. Комитетов — 5; Всеросс. Союз Инжен. и техников — 5; Всеросс. Союз. Агрономов—2; от каждого Всеросс. Союза рабочих, имеющего менее 100.000 членов — 1; от имеющих свыше 100.000 — 2; Петроградского Совета Професс. Союзов — 2.

СХЕМА органов регулирования

Отделы управления Высшего Совета Народного Хозяйства.

- А. Отделы хозяйственной политики.
- Б. Комиссия смет.
- В. Отдел организации производства.
- Г. " государственных сооружений.
- Д. Технический комитет.
- Е. Отдел снабжения и нормировки.
- Ж. " контроля.
- З. " статистики.
- И. " химический.
- К. " животных продуктов.
- Л. " возобновляемых веществ.
- М. " пищевых и вкусовых веществ.
- Н. " минеральных веществ.
- О. " лесохозяйственный.
- П. " полиграфического производства.
- Р. " по металлу.
- С. Подотдел металлообрабатывающий.
- Т. " горнозаводский.

- У. Отдел топлива.
- Ф. " дровяной.
- Х. " транспортный.
- Ц. Подотдел автомобилей (автоцентр).
- Ч. " шоссейный.
- Ш. Отдел сельского хозяйства.

Внешние регулирующие центры.

1. Высший Совет Народного Хозяйства.
2. Комиссия по кооперации при В. С. Н. Х.
3. Совет внешней торговли
4. Главтабак.
5. Центромыло.
6. Центроспичка.
7. Главрезина.
8. Центротук.
9. Главкожа.
10. Центротекстиль.
 - а) Центроткань.
 - б) Центрохлопок.

- в) Суковный комитет.
- г) Комитет по льняной и джутовой промышленности.

11. Главсахар.
12. Центрочай.
13. Главбумага.
14. Главлес.
15. Секция благородных металлов.
16. Главный нефтяной комитет.
17. Торфяной комитет.
18. Центральный комитет по железнодорожным перевозкам.
19. Главвод.
20. Комиссия по смешанным ж. д. и водным перевозкам.
21. Совет снабжения.
22. Московский областной продовольственный комитет.
23. Московский городской продовольственный комитет
24. Вохназ.
25. Северная продовольствен. управа.
26. Кооперативная комиссия при комиссарияте продовольствия.

ленности. В состав этих комитетов входят представители профес. союза данного производства, представители В. С. Н. Х., соответствующих комиссариатов, научно-технических сил. Эти комитеты и являются главными фактическими руководителями различных отраслей народного хозяйства. В их ведение, национализируя те или иные отрасли производства, В. С. Н. Х. передает управление этими производствами.

Чтобы сделать представление о В. С. Н. Х. и связанных с ним регулирующих центрах более ясным, на предыдущей странице и введена схема, заимствованная из № 20 «Союза Потребителей» *), с некоторыми незначительными изменениями.

Так в главных чертах после октябрьского переворота наметился аппарат управления хозяйственной жизнью России. Строился он наспех, так как жизнь не ждала. В подробностях этой стройки делались ошибки, которые, по мере их обнаружения, исправлялись. Так, например, на первом съезде С. Н. Хозяйства в мае месяце были разработаны изменения в составе В. С. Н. Х., детали его компетенции и т. п.

Но в основном аппарат построен в соответствии с задачами переустройства экономической жизни России на новых началах **).

А. Т—ский.

*) Составлена Экономическим Бюро Центросоюза.

***) В ближайшем Номере «Вестника Жизни» мы дадим обзор деятельности В. С. Н. Х. Из этого обзора станет еще яснее значение этого учреждения, важность возложенных на него задач.

Революционные трибуналы.

I.

Одним из наиболее распространенных софизмов буржуазной науки является утверждение о какой-то особой природе суда, как института, который призван осуществлять некую особую «справедливость», как моральную сверх-классовую ценность, независимую в своем существовании от классового строения общества, классовых интересов борющихся групп и классовой идеологии господствующих классов. Для буржуазной науки, которая вся, впрочем, сплошь пропитана подобными софизмами, представляется поэтому совершенно несомненным, что не только существование подобных «ценностей», но и возможность их осуществлять и претворять в действительность помощью тех органов, которые порождены буржуазным обществом, им созданы, с ним тесно связаны. Исходя из подобной предпосылки, буржуазная наука создала целый ряд подобных понятий—«фетишей», покушение на которые со стороны марксистской критики представляется для нее всегда тягчайшим преступлением, близким к хулению Святого Духа. «Справедливость да царствует в судах»,—едва ли можно придумать горшую насмешку над действительностью, чем та, которая выражена так превратно в приведенной фразе. Параллельно можно привести еще целый ряд подобных же софизмов. Суд есть отражение «права», подобно «господству», преследует высшие задачи обеспечения гармонического развития «личности». Подобных же пустых и жалких слов можно было бы привести слишком много из толстых книг, написанных воротилами буржуазной мысли, ради простой и всем понятной цели,—оправдать существование буржуазного государства со всеми его прелестями, и обмануть рабочие и крестьянские массы «учеными» словами, отвратив этим их внимание от горькой и неприглядной действительности капиталистического строя.

Буржуазное «право», буржуазная «справедливость», интересы «гармонического

развития» буржуазной «личности»... В переводе на простой язык жизненных фактов это означало, прежде всего, охрану частной собственности, ибо много права не знает буржуазный суд в десяти десятых своих гражданских дел и девяти десятых уголовных. Буржуазная «справедливость»—не что иное, как безобидный, с точки зрения буржуазных законов, дележ либо прибылей, либо средств и способов извлечения прибылей. Обеспечение развития личности в буржуазном строе, есть не что иное, как обеспечение беспрепятственной возможности эксплуатации себе подобных, будь то капиталистическая эксплуатация на фабрике, будь то эксплуатация помещиком батрака или эксплуатация мелким ремесленником подмастерья, крупным банкиром—собственника мелких сбережений, или просто эксплуатация домашней прислуги нежной барыней, окруженной сотнями приживалок и мосек.

Софизм и ложь, что буржуазный строй знает какую-либо иную справедливость и какое-либо иное право, как софизм и ложь, что он знает и обеспечение развития и интересов какой-либо иной личности, кроме личности капиталиста. Убийца, вор, грабитель, взломщик и простой карманник,—все они, представши перед уголовным судом, несли кару за одну вину,— за покушение на право собственности. Убийца, совершивший преступление не из корыстных мотивов,—из ревности, из ненависти, злобы, соперничества,—нес кару в конечном счете за ту же вину, поскольку буржуазный строй все переделал на право собственности: имущество и таланты, душу и тело, женщин и детей, поскольку все он поставил под ярлык и всюду начертал: «Мое—твое», и нарушение этих границ объявил нарушением вечных начал «права».

Систематически, изо дня в день вся система капиталистического порядка была построена на убийстве личности рабочего, стоящего за станком, на насильственном умерщвлении в ней всех задатков индивидуального развития, на превращении ее в

машину. При всех правах и гарантиях, какие способны дать буржуазное государство, личность духовная и личность физическая рабочего в капиталистическом строе была осуждена на удушье, на вымирание, на внутреннее изнеможение, на смерть.

Говорить после этого, что буржуазный суд осуществляет надклассовую справедливость и надклассовое право, могли только сознательные негодяи или непроходимые ослы. А между тем вся буржуазная наука о суде построена на этой лжи, сознательном обмане, негодяйстве или тупоумии ее творцов.

Буржуазное право, буржуазную справедливость, права буржуазной личности осуществлял буржуазный суд, и за преступления против буржуазного порядка он карал под рубрикой, так называемых, «политических» или государственных преступлений. Неумолимым логическим выводом отсюда вытекало то, что с разрушением буржуазного порядка приходится конец и буржуазному суду, и буржуазной справедливости, и буржуазному праву.

При социалистическом порядке, когда падает буржуазное право собственности, — падает на девять десятых деятельность буржуазного суда и всех охраняющих буржуазное право законов. С развитием же новых социалистических правоотношений, падают и все порожденные буржуазным строем понятия о правах личности и порожденные буржуазным порядком преступления против этих прав, даже тогда, когда на первый взгляд в этих преступлениях как бы отсутствуют грубо корыстные, денежные, материальные мотивы.

Но установление такого нового правового сознания и правового порядка, есть дело будущего, дело того времени, когда, по словам Маркса, человечество, переживши эпоху гражданских войн, переживает «**изменение обстоятельств и людей**», создаст, выжует новую психологию, новый уровень психического сознания масс, и тем самым убьет в зародыше все те психологические эмоции, которое порождают подобные преступления, как пережитки старого порядка, старого правового сознания и старых правоотношений.

И вот почему марксисты с полным основанием всегда насмехались над буржуазными измышлениями о «вечной природе» права, и в ответ на вопли буржуазных тупоумцев о нарушении ими, социалистами, в период революции начал «права», говорили: **«В период борьбы за власть нового класса**

со старым, когда старый строй рушится, с треском, под своими обломками он потребует и старое право. Новый класс, устанавливая свою власть и свой порядок, разрушает все старые нормы и творит новое право, которое не могут, не умеют, если даже и хотели бы, осуществить носители и идеологи прежних «прав». Новое право и новое правосознание могут творить лишь представители нового класса, поэтому и старый суд точно также осужден на слом. Но в борьбе со старым порядком, пока идет эта борьба, новый класс вынужден, силою вещей, не только разрушать старый порядок, но и уничтожать своих врагов. Орудием этой борьбы он создает свой новый суд, революционный суд над врагами, как орудие своей классовой борьбы, а вовсе не как осуществление и претворение в жизнь «вечных начал права».

Исходя из этих предпосылок, под лозунгами такой борьбы и протекала вся деятельность представителей Советской власти с момента октябрьской революции, поскольку дело касалось старого суда и установления новых норм, как пролетарского права, так и новых форм пролетарского суда.

Они были правы в своей разрушительной деятельности, кроме того, еще и потому, что деятели старого суда сплошь предпочли уклониться от созидательной работы. То новое, что принесла с собой власть пролетариата в этой области, было им чуждо, было непонятно. Нового права они не понимали, не могли понять, и с момента разрушения старого суда отошли в сторону. Деятели нового суда жалеть об этом, конечно, не приходится.

Специфическим органом такой классовой борьбы пролетариата и являются, наряду с общими судами, **«Революционный Трибунал»**.

II.

Написанные выше строчки представляют, конечно, невыносимую ересь для уха буржуазного юриста и буржуазного теоретика права.

И сожалению, однако, не только для буржуазных теоретиков. Сказать, что суд есть орудие борьбы — этого их ухо вынести не может. Наши левые эсеры в этом отношении обладали не менее нежными ушами, чем буржуазные апологеты «неклассового» суда.

Это сказано, как мы увидим и на организации трибуналов.

Разница была, быть может, только та, что уши левых эсеров были немного длиннее ушей буржуазных ученых. Суд есть оружие борьбы. Помилуйте, да ведь это все равно, что сказать, что суд есть оружие расправы. А между тем суд и расправа — понятия, исключение друг друга.

Бедные обладатели длинных и нежных ушей!

Когда действовали военно-полевые суды, они возмущались расправой, которую творил царский строй над революционерами, когда судебные палаты, подгасовывая в лице сословных представителей голос присяжных, закатывали их в каторгу и ссылку — они протестовали. Да, — говорят они, — мы протестовали тогда против расправы, чинившейся над нами со стороны царского строя. Что же вы, социалисты? — кричат нам эсеры, вкупе с буржуазными учеными, — хотите жить в этом отношении по стопам царизма, когда učinяете вместо суда также расправу над своими противниками?..

Наивные люди!..

Как будто бы буржуазный суд со всеми гарантиями для подсудимого, суд над бедняком, укравшим булку, не был такой же расправой капиталистического порядка над нарушителем принципа частной собственности, как расправой был суд военно-полевой или суд судебной палаты над рабочим, хранившим у себя книгу революционных прокламаций? Какая разница была между тем и другим судом? Когда окружный суд с присяжными осуждал в каторгу громилу, убийцу, вломщика, какая разница была между этим актом расправы «добропорядочных» людей над выбитым из колеи человеком — и между таким же актом расправы судебной палаты над революционером или военно-полевого суда над экспроприатором? И там и там имеет место акт самообороны определенного государственного и общественного порядка против нарушителей этого порядка. И если нашим ушам трудно слышать горькую правду, то только потому, что вы сами средни тем самым «добропорядочным» людьми, которые закатывают убийцу, и вы сами также со спокойной совестью бы его закатали — и, наоборот, вы возмущены расправой судебной палаты потому, что вы средни тем, кого, в данном случае, закатала эта палата в каторжные работы.

Каждый общественный строй и каждый класс, создавая свой порядок, творит в сво-

их судах, как органах борьбы, свое классовое право, и разницы в этом отношении между судом и расправой, по существу производимого акта борьбы, нет никакой. Разница есть но не в том, по поводу чего кричат обладатели ушей.

Разница только в формах, в которых осуществляется расправа. Можно расправиться с врагом прямо, удушив его или прижав поземить, и можно расправиться, пригласив во внимание все обстоятельства дела и степень его личной вины; можно расправиться, наконец, давши возможность ему представить все доказательства в свое оправдание в виде правильно проведенного следствия, проверки его на судебном разбирательстве, путем судебного следствия, допустить особую защиту и обвинение, в составительном процессе, допустив гласность судебного разбирательства и выборности коллегия, постановляющей приговор.

Та или другая сумма судебных гарантий, обеспечивающая наибольшую степень доказанности виновности — вот что действительно отличает суд от расправы, а отнюдь не самый акт суда. Материальное существо предъявленного обвинения не играет роли, и потому революционный суд, представляя ряд гарантий подсудимым в смысле обеспечения от ошибочного приговора, ничем по существу не погрешает против своих задач, как органа борьбы.

Само понятие «суда» в этом отношении, как особого органа, стоящего над задачами политической и вообще классовой, поскольку политическая борьба есть только наиболее отчетливая форма борьбы классов, является сплошным софизмом и сознательным извращением перед «малыми силами» его исторического существа. Был и есть только один суд, как определенно обставленный известной формой — орган классовой борьбы господствующего класса над своими врагами, и больше ничего, как существует только классовое право, классовая справедливость. Исчезнет же такое право и такая справедливость только тогда, когда исчезнут сами классы, исчезнет порождаемая ими классовая борьба, с полным установлением социалистического строя. Пока же приходится за него еще бороться, рабочий класс, не смущаясь, не только может, а и должен создавать свои органы классовой борьбы на основе норм своего классового понимания справедливости. Все же остальное — только пустая болтовня, либо заведомая ложь и лживость буржуазных негодяев.

Оставляя в стороне вопрос об общих судах, мы приступим к изложению тех основ, на которых построены Советской властью ее органы политической борьбы в форме так называемых революционных трибуналов, как органов ее политической расправы со всеми теми, кто злоумышляет против новой власти нового класса — победившего с октября 1917 года пролетариата и идущих за ним беднейших крестьян, — их недостатков, достоинств и необходимых реформ.

III.

Революционные трибуналы учреждены тем же декретом от 24 ноября 1917 года, которыми учреждены новые суды первой инстанции, так называемые местные народные суды. В отличие от этих судов, равно как от учрежденных декретом о суде № 2 Народных Окружных судов, трибуналы отличаются, во-первых, особою ограничекою подсудностью, во-вторых, своим составом и в третьих, неограниченностью, в противоположность местным судам, своих полномочий.

Прежде всего для уразумения сущности трибуналов приходится обратить внимание на подсудность. Она определена была впервые ст. 8 декрета № 1, которым учреждались сами трибуналы. Трибуналы учреждались, согласно точному смыслу этой статьи, для ограждения интересов революции и ее завоеваний против всяких контр-революционных сил и контр-революционных выступлений, для борьбы с саботажем, мародерством, спекуляцией и прочими преступлениями и злоупотреблениями чиновников, промышленников и торговцев. Исключительный характер преступлений, подсудных трибуналом, определял и их особый состав. Они состояли из председателя и 6 заседателей, избираемых местными Советами и ими отзываемых; тот же характер преступлений определял затем сферу полномочий. Трибуналы устанавливали приговоры, руководствуясь исключительно велениями революционной совести и обстоятельствами дела.

Вот все, что говорил декрет. Гораздо полнее определяла подсудность, состав и полномочия особая инструкция, изданная Народным Комиссаром Штейнбергом от 19 дек. 1917 г. Обращаясь к первому пункту, она устанавливала следующие категории подсудных дел: 1) контр-революционные выступления; 2) саботаж; 3) спекуляция, как в форме спекулятивной скупки и перепрода-

жи, так и в форме злостной скупки сокрытая или уничтожения продуктов, с целью вызвать вздорожание; 4) нарушение декретов и распоряжений, по которым в качестве санкции указано предание суду трибунала; 5) преступления по должности, и 6) преступления печати.

Последние первоначально были подсудны особым Трибуналам печати, впоследствии уничтоженным, и переданы общим трибуналам. Точным перечислением тех, которые были вправе налагать Трибуналы, были ограничены в противоположность декрету № 1 полномочия трибуналов. Кары колебались от порицания и денежного штрафа — до объявления виновного врагом народа и лишения свободы с принудительными работами без указания срока. Особо был определен порядок выбора заседателей. Последние избирались на очередную сессию в числе 6 из 40 избираемых на один месяц. Президентом трибунала избирался местным советом в числе трех, но председательствовал один. Установлена, наконец, была организация следственного дела при трибуналах, определен, хотя в высшей степени кратко, порядок судопроизводства и наметен, но не определен точно, порядок кассации приговоров.

Следующими по времени актами о трибуналах приходится считать декрет от 4 мая 1918 года, изданный уже при Народном Комиссаре Стучке.

Декрет вводил два крупнейших видоизменения. Во-первых, он устанавливал местную подсудность, упразднив все местные уездные и волостные трибуналы и сохранив их только в губернских городах, промышленных центрах и железнодорожных узлах; во-вторых, он видоизменил и предметную подсудность. Он добавил к ней дела о погромах, взыскании и неправомерном использовании советских документов (подлог), хулиганстве и шпионаже и новым категорическим запрещением изъял все дела общего характера. Декрет ввел, наконец, в качестве нового органа при трибуналах, коллегия обвинителей с правами контроля следственного производства и установил законом некоторые из процессуальных норм до сих пор устанавливавшиеся, как нормы практики.

Отдельно следует поставить затем декрет об учреждении, так называемого, Верховного Революционного Трибунала при Ц. И. К. Новое, что вносил этот декрет, это было, во-первых: особая подсуд-

ность в смысле порядка изъятия из общей подсудности. Таким образом подсудность Верховному Трибуналу была не нормальная, а исключительная. Поскольку же сам Трибунал был исключительным судом, установление исключительной подсудности Верховного трибунала было изъятием из изъятия, или исключительной подсудностью в квадрате. Соответственно с этим устанавливался особый порядок изъятия. Передавать Верховному Трибуналу могли только три высших учреждения Республики: Совет Народных Комиссаров, Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Народный Комиссар Юстиции. На практике же подсудность определял всегда только Президиум Ц. И. К. Вторым изъятием из общего порядка было строение Верховного Трибунала. Его члены избирались из состава членов самого Ц. И. К. и являлись постоянными, а не переменным составом, как в Трибуналах. Этим их состав запрещался гораздо прочнее. Наконец, третьим изъятием были особые полномочия предоставленные Центральной Обвинительной коллегии Верховного Трибунала в смысле руководства и объединения всех обвинительных коллегий Трибуналов Республики.

Четвертым законодательным актом является принятый 11 июня 1918 года декрет о Кассационном отделе при Ц. И. К., устанавливавший единообразный порядок кассации. Декретом Кассационному отделу представлялись, однако, и иные права. Он получил право входить с представлениями в Ц. И. К. о смягчении и увеличении наказания, либо полной отмене приговора, в случае признания наличия осуждения явно невиновного.

Последнее право базировало на тех особых задачах, которые лежали на Трибуналах. При том широком размахе, который представлялся Трибуналам в определении наказания, более чем необходимо было иметь в руках средство объединить карательный аппарат и сузить индивидуальные колебания маятника революционной Фемиды. С другой стороны интересы революции требовали направляющей руки в смысле ограждения прав ее от слишком мягких подчас приговоров. Последнее достигалось введением пункта 8 в декрет о Кассационном отделе.

Менее принципиальное значение имел декрет от 20 июля, о суде № 3, сильно су-

зивший компетенцию Трибуналов, изъав из их подсудности все дела о взяточничестве и дела о спекуляции и передав их общим судам. Совершенно незначительным следует признать декрет «о набатном звоне», карававший злоупотребление звоном с копир-революционными целями, и сепаратный приказ Военного Комиссариата, передававший суду Трибунала преступления красноармейцев, выходящие за пределы подсудности товарищеских судов, равно как таковой же приказ о Чрезвычайном Трибунале на ж. дорогах.

Этим пока исчерпывалось законодательство Советской Власти о Трибуналах. Ее законодательное творчество в плоскости общих судов мы оставляем в стороне. Что же говорят нам все эти акты?

Если вспомнить все то, что мы писали в первой части нашей заметки о природе всяких судов вообще, то следует прежде всего признать, что Трибуналы должны были по мысли законодателей явиться особыми **исключительными** судами, для специальных категорий преступлений, связанными с исключительным характером переживаемой эпохи. Это суды для преступлений эпохи, другими словами, фактически, временные суды. Это суды политические, по своему существу против квалифицированных преступлений, вызываемых особыми условиями переживаемого периода диктатуры революционного класса, — органы самообороны революции против всех тех, кто колеблет прямо и непосредственно существующий строй. Отсюда вытекала их исключительная суровая репрессия и амплитуда их карательных прав. Для теоретиков буржуазного права поэтому один голый факт их существования являлся нарушением принципа равенства всех перед судом, и единства суда вообще. Наши противники поэтому с первых же моментов учреждения Трибуналов подняли вопль о том, что социалистическая Советская власть с первых же шагов своего судебного творчества отступает от принципов, считающихся основой всякого демократического правового строя, ибо возвращает к учинению старых судебных палат для особых политических преступлений, только перевернув де наизуворот их строения. Если раньше, говорят наши противники, существовали судебные палаты, где заседали подчасовывавшие голос присяжных сословные представители, то теперь Советская власть учиняет свои такие же палаты с своими представителями, избираемыми и

особом порядке для особых преступлений. Наши пропавшие в этих своих доводах до известной степени правы. Совершенно верно, что Трибуналы есть особые политические суды. Но мы уже указали на основной дефект всех рассуждений буржуазной науки на этот счет. Если всякий суд есть орган борьбы данного класса против своих врагов, то Советская власть совершенно последовательно и без малейших колебаний имела право и обязанность, отбросив в сторону всякую ложную софистику заявить: да, так как нас сейчас со всех сторон окружают враги, то мы—орган рабоче-крестьянской власти—устанавливаем для борьбы с врагами, непосредственно направляющими на нас удары, особые органы этой борьбы и спросим не попрекаться, если так же последовательно и открыто, по отношению к этим врагам устанавливаем также органы, которые, представляя им ряд гарантий в смысле обеспечения в наибольшей степени от судебных ошибок, виновных и тех, чьи преступления против строя рабоче-крестьянской власти доказаны, будут карать нещадно. Но наши противники, однако, и тут не смогли не згаль.

Ничего подтасованного в Трибуналах нет. Приговор выносится на основании революционной совести и изучения обстоятельств дела, после гласного разбирательства, по решению выборных рабочих и крестьян. Судьи из состава суда, даже в Верховном Трибунале, не являются назначенными судьями, они также выбираются из членов Высшего или местного Законодательного учреждения республики. Те, кто призваны издавать законы, те же судят и за нарушения законов. Принцип разделения властей судебной, административной и законодательной—такая же ложь, как и половина вообще «принципов» буржуазного права. Он создан еще Монвескье в тот момент, когда в старой помещичьей монархии судья, и администратор, и законодатель было одно и то же лицо. Ничего подобного в наших Трибуналах нет, так как нет вообще нигде в строе Советских учреждений единоличного решения. Коллективный состав всех Советских учреждений, иной персонально состав лиц, занятых непосредственной законодательной и подготовительной работой, и лиц судебных коллегий, выборность всех до одного лиц, как членов Ц. И. К., так и местных Советов и лиц занимающих высшие административные посты, исключает прежнюю админи-

стративную зависимость чиновничества и возможность личного произвола и усмотрения в каждом отдельном случае, не только судебного, а и всякого, даже административного, распоряжения. Только люди совершенно далекие от понимания всего духа советских учреждений, могут поэтому к нашим учреждениям применять старые меры и теории разделения властей и принципы строения буржуазного, государства. Выборность всех ответственных должностей, коллегиальность всех принципиальных решений и, главное, возможность отзыва в любой момент любого административного лица, вместе с отсутствием административной гарантии для чиновников—все вместе создает полную гарантию от личного произвола, что же касается произвола **коллективиста**, то боязнь такового есть такая же буржуазная ложь, и больше ничего. Любой законодательный акт, есть акт произвольного творчества данного коллектива, призванного осуществлять законодательные функции, любой приговор есть такой же произвольный акт, поскольку он представляет собою свободное умозаключение от обстоятельств дела к выводу о виновности или невиновности подсудимого, а гласность судопроизводства и возможность публичного контроля и отозвания судей—представляет из себя совершенно достаточные политические гарантии от вопиющего нарушения требований той революционной совести, на свободном решении которой даже старый суд строил все судопроизводство суда присяжных, представляя право присяжным говорить: «нет, не виновен» тогда, когда акт преступного деяния доказан и на лицо.

Революционный Трибунал есть гласный акт борьбы с преступлениями, направленный против власти рабочих и крестьян, постановляемый по приговору избранных представителей рабочих и крестьян.

Совершенно правильным с этой точки зрения было не только выделение определенной категории преступлений для передачи их особому исключительному суду, но и то сужение подсудности с одной стороны, которое наблюдается в декретах от 14 мая и 20 июля, и то расширение прав Трибуналов, которое установлено смертными приговорами Верховного Трибунала по первым же двум процессам, бывших предметами его разбирательства, и отменой ограничительной инструкции Штейнберга, последовавшей незадолго до этих приговоров.

Эти исправления первого декрета о Трибуналах показывают, что логика жизни заставила внести в конструкцию и законодательства о Трибуналах необходимые изменения. Практика Кассационного отдела в настоящее время указывает на новые необходимые изменения.

В первую голову здесь приходится отметить следующее.

Чрезмерную громоздкость судебных коллегий и крайнюю неясность инструкции от 19 декабря. Устанавливая состав Трибунала из Председателя, двух его заместителей и 6 заседателей, выбираемых из 40 очередных избираемых на месяц, в то время как председатель и члены президиума избирались на три месяца, инструкция Штейнберга заблуждалась в трех отношениях: между стремлением сделать что-то близкое к суду присяжных, стремлением создать особый исключительный суд и стремлением установить единую коллегию. Создав рядом с Трибуналами местные суды с ограниченной компетенцией из трех лиц: председателя и двух заседателей, создав суды второй инстанции из председателя и 12 заседателей, инструкция создавала трибуналы из семи лиц, но избрание их не обуславливая никакими отличиями от порядка избрания заседателей в Окружной или местный суд. Получилась только численная, т. е. количественная, а не качественная разница. Спрашивается, чем же по существу отличался Трибунал от Окружного суда в своей структуре? **Ничем.** Кроме того, что 7 всегда меньшая гарантия правосудия, чем 12, и большая чем три. А между тем права его должны быть неизмеримо больше, ибо старым уголовным кодексом он руководствоваться не мог. Одно из двух! Если Штейнберг хотел создать исключительный суд, как орган борьбы, он должен был идти по пути, на который встал Народ. Комис. Стучка при создании Верховного Трибунала — изменить переменный состав заседателей постоянным составом испытанных революционеров из состава местного Совета, как Верховный Трибунал берет своих членов из состава Ц. П. К. Права Трибунала должны

компенсироваться в этом случае революционным доверием революционных обязательств, которые падали в этом случае на совесть и правосознание судей-революционеров. Или передать все дела Окружному суду.

Вторая неясность была в редакции инструкции Трибунала о составе президиума суда. Неясность повела к тому, что в целом ряде провинциальных Трибуналов имел место различный — численно-состав. Иногда состав состоял из девяти лиц — шесть заседателей и три члена президиума, причем в одних случаях они заседали вместе, в иных случаях отдельно. В одних случаях на разрешение заседателей ставились предельно важные вопросы, в других постановка вопросов вовсе отсутствовала (большинство случаев). В иных случаях, наконец, состав варьировал между семью, восемью и даже шестью членами судебной коллегии, в зависимости от того принимал или не принимал участие в совещании судей товарищ председателя трибунала или входил он или не входил в качестве отсутствующего заседателя. Кассационному отделу пришлось до 50 % кассируемых приговоров кассировать именно по незаконности состава.

Крайне неясно определялась также процессуальная сторона и, в особенности, следственная часть в Трибуналах. Так, Московский Трибунал ввел в практику особую камеру предания суду, в виде публичных заседаний следственных комиссий. Петербургский — совсем наоборот — не допускает даже защиты в стадии до окончания следственного производства.

Все это вместе порождало разнообразие процессуальных форм, что нарушало главную основу всякого суда, — о чем мы уже говорили — единство формы отличающей суд от произвольных решений случайных коллегий.

Не оговорена совершенно также была в инструкции форма протоколов судебных заседаний.

Н. Крыленко.

Сельско-хозяйственные коммуны.

Последние месяцы жизни в деревне отмечены новым явлением — созданием коммун. В каждом номере газет можно найти сообщения из провинции об образовании в разных углах России сельско-хозяйственных коммун и трудовых артелей. Очевидно, мы имеем дело с явлением не случайным, а вызываемым серьезными экономическими причинами. Рассмотрение того состояния, в котором находится наше сельское хозяйство, подтверждает это положение.

Россия нуждается в улучшении сельского хозяйства, чтобы иметь возможность и себя прокормить и кое-что вывезти в другие страны в обмен на те продукты и фабрикаты, которых у себя она не добывает и не производит. А как улучшить сельское хозяйство, когда у нас сельско-хозяйственных машин мало, когда наше крестьянство, пожалуй, самое безлошадное в мире. Так было и до войны, после же войны стало еще хуже. Что толку из того, что вся земля отошла крестьянам, когда эту землю подчас нет средств обработать.

Вот эти-то обстоятельства, — с одной стороны необходимость поднять производительность сельского хозяйства, а с другой — недостаток необходимых для этого средств, — толкают деревню на путь кооперации (сотрудничества), так как то, что не может быть сделано отдельными земледельцами, может быть достигнуто ими же в артельном порядке. При обработке земли сообща нужно значительно меньше и сельско-хозяйственных орудий и лошадей. Так по сведениям, касающимся Полтавской губернии, было, например, вычислено, что для обработки 100 десятин земли в мелких хозяйствах с посевной площадью от 1-ой до 3-х десятин было занято 10 плугов и 50 лошадей; для обработки тех же 100 десятин земли в хозяйствах с посевной площадью выше 50 десятин нужно было только 4 плуга и 20 лошадей.

Крестьяне прекрасно знают преимуще-

ство обработки крупных хозяйств, не пользовались же они ими и по свойственному людям обыкновению жить особняком и потому, что в старом строе против этого были бы и помещики и кулаки. В настоящее же время экономическая необходимость толкает наиболее мелких землевладельцев на путь обработки земель сообща, что же касается кулаков, то они теперь более или менее обезврежены; не у кого им искать поддержки в борьбе со стремлением беднейших крестьян к сотрудничеству. Так экономической необходимостью и хозяйственными выгодами объясняется прежде всего возникновение многочисленных коммун в русской деревне. Усиливают же стремление к образованию коммун, к ведению хозяйства сообща, социалистические идеи, усвоением и обработкой которых занято сейчас сознание русского рабочего и крестьянина.

Организируются коммуны, главным образом, мелкими, беднейшими крестьянами, бывшими батраками, городскими рабочими, которых безработица, безхлебица и право на землю потянуло в деревню; иногда в коммуны входят и интеллигенты, сельский учитель, агроном, художник. В последних номерах «Голоса Трудового Крестьянства» есть сообщение из Царицына об образовании в станице Кагалинской сельско-хозяйственной коммуны, в состав которой входят беднейшие казаки, и из Нижнего-Новгорода о том, что монастырь в глухих местах губернии просит губернский земельный отдел разрешить образование монастырских коммун для обработки земли с правом вступления в эти коммуны всех желающих праждан.

Разнообразие коммун безгранично. Одни в несколько десятков человек, бедные средствами; другие малочисленные, но ни в чем не нуждающиеся; иные коммуны отличаются многолюдством, другие тем, что состоят исключительно из мужчин — «молостяков».

Большинство коммун занимается исключительно обработкой земли. Но есть и такие, которые организуют мастерские, производство кустарных изделий, как подсобный промысел к собственно сельскому хозяйству. Просматривая сообщения с мест об образующихся коммунах находим следующие:

В Александровском уезде, Владимирской губ., в селе Щеглово крестьяне образовали трудовую коммуны **огородников**. В состав коммуны входит 88 человек.

В Холмогорском уезде, Архангельской губ., в селе Денисовке, трудовая коммуна местных крестьян работает над разведением **племенного холмогорского скота**. Устроена **молочная ферма**.

В Царевском уезде, Астраханской губ., в селе Липицы и Красном Яру трудовая коммуна «Поморян» занимается исключительно **рыболовством**. Устроен и оборудован колтильный завод, сделаны два рыбных засола, открыта консервная фабрика.

В Смоленске образовалась коммуна, предлагающая заняться, кроме огородничества, **сбором дико-растущих растений** и плодов для замены возможно дешевой — печезающих с рынка чая и кофе хорошими суррогатами.

Подобных сообщений о самых разнообразных видах коммун, возникающих в разных углах России, можно найти десятки.

Чтобы ярче показать, как разнообразны наши коммуны, приведем описание еще 3-х коммун.

В имении Вукоитово, Игнатьевской волости, Зубковского уезда, Тверской губ. организовалась коммуна из местных крестьян в числе 40 человек. Коммуне был отведен участок земли в 40 десятин, полуразрушенная усадьба и кое-какие постройки. Коммунары составляют дружную семью, делятся молоком от единственной коровы, засеяли 13 десятин яровым хлебом, засадили картофелем и овощами 3 десятины и приготовили к озимому посеву 7 десятин. В коммуне есть плотник, столяр, портной и портниха, печник и специалист по ремонту сельскохозяйственных машин. Коммунары щадерны, как только добудут свежие продукты и слегка освободятся от полевых работ, исправит помещение в имении, поселиться там, устроить общую кухню и жить дружной семьей, в свободное время от полевых работ занимаясь изготовлением деревян-

ных борон, граблей, железных ведер и пр., как для своей коммуны, так и для соседних крестьян. Небезынтересно отметить, что в поле с одинаковым успехом работают и мужчины и женщины, при чем последние не отстают в работе от мужчин: гонят с ними одинаковый вал покоса. Коммуна весьма небогата: имеет из живого инвентаря, кроме коровы, двух лошадей.

Бридинская коммуна Торопецкого уезда, Псковской губ. представляет уже иную картину. Состоит она из 50-ти человек, землепашцев. Обединило членов коммуны сознание преимуществ коллективного (общественного) хозяйства перед единоличным. Имущество членов коммуны целиком поступило в пользу коммуны; коммуна получила от Центрального Народного Комиссариата Земледелия ссуду в 30.500 рублей. В распоряжении коммуны имеется 160 десятин земли: пахотной 70 дес. и покоса 90 дес. Земля в настоящее время засеяна. Хозяйство ведется при непосредственном участии агронома и скотовода, которые способствуют развитию сельскохозяйственной культуры в коммуне.

Весьма сложную организацию, по сравнению с двумя описанными коммунами, являет Новорепицкая, Новоузенского уезда, Самарской губ. коммуна. В состав ее входит 8.474 человека, население целой волости. Для удобства управления она делится на мелкие единицы, а именно на 508 трудовых артелей. Во главе коммуны стоит волостной совет. Все части коммуны тесно связаны между собой общим договором. Благодаря артельной работе, площадь засева в 1918 году в 1½ раза больше предыдущих лет, хотя обработку полей вели, не прибегая к наемному труду. В постановке хозяйства коммуна, благодаря объединению, достигла хороших результатов; правильно поставлены: полеводство, садоводство, травосеяние и огородничество. Различные ремесленные работы: кузнечные, плотничьи, столярные, кирпичные, кровельные, малярные, кожевенные исполняются своими же мастерами. Все специалисты взяты на учет, работы их оплачиваются трудовым способом; как мастера, так и семьи их вполне обезпечены хлебом и всеми необходимыми продуктами из общего фонда. Живой и мертвый инвентарь распределен между всеми коммунарами. Питательные продукты и прочие предметы первой необхо-

димости находятся в общем пользовании и распределяются также равномерно между членами коммуны. Для экономии труда и топлива предполагается организовать в различных селах и деревнях «Общественные столовые». Для осуществления всех этих задач коммунального хозяйства и для достижения усовершенствования и постановки на должную высоту его, коммуна нуждается в помощи, тогда дело будет поставлено на твердую почву. В 1918 году коммуной засеяно 53.032½ десятины земли.

Следует отметить в жизни возникающих коммуны некоторые черты, свидетельствующие о серьезном отношении коммунистов к делу.

Сталинская, Новосильского уезда, Тульской губ. коммуна, например, постановила, чтобы не было в ее среде лодырей, облагать уклоняющихся от шесения работ штрафом в первый раз в 25 руб., во второй в 50 руб., и, наконец, изгнанием из коммуны.

Многие коммуны, памятуя, что «не хлебом единым сыт человек», ставят себе культурно-просветительные цели. Так Шеголовская коммуна, Владимирской губ. открыла читальню, школу и народный дом. Коммуна в селе Елки, Царавосанчурского уезда, Вятской губ. приобрела научные книги по сельскому хозяйству, оборудовала библиотеку и открыла народный дом. Коммуна фронтовиков в селе Подбельском, Архангельской губ. собирается открыть на

побережья Белого моря санаторий и школу для больных детей и т. п.

Сколько же коммун в России? По сведениям Центрального Комисариата Земледелия в Тверской губ.—38, в Новгородской—20, во Владимирской—12 сельскохозяйственных коммун и 7 артелей, в Костромской—20 коммун и 30 артелей. Всего зарегистрировано более 500 коммун. Но надо заметить, что сведения эти далеко отстоят от действительности, т. к. не из всех концов России получаются справки, многие коммуны существуют, не будучи отмечены ни печатью ни учреждениями; наконец, каждый день приносит сообщения об образовании новых коммун. Этот рост коммун также показывает, что не случайным явлением мы имеем дело, а с новым широким народным движением в сторону перестройки земельных отношений и типа сельского хозяйства. Рост коммун в деревне большой шаг вперед на пути к социализму.

Задачей ближайшего момента является создание объединяющего центра для разбросанных по территории России коммун. Образовавшийся в селе Никольском «Трудной Коммунистический Союз беднейших крестьян и рабочих всех стран» поставил себе задачей создать такой центр. Им образованное бюро предполагает созвать в Москве съезд представителей от всех коммун России. Созданный этим съездом центр сможет, совместно с Комисариатом Земледелия, сыграть огромную роль в организации деревни и сельского хозяйства.

А—ий.

Борьба за хлеб.

Продолжительная война подорвала экономическое состояние России.

Площадь посева значительно сократилась. Животный крестьянский инвентарь уменьшился вследствие поставки лопатей в армию и громадных мясных заготовок для той же армии.

Фабричное производство пришло в упадок из-за призыва рабочих и мобилизации заводов на военные нужды.

Ввоз из-за границы прекратился.

Россия обеднела и с'estными припасами и всякого рода товарами.

Транспорт нарушился вследствие порчи подвижного состава и трудности его починки и замены, а также вследствие недостатка угля, добыча которого уменьшилась.

Цена денег сильно понизилась, и продукты стали быстро дорожать.

В таком состоянии Россию застала революция.

Громадное значение имеют старинные, вековой века налаженные привычки, устойчивый уклад жизни. Они были нарушены войною и сметены революцией.

Раньше все верили, что завтра пройдет, как сегодня, сегодня, как вчера. Война заставила думать о будущем, которое казалось неверным.

Люди начали делать запасы.

Революция еще усилила такое настроение, и оно стало стихийным.

Наряду с бессознательной жаждой сбережений росла и чудовищная спекуляция. Припрятанные запасы стало необходимым во что бы ни стало извлечь, чтобы удовлетворить настоятельные нужды населения.

Поэтому правительство было вынуждено ввести хлебную монополию.

Теперь многие говорят о восстановлении вольной продажи, но к чему это может привести?

Так как у окруженной со всех сторон Великороссии очень мало хлебных запасов, те торговцы в хлебных губерниях, может быть, и сумают снабдить хлебом город, но

в то же время неминуемо обречут на голод губернии, не добывающие хлеба.

Хлебная монополия до самого последнего времени не могла быть как следует проведена в жизнь. Деревня хлеба не давала тем более, что крестьяне стали требовать товаров в обмен на хлеб.

Мешечничество, как всякая контрабанда, просачивалось сквозь угрозы и запрещения. Оно развивалось тем сильнее, что законного пайка городам безусловно не хватает.

Жизнь показала, что компромиссные решения делу не помогают. Хлебная монополия, непоследовательно проводимая Временным Правительством, рядом с вольной продажей других продуктов, не могла достигнуть цели.

Единственным спасением является равномерное распределение всех продуктов и сырья.

Государство и приступило к решению этой грандиозной задачи.

Чрезвычайно интересные попытки непосредственного товарообмена, наблюдались, например, на Нижегородской ярмарке.

Но, конечно, самое главное внимание обращено правительством на продовольственное дело и прежде всего на извлечение из деревни залежавшихся там излишков хлеба, а также нового урожая. Средства для этого мы видим тройного рода: снабжение деревни мануфактурой и др. предметами и повышение твердых цен с той целью; чтобы хлеб отдали добровольно*). И наряду с этим, широко поставленную организацию деревенской бедноты и посылку продовольственных отрядов.

*) Повышение твердых цен не является, как думают в обывательских кругах, крахом продовольственной политики Советской власти. Твердые цены не могут оставаться неизменными без конца, они должны устанавливаться однажды в год — в момент сбора урожая; если они устанавливаются реже, то перестают соответствовать ценам на другие продукты, если чаще — перестают быть твердыми ценами.

Две последние меры вызваны к жизни необходимостью беспощадной борьбы с кулачеством и мешечничеством.

В последнее время слышались жалобы не только из городов, но и из деревень, что хлеба нет, а кулаки его не отдают и не продают. Продать односельчанину так дорого, как спекулянту, нельзя, потому что соседи осудят, а дешево отдать жаль, и кулак не дает ничего.

По идее тов. Ленина, продовольственные отряды не должны действовать, как грубая физическая сила, они должны состоять из сознательных рабочих, которые бы являлись в деревне пропагандистами и товарищами бедных, притесняемых кулаками.

Желательно установить тесную связь и полное доверие между рабочими и крестьянами, чтобы преодолеть истари противоположные интересы города и деревни. И те, и другие должны класть фундамент такой организации производства и потребления, чтобы всем был обеспечен минимум существования.

В начале своей деятельности продовольственным отрядам приходилось быть прежде всего силой, извлекавшей запасы хлеба. В последнее время они содействуют сбору урожая в помещичьих экономиках, с полей кулаков и богачей, убирают хлеба в прифронтовых местностях и вообще помогают местным крестьянам. Они же содействуют ссылке всех излишков в государственные склады.

Вторым орудием для действительного осуществления хлебной монополии должны служить комитеты бедноты, которые объединяют всех жителей сел и деревень, как

местных, так и пришлых, за исключением заведомых кулаков и богачей.

В настоящее время работают сельские, волостные и уездные комитеты и съезды бедноты.

Права и обязанности комитетов очень широки.

Они помогают отрядам в покупке хлеба и реквизиции, составляют списки бедных крестьян, между которыми должны быть поделены хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия. Они же заведуют складами излишков.

В уездный съезд комитетов бедноты посылают своих представителей и рабочие фабрик и заводов.

Тесное сотрудничество рабочих и трудового крестьянства характеризует одно из последних мероприятий правительства—образование реквизиционно-уборочных отрядов из городских рабочих.

Половина заготовленного с помощью этих отрядов хлеба препровождается в посланную отряд губернию и обращается непосредственно на удовлетворение потребности заготовившей хлеб организации. Другая половина остается на месте.

Реквизируется этими отрядами только спрятанный хлеб, так как владельцам запасов предоставляется время заявить о нем и продать по твердой цене.

Перечисленные правительственные меры по борьбе с голодом начинают давать результаты. Сообщается из ряда мест об успешной уборке рабочими отрядами полевых культур, о развивающемся обмене мануфактуры на хлеб, о значительных количествах уже ссыпанного хлеба.

О. Л.

Трудовая школа *).

Старая школа готовила людей интеллигентных профессий, школа будущего станет воспитывать просто людей.

Результатом деления общества на классы бывает то, что часть общества является носительницей интеллектуальных знаний и связанных с ними профессий, а остальной массе населения остается в удел чисто физический труд, оторванный от знания и личного творчества. Главная задача будущей школы это—соединить умственный и механический труд и самый труд сделать легким и радостным, разумным и творческим.

В такую школу должны приниматься дети всех граждан независимо от классов и профессий, такая школа должна быть не только доступной, но и обязательной для всех.

Возникает вопрос, сколько лет должен поступать ребенок в школу и сколько времени там учиться. Это—вопрос очень спорный. Во всяком случае, разделение школы на ступени является необходимым.

Есть сторонники трех ступеней, по четыре, а то и по три года каждая. Но это деление имеет свои недостатки. Обязательной можно сделать только первую ступень, так как у многих родителей будет соблазн не пускать ребенка во вторую ступень школы, а оставить его дома. В будущем, когда культурный уровень народа поднимется, этих опасений не будет, но теперь приходится сильно считаться с психологией масс.

Более удобна в этом отношении школа двухступенная: от девяти до тринадцати и от тринадцати до семнадцати лет. Дошкольное воспитание ребенок от пяти до девяти лет получает в детском саду; поэтому можно рассчитывать, что уже из первой ступени школы 13-летний ребенок выйдет вооруженный теми знаниями и опытом, которые и можно считать за минимум образования. И, если в следующую ступень перейдут и не все учащиеся, то все-таки можно с уверенностью сказать, что цель обязательного обучения достигнута. Как же должна быть организована школа и каковы ее главные принципы?

Во-первых, школа будет трудовой, во-вторых—единой.

«Жизнь есть школа — школа есть жизнь», и поэтому школа должна быть построена по правилам, диктуемым самой жизнью. Каждая школа—это автономная, самоуправляющаяся коммуна, где все имеют равные права и обязанности, где труд и пользование трудом равно распределено между всеми, где все вопросы решаются сообща учителями и воспитанниками.

Каждая такая коммуна имеет собственный участок земли, на котором можно было бы заниматься садоводством и огородничеством, где была бы площадка для игр и спорта.

Самое помещение школы должно удовлетворять всем новейшим требованиям гигиены. Строгое внимание должно быть обращено на чтение детей, как живущих в школе, так и приходящих. Только при соблюдении этих чисто гигиенических условий можно воспитать людей сильных физически и нравственно.

Обучение должно быть совместным: таким образом, и мальчик, и девочка привыкают смотреть друг на друга, как на товарищей в играх и в работе.

Принцип обучения строится на естественной любознательности ребенка. В первой стадии обучения следует поставить в самую тесную связь ручной труд и умственное развитие. Ребенку свойственна самодеятельность. Из каждой бумажки, из каждого деревянного бруска, он старается сделать что-нибудь свое, изобразить какой-нибудь предмет окружающего мира. Дети с удовольствием будут помогать в кухне, в саду, в огороде. И на этих работах начнется их обучение. Не надо ничего навязывать детям; при умелом руководстве они дойдут до всего сами.

Гуляя в саду, натолкнутся на тысячи интересных подробностей из мира естествознания, из опыта повседневной жизни, заинтересуются счетом, в рассказах окружающих заметят незнакомые исторические и географические понятия. И тогда уже можно начинать систематическое обучение, вы-

*.) Статья была написана до московского в № 3 журнала.

с'еда подробный отчет о котором будет дан

званное естественной необходимостью. Потом, когда ребенок становится старше и у него возникает потребность в более точном знании, он получает книгу. Но и на следующих ступенях обучения нельзя позволять ученику пользоваться готовым материалом; надо заставить его самого работать, не брать ничего на веру, а стараться исследовать все, что только возможно. В каждой школе должны быть хорошо оборудованная лаборатория, исторические источники и документы¹⁾, библиотека, которой заведуют сами ученики.

По инициативе учеников организуются научные кружки. В этих кружках ученики могут читать рефераты, обсуждать волнующие их вопросы, читать и вместе обсуждать книги и газеты. У большинства молодежи есть потребность изложить свои мысли в форме статьи, рассказа или стихотворения. Таким образом создается школьный журнал.

«Класс» не должен быть чем-то однородным для учителя. Последний обязан улавливать индивидуальность каждого ученика. Для способных к живописи устраиваются особые мастерские, музыкальных развивают в соответствующем направлении.

Самый учебный план должен быть изменен, но это не значит, что уровень требований понизится. Мертвые древние языки могут быть отброшены без ущерба, зато в курс введутся основы политической экономии и социологии, вопросы охраны труда, общие биологические понятия, гигиена, анатомия.

Ученик, выходя из школы, будет иметь всестороннее более или менее законченное образование.

Как уже было сказано выше, физический труд должен занимать в жизни, а, следовательно, и в школе, одинаково почетное место с трудом умственным. Прежде всего, ученик не должен иметь представления о какой-либо «прислуге». Прислуживает каждый сам себе, или взаимно друг другу. Все ученики должны принимать участие в приготовлении себе обеда, в уборке дома и сада, в стирке своего белья. Конечно, при этих работах должен быть человек знакомый и привыкший, например, к стирке или уборке, но это будет опять-

таки не прислуга, а руководитель, обучающий детей новому для них делу.

Кроме того, ученики будут сами вникать в хозяйственную жизнь своей школы. Они должны знать смету доходов и расходов (разумеется, речь только о старших воспитанниках) и, сообразно смете, самим распределять, что купить из необходимых школьных пособий, съестных припасов, одежды. И покупают они все тоже сами. Ходят по лавкам, прицениваются, выбирают. Все, что возможно, они должны работать сами. В каждой школе будут станки и инструменты, на которых ученики могут делать и починять свою мебель, переплетать книги, шить сапоги. Таким образом, они приучатся к тому, что мало знать, как то или иное надо сделать, надо еще и приложить это знание на практике. С другой стороны, физический труд не будет для них чем-то машинным, механическим; они работают не только руками, они в то же время знают техническое устройство инструмента, которым работают, они вносят в дело личную инициативу, свое индивидуальное «я». И они учатся уважать труд, любить его.

В некоторых старых школах применялся так называемый ручной труд, но это совершенно не то, что должно быть в трудовой школе. Там ученики делали не вещи первой необходимости, а предметы, не имеющие для них значения и не нужные им. Эти предметы или поступали на разного рода ученические выставки, или оставались без употребления, что заставляло учеников думать о совершенной ненужности и непроизводительности их труда. В трудовой же школе ученики именно воспитываются на том принципе, что для участия в жизни мало думающей головы, что нужны еще и мускулистые руки.

Трудовая школа должна быть единой.

При старой системе народного образования существуют начальные школы, в которых учатся дети рабочего класса, и школы средние, преимущественно для детей буржуазии.

Трудовая школа будет единой в том смысле, что, кроме нее не будет допущена никакой другой тип школы, и дети всех классов должны будут учиться и воспитываться вместе. Для практического осуществления этого школа будет бесплатной и обеспечивающей детям все необходимое.

¹⁾ Конечно, в каждой школе подлинными историческими документами пользоваться будет нельзя, но их могут заменять хорошо изданные копии.

Кроме того, школа должна функционировать в течение круглого года, с той только разницей, что в летние месяцы на физический труд будет обращено особое внимание. Школа переносится в деревню, где ученики будут исполнять всевозможные полевые работы. Таким образом, школа станет в самую тесную связь с трудящимися массами, будет близкой к ним не только по составу, но и по духу. Тогда трудящиеся массы легко поймут ее необходимость, охотно пойдут ей навстречу и дадут все необходимое для свободного обеспеченного существования школы.

Для того, чтобы провести в жизнь новую идею трудовой школы, необходимы свежие кадры учителей, не учителей чиновников, а учителей, проникнутых своей идеей, стремящихся к созданию новых, лучших форм жизни.

В трудовой школе учитель—это старший товарищ ученика, его друг и руководитель. Поэтому, система отметок и экзаменов должна быть отброшена. Путем взаимного уважения и понимания будет достигнуто больше, чем путем принуждения.

Учитель—это не только воспитатель детей, это—общественный деятель. Он не должен стоять вне политики и жизни, он должен идти вместе с нею. Только учитель, понимающий интересы и нужды трудящихся масс, может стоять на высоте своего призвания. Близкий к ним, он лучше проникнется идеей момента и сумеет увлечь за собой молодежь. И учителю мало учить других, он должен все время учиться и совершенствоваться сам.

Тот, кто стоит на месте, невольно отстает назад, а учитель воспитывает молодость, которая идет завоевывать будущее.

Поэтому теперь учителям предстоит огромная работа. И в ряду условий, необходимых для того, чтобы эта работа была действительно плодотворной и не тормозилась ничем, школа должна быть отделена от церкви.

Церковь была опорой старого монархического строя и поэтому, естественно, занимала почетное место в школе. Теперь церковь отделена от государства. Отделение церкви от государства является одним из необходимых шагов в установлении свободы: он обеспечивает возможность каждому гражданину чувствовать себя свободным в исповедании той или иной веры. Нет господствующей под покрови-

тельством государства религии, нет и тех стеснений, которые испытывали в жизни, в службе, в работе люди, не принадлежавшие к поддерживаемому государством вероисповеданию.

Теперь должно прекратиться влияние церкви и на школу. Интересы педагогики, интересы школы от этого выиграют. В школе, при влиянии церкви, не могли или находили с трудом себе место учителя, не принадлежавшие к православному исповеданию; в школе не могли быть правильно излагаемы научные истины, если они не согласовались с истинами вероучения; в школе детей заставляли заучивать наизусть непонятные им догматы катехизиса.

В трудовой школе не будет ни принудительных богослужений, ни уроков Закона Божьего. История церквей и религий, история обрядов и культа, история сект и религиозных исканий—предметы в высшей степени интересные и могут быть изучены в старшем возрасте не как догма закона Божьего, а как часть истории культуры.

Школа, будучи самоуправляющейся общественной ячейкой, должна подчиняться только требованиям жизненного текущего момента, тем более, что молодежь особенно сильно реагирует на все происходящее вокруг, и при умелом руководстве, всегда может стать полезной. В связи с этими соображениями есть проект ввести в школе обучение военному строю. В младшем возрасте нельзя еще знакомить детей с оружием, и обучение сведется только к рациональной гимнастике, развитию глазомера, ловкости. На второй ступени школы ученики учатся владеть оружием, производят разведки, знакомятся с походом, с окопным делом. Таким образом, в случае надобности, страна может располагать кадрами борцов, хорошо обученных военному делу, с высоко развитым чувством гражданственности.

Трудовая школа должна воспитывать сознательных граждан. Это ее первая и прямая задача. По выходе из школы юноша или девушка, получив общее политехническое образование, могут свободно выбирать какую угодно специальность. И они будут не только практически приспособлены к жизни, то есть будут иметь то, чего не дает современная гимназия, у них будут твердые устои гражданственности и общечеловечности, они будут готовы к самому трудному, но и самому радостному творчеству—творчеству жизни.

С. А. Ш—ич.

Друзья и враги Советской Власти *).

I.

Отношение европейских правительств, буржуазии и пролетариата к Советской власти, конечно, прежде всего определяется той необычайно своеобразной внешней политикой, которую она неулыбно проводит вот уже в течение 9-ти месяцев.

Политика эта, как известно, сводится к действительной пропаганде мировой социальной революции и к борьбе за всеобщий мир, который был бы основан не на империалистических, а на истинно демократических принципах, отказа от территориальных аннексий и контрибуций.

Поддерживая подобный «курс на непосредственную близость мировой революции», Советское Правительство, конечно, весьма мало заинтересовано в поддержании «сердечных» и «добросердечных» отношений с соседними капиталистическими правительствами.

И действительно, мы наблюдаем ординарную картину: по выражению Народного Комиссара по иностранным делам, «через голову правительств» Советская власть обращается к революционному пролетариату всех стран, призывая его к международной борьбе против империализма и против капиталистического строя (Доклад Народного Комиссара по иностранным делам на 5-м Съезде).

Это обращение к народным массам, через голову правящих классов, и вызывает не менее яркую и своеобразную реакцию, как со стороны европейских правительств и примыкающих к ним буржуазных классов, так и со стороны пролетариата и тяготеющей к нему интеллигенции.

Не вдаваясь в подробный разбор, мы можем указать, что отношение не-пролетарской Европы к Советской власти носит двойственный характер.

С одной стороны мы видим безудержную проповедь интервенции, т. е. вмешательства в русские внутренние дела, которая объединяет огромные круги европейской

буржуазии от безыменных мелких французских держателей, потерявших свои капиталы в России, до великодержавных промышленников типа лорда Нордклифа, от парламентариев вроде Клемансо до социал-патриотов из «Humanité» и до бывшего пацифиста Эрве, — все они требуют немедленного освобождения России от «максималистских каторжников», «насильников» и «немецких наемников» — большевиков, спасения ее от грядущаго голода и холода, которые, по вычислению лорда Сесилля, должны унести будущей зимой не менее 20 миллионов человек, наконец, создания восточного фронта, обращенного против Германии.

На-ряду с этим непримиримым течением существует другое, придерживающееся более терпимого, компромиссного отношения к Советской власти, однако неизмеримо менее влиятельное и в настоящее время, можно сказать, сошедшее на нет.

Представители этого второго течения готовы отчасти признать Советскую власть, конечно, не ради ее «прекрасных глаз», а главным образом, ради тех экономических выгод, которые сулит сближение с Россией как по окончании войны, так и в настоящее время.

Эти капиталистические круги, к которым относится хотя бы часть английских радикалов с их органом «Manchester Guardian», а также до самого последнего времени влиятельные буржуазные группы Соединенных Штатов, предпочитают, по выражению Чичерина, «политику торга — политике разбоя», и их влиянием надо объяснить те колебания с вопросом об интервенции, которые мы наблюдали в течение последних месяцев.

В настоящее время, после событий в Архангельске и во Владивостоке, мы можем, конечно, говорить лишь об едином фронте европейской буржуазии, стремящейся с поднятым забралом к уничтоже-

*) Статья отражает положение вещей бывшее около 1½ месяца тому назад.

нию Советской власти, к удалению хирургическим способом этого «социального нарыва», образовавшегося на теле Европы.

II.

Что касается до отношения к Советской власти европейских пролетарских масс, то здесь мы легче различаем ту глубокую брожь, которая проложена войной через все интернациональное рабочее движение.

Правое крыло европейского социализма, придерживающееся соглашательской политики, хлопотнее о сохранении, какой угодно ценой, пресловутого гражданского мира, наконец, голосующее за военные кредиты и провозглашающее войну до победного конца—конечно, относится к Советской власти или с правоверным негодованием или с стыдливым отрицанием. Эти социалистические кружки, возглавляемые Гейдерсонами, Шейдеманами, Вандервельдами и Брантингами, ожесточенно критикуют «неразумение», «заблуждения», «ошибки» и «опасности» большевистской политики, стремящейся к насаждению социалистического строя на неподготовленной почве России, разрушившей «священное единство революционной демократии» и, наконец, применяющей режим насилия, который способен скемпрометировать все дело интернационального социализма.

Сторонники этого социализма, не ограничиваясь одними упреками и брожением, ведут и активную борьбу с Советской властью.

Так, в своих жалобах, адресованных в секции 2-го Интернационала, они высказывают порицание большевикам, требуют их изгнания из социалистической среды: некоторые из их органов, например, Стокгольмское «Эхо»—требуют даже непризнания дипломатических представителей Советского правительства. Особенно ярко их враждебное отношение к Советской власти проявилось во время опереточной гастроль Керенского, призванного, очевидно, создать социалистический «бум», который доказал бы, что и социалисты не лишены понимания государственных задач и патриотического жара. Последнюю точку в этом отношении ставят французские социалисты, примыкающие к «Humanité», которые также настаивают на вторжении союзников в Советскую Россию (правда, при соблюдении гарантий, «демократичности» и «невмешательства» во внутрен-

ние дела), и, таким образом, примыкают к крайнему непримиримому течению европейской буржуазии.

Лишь в самое последнее время, в связи с ростом революционного крыла социализма, начинает меняться отношение к Советской власти рабочих масс, к которым она обращается со своим призывом о совместной деятельности почти уже год, через головы их правительств.

В ответ на страстную агитацию интернационалистов, в виде протеста против систематических нападков со стороны социалистов-соглашателей, широкие рабочие массы Европы совершенно произвольно, стихийно, начинают проявлять свое сочувствие к Советской России и требуют немедленного прекращения всякой враждебной пропаганды, направленной против ее существования.

Центр французского социализма, во главе с Лопге, и крайняя левая, представленная Лорио, британская социалистическая партия, независимая рабочая партия и большинство рабочей партии, независимые германские социал-демократы, во главе с Гаазе и Ледбуром и крайняя левая, представленная К. Либкнехтом и К. Цеткиной, почти все социалистические элементы Швейцарии и Голландии, левое крыло Скандинавских и Американских социалистов, — наконец, Итальянская социалистическая партия—все они ведут систематическую борьбу за признание Советской власти, в которой они видят маяк социалистического движения, «первый великий опыт осуществления коммунистических идеалов».

Целый ряд рабочих съездов, вроде недавних французских конгрессов: строительных рабочих, северной федерации социалистической партии, генеральной конфедерации труда, парижских металлистов, наконец, специальный американский союз агитации за признание русского Советского правительства,—все они энергично протестуют против вмешательства во внутренние дела России, которое предпринимается, по их мнению, исключительно с целью задуть самую революцию.

Что именно усматривают эти левые социалисты в русской Советской республике, в чем заключаются те цели, которые последняя себе ставит или отчасти уже осуществляет на практике?

Ответ на этот вопрос можно суммировать в следующих, по необходимости кратких пунктах:

1) Советская власть впервые в грандиозном масштабе ведет дело социалистического строительства, несмотря на упорное противодействие и ненависть русской буржуазии и мировой буржуазии.

2) Советское правительство, единственное из правительств воюющих стран всего мира, вступило на путь истинно демократической и международной политики, которая одна только может привести к действительному всеобщему миру.

3) Советская власть одна во всем мире смогла разрешить национальный вопрос во всей полноте, присущей ему, признав и

практически осуществив принцип самоопределения каждой нации и даже каждого инородца, взятого в отдельности, и этимнискала широкую популярность в народных массах колоний; именно эти завоевания, сделанные русской октябрьской революцией под руководством Советской власти, объясняют тот энтузиазм, тот революционный пафос, с которым подлинные социалисты всех стран относятся к ней: их вожди, готовы уже сейчас к ней: их шевышков «исторически бессмертными», а некоторые из них заявляют, как это недавно сделала К. Цеткина, что «они предпочитают умереть в России, нежели жить в Германии».

В. К.

Обзор Социалистического движения на Западе *)

Судьба русской революции зависит от успехов социализма за границей, от развития там революционного движения. Быть долго социалистическим оазисом в капиталистическом мире невозможно. Этим и объясняется наш особый интерес ко всему тому, что обещает революцию в других странах.

Имея в виду это обстоятельство, мы в «Вестнике Жизни» будем из номера в номер вести хронику социалистического и революционного движения за границей, отмечая все более или менее знаменательные признаки оздоровления социалистических партий Запад от шовинистического угара, все более или менее крупные факты, свидетельствующие о росте революционного настроения в трудовых массах Старого и Нового Света.

Революционно-социалистическое движение намечается во всех странах, но очертания его носят различный характер.

В Англии мы видим старинную, сильную организацию рабочего класса, который под тяжестью правительственных репрессий проводит грандиозную забастовку и намечает программу социалистических реформ, которые должны быть осуществлены после войны.

Во Франции и Италии нам придется считаться, главным образом, со сменой настроения в среде самих социалистических партий.

В центральных областях, включая сюда и Швейцарию, главное внимание обращают на себя оппозиция правительству и забастовки, вызванные все усиливающейся тяжестью продовольственного кризиса. Наконец, до нас доходят известия о более или менее крупных волнениях в Испании, Португалии, Норвегии, Японии. Весь мир, охваченный войной, начинает волноваться.

Только Америка, не успевшая еще растратить своих сил, остается в стороне от нарастающего движения. и американские

социалсты примыкают к крайнему правому флангу.

Начнем с ясных цифр английского рабочего движения. В начале июля, в Лейстере открылся ежегодный делегатский съезд всеобщей федерации тред-юнионов. На съезде было выяснено, что число членов значительно увеличилось и достигает 1.033,000 человек. Резервный фонд равен сумме больше 10.000,000 рублей. Официальная речь председателя определенно указывала на то, что надо готовиться к борьбе с отжившими предрассудками капиталистического класса о своей неограниченной власти в производстве, о неограниченном праве собственности и т. п.

При таком настроении старой рабочей организации не удивительны те грандиозные забастовки, которые вспыхнули в ответ на попытку правительства прикрепить рабочего к заводам, работающим на оборону. Попытка эта заключалась в издании закона, запрещающего фабрикам и заводам прием на службу квалифицированных рабочих, служащих в других местах, и разрешающего зачисление лишь чернорабочих.

Английские рабочие скоро дали достойный ответ на это мероприятие, напоминая худшие времена крепостного права.

От середины августа мы имели уже следующие данные о росте забастовочного движения: бастуют свыше 180.000 рабочих; свыше 500,000 вынесло решение присоединиться к забастовке, если правительство не пойдет на уступки. На массовом собрании представителей квалифицированных металлистов, работающих в Вульвичском Арсенале, тремя тысячами голосов против двух было вынесено решение о забастовках, несмотря на указание председателя, что от решения собрания, быть может, будет зависеть ни больше, ни меньше, как начало гражданской войны. В ответ на это делегаты, вынося свое решение, подчеркнули, что они не остановятся перед гражданской войной, если правительство не

*) Настоящий обзор был составлен, конечно, до последних событий в Германии, Австрии и Болгарии.

откажется от своих попыток закрепить рабочих.

Что касается чисто социалистических кругов, то показательным является тот факт, что рабочие наметили в нижнюю палату на предстоящих осенних выборах, главным образом, крайних левых социалистов, которые придерживаются большевистских взглядов о войне и экономической политике.

Что касается **Франции**, то там злобой дня является победа в Национальном Совете прежнего меньшинства (миноритеров), группирующегося вокруг Лонгэ. В принятой резолюции мы, между прочим, читаем: «Национальный Совет требует от французского правительства пересмотра целей войны, отказа от империалистических договоров, ясного и точного изложения наших условий мира на основах, провозглашенных русской революцией и президентом Вильсоном и т. д.» Таким образом, руководящей группой становится центр, благоприятно настроенный к русскому правительству и стоящий в резкой оппозиции к решению Франции вмешаться в русские дела. Мы называем это течение центральным, так как существует более радикальное с Лорно во главе. Его речи носят более воинствующий характер, призывая к международной социальной революции. «Отказ от восточных военных кредитов, которые Поль Фор допускает только при известных условиях.— заявил Лорно, «мы распространяем на все буржуазные правительства без всяких условий, независимо от того, какова их политика в данный момент. Отказ в восточных военных кредитов—это революционный жест, вот почему мы его превозносим». Восторженно-славившая группа, подобно английским тред-юнионистам, ставит своей задачей по окончании войны, социалистическое переустройство общества. «Заводы, земля, воды,—все эти богатства должны быть переданы в распоряжение трудового народа. Во имя войны были социализованы тела, во имя мира, социального и национального, будут социализованы имущества».

Но настроение французов выражается не только в теоретическом полевлении. Вмешательство в дела России вызвало бурную демонстрацию, повлекшую за собой столкновения с полицией.

В **Германии** партия «независимых» и группа «Спартак» составляют пока меньшинство, но до нас доходят известия, что немалому рабоче переходят на их сто-

рону. Важно то, что среди рабочих Берлина число «независимых» 25.000, а шейдемановцев 7.384.

Но в Германии привлекают внимание не столько социалистические партии, сколько все растущее, забастовочное движение. В Вестфальском горном округе число бастующих достигло 400.000. Бастующие требовали увеличения заработной платы. Сигнал к движению был подан синдикатами металлургической промышленности, находящимися в Дюссельдорфе. Настроение рабочих обостряется действиями правительства, которое между прочим призывает па Крупновский завод голландцев, чтобы освободить местные рабочие руки для фронта. Происходят аресты по подозрению в участие в группе «Спартак».

Из различных мест приходят сообщения о бунтах среди немецких войск. Насколько серьезно движение, можно судить по тому, что особо суровых мер к ним не принимают, а раскассировывают их по другим полкам.

Еще дальше зашли неурядицы в **Австрии**, которые осложняются национальным движением. В июле месяце множество телеграмм приносили нам вести о крупных беспорядках в Богемии и Чехии, которые носили и стихийный и организованно-политический характер. Позже пришли известия о серьезных аграрных беспорядках в Галиции, о забастовках в Богемии и Силезии. Чешские социалисты обединились в одну партию. Последние новости—всеобщая забастовка в Венгрии, которая захватила до полумиллиона рабочих.

Продовольственный кризис привел к полному перевороту настроения в **Швейцарии**. И там среди социалистической партии произошел раскол. Неудача борьбы с правительством из-за повышения заработной платы привела к тому, что часть швейцарских социалистов начинает отвергать осторожную политику, боящуюся всякого революционного шага. Между тем требования швейцарских рабочих очень скромны. Они не могут прийти в соглашение с правительством даже по поводу 8-часового рабочего дня. Готовившаяся стачка не состоялась, и положение в Швейцарии остается неопределенным.

Итальянские социалисты настроены довольно радикально, стоят в резкой оппозиции к своему правительству и сочувственно относятся к России, с неодобрением порицая политику Вандервельде, Гендерсона, Тома, Бравинга.

В заключение стоит отметить безпорядки подали в отставку. Премьер предлагает в Японии, так как там они менее ожидались. Мы читаем о разгромах, произведенных толпою в Кобе, Нагоя, Токио, Осаке. Безпорядки эти вызваны острым, продовольственным кризисом, главным образом, недостатком риса. Печать сообщает, что министры внутренних дел и путей сообщения

государству скупать рис, чтобы подготовить монополию.

Что касается славянских стран, то время от времени приходят известия о деятельности местных социалистических партий. Или промелькнет известие о военном бунте в Болгарии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ОБЗОРЫ.

Обзор журналов.

Обширная груда журналов, едва умещающаяся на одном столе, разложена стопками. В одной из них—«толстые» журналы, выходявшие еще до октябрьской революции. Начнем с нее.

Протягиваю руку—попадается «Русская Мысль» (март—июнь 1918 г.). Но что сказать об этом маститейшем органе кадетски-националистического направления? Да все то же: что последний номер журнала только обложкой отличается от предыдущего, тот—от пред'предыдущего и т. д., так что, если теропливый читатель разогнет книгу прямо на открывающем ее скучнейшем стихотворении В. Аренса, да еще примет за опечатку загадочно пропеченное сквозь зубы упоминание Г. Вернадского о каком то «русском бунте 1917—1918 гг.»,—то он, только добравшись до отдела рецензий из неожиданного (что называется «ни к селу, ни к городу») вопля г. Струве о гибели России догадается, что прочел книгу за март—июнь 1918 г., а не за октябрь—декабрь 1908. Выделим, впрочем, любопытные отрывки из дневника небезызвестного французского поэта Катюлля Мэндеса, пережившего в Париже дни коммуны. К. Мэндес—типичный французский литератор-буржуа, прикрывающий поверхностной насмешливостью душевную пустоту, не скрывающий своей чуждости тем идеалам, которые воодушевляли коммунаров (за это он, вероятно и удостоился внимания редакции «Русской Мысли»): тем замечательнее его удивление перед храбростью коммунаров, перед энергией их вождей или, напр., восклицание, с которым он обращается к населению Парижа: «Какой вулкан великодушных чувств клокочет в тебе, если порою от твоей близости да же души тех, которые тебя осуждают, чувствуют

себя поглощенными и очищенными твоим пламенем».

Далее—«Вестник Европы», «Русское Богатство»... Это—родные братья «Русской Мысли». Правда, вместо приевшихся упражнений в православии и мистике, у первого—меланхолически-либеральный «взгляд и нечто» по поводу современных событий, у второго—потуги на социализм, но это не меняет родового сходства: оно—в том впечатлении чего-то нудного, безнадежно отжившего, которое одинаково рождается при чтении любого из этих трех почтенных журналов.

С облегчением вздыхаешь, когда от этой книжной ветоши, выдающей себя за нечто «современное», порой чуть ли не «злободневное», переходишь к журналу чисто историческому, просто и честно исследующему события нашего прошлого,—к журналу «Былое»,—посвященному истории русского освободительного движения. Весьма интересен последний номер (10—11) «Былого», отведенный выдающемуся эпизоду этой истории: событию 1 марта 1881 г.,—убийству Александра II. В номере напечатаны неизданные доклады гр. Лорис-Меликова, Плеве, жанд. генерала Комарова о событии 1 марта, показания первоартовцев, последние письма народovolьцев Михайлова, Баранникова, Тетерки, потрясающая серия рисунков: «суд и казнь над первоартовцами», исполненная рукой наблюдательного и холодного очевидца и т. д.

Занимательный материал есть и в последней книжке журнала «Голос Минувшего» (№ 4—6), но, к сожалению, этот исторический журнал разрешает себе неудачные набег в область современности, и тогда враждебность к Советской власти доводит его до прямой клеветы, каковой приходится назвать хотя бы брешевное большевикам обвинение

в том, что они заключили блок ни более, ни менее, как с буржуазией (стр. 171)!

Переходим к журналам, появившимся после октябрьской революции—сначала к журналам обще-литературным.

Внимание, естественно, останавливается на журналах, издаваемых Петроградским Советом («Пламя») и Советом Московским («Творчество»). К сожалению, эти органы пока не вполне оправдывают тех надежд, которые мы были бы в праве возложить на них. В них отсутствует как раз то, о чем говорят их названия: пламя подлинно-революционного под'ема, дерзновения, яркости и подлинно-революционное, новое творчество—пусть незаконное, хаотическое, неотстоявшееся до формальной ясности и прозрачности. «Пламя» предлагает читателю непритязательно-пустынькие, как чирикание канарейки в клетке, рассказы, переведенные с французского, перемежая их с не более содержательными, но менее ловко сделанными рассказами отечественного производства, с бесцветными стихами, казущимися продолжением рассказов; для разнообразия—мирные фотографические снимки: «миноносцы» типа «Новик», «Весеннее половодье в березовом лесу», как будто перепечатанные из попавшегося под руку старого номера «Нивы»,—а через страницу бездарно-карикатурная «Пролетарская верба» переносит вас в «Сатирикон»... Немудрено, что как-то затериваются, тускнеют на этих тусклых страницах порой недурные репродукции (Микель-Анджело, Сезанн, Пикассо, Коммуна в французских журнальных иллюстрациях того времени), некоторые полезные очерки и статьи (напр., А. Луначарского)*).

«Творчество» по виду резко отличается от скромного «Пламени»: оно издается, можно сказать, роскошно: прекрасный прифт и бумага, обширные поля, безукоризненно выполненные репродукции на отдельных листах. Несмотря на некоторую бледность содержания журнала (впечатление, которого не могут изгладить ни содержательные очерки статьи К. Малинина, К. Залевского, Ю. Мещерякова, ни ценность отдельных иллюстраций), все же «Творчество» свободно от той неряшливой пестроты, которая присуща «Пламени»: в нем чувствуется редакторская рука, придающая определенное единство материалу. Но и тут недоумение в нас вызывает—точнее, начинает вызывать—помещение в пролетарском журнале романа Г. Дани-

ловского «Мария Магдалина» (№№ 1, 2, 3): с нетерпением ждем, когда автор начнет обнаруживать ту любовь «к слабым, обиженным и страдающим», о которой в своем предисловии, свидетельствует переводчица: пока же перед нами—лишь то самодовольное смакование половых извращений, которые мы привыкли встречать у специализировавшихся на этом прибыльном занятии писателей, вроде Пьера Луиса.

Более выгодное впечатление производит издаваемый «Пролеткультом» журнал «Грядущее»—орган, главным образом, писателей-рабочих. Многие бледно в его стихах и рассказах, опрометчиво и наивно—в его статьях, но все же (и это главное!) в журнале чувствуется подлинный революционный дух, вспыхивают зарницы—пусть и отдаленные!—подлинно революционного творчества. В своем боевом увлечении самообытностью нарождающейся пролетарской культуры, «Грядущее» заходит даже слишком далеко, возглагошав устами П. Гиналько, что «рабочий-писатель должен не учиться, а творить»: вряд ли, однако, «учение» такой уж непримиримый враг «творчества».

К этим журналам примыкает журнал «Рабочий мир» (орган Центрального Рабочего Кооператива). «Рабочий мир» чужд тех резко-боевых устремлений, что кооудушевляют участников «Грядущего». Уделяя главное свое внимание вопросам кооперации, рассматриваемой, как одно из разветвлений единого рабочего движения на пути к социализму, журнал ставит себе более скромную, но не менее широкую и ответственную задачу—обслуживать рабочий класс здоровой умственной и художественной пищей. Эту задачу «Рабочий мир» выполняет с большой полнотой и добросовестностью. Ряд ценных популярных статей на темы кооперации, социализма, искусства, народного просвещения (Керженцева, Богданова, Дволайцкого, Базарова, Блонского и др.),—свежий литературный отдел («Весна» Блока, «Хованское» Ю. Анисимова, стихотворения А. Ширяевца), обстоятельная хроника кооперативного движения, содержательная библиография,—все это делает «Рабочий мир» органом весьма полезным.

Теоретически освещает вопросы, связанные с созданием самостоятельной пролетарской культуры, журнал «Пролетарская культура», издаваемый Орг. бюро по созову всероссийск. конференции пролетарских культурно-проск. организаций—орган, развивающий и обосновывающий те принципы, на которых зиж-

* В последующих номерах журнала эти недостатки почти вовсе изгладились.

дется практическая работа «Пролеткульт», и являющийся, в этом отношении, как бы дополнением журнала «Грядущее». Журнал производит благоприятное впечатление обдуманностью и серьезностью содержания. Плодотворным кажется нам и убеждение редакции в том, что не пренебрежительное отвержение достижений старой культуры, а лишь их действительное усвоение и творческая переработка—могут создать культуру новую.

Соприкасаются по заданиям с «Пролетарской культурой»—поскольку культурно-просветительная работа является неустранимой предпосылкой творчества новой культуры—журналы, отводящие свои страницы вопросам народного просвещения. Таковы «Народное Просвещение» (издаваемое Государственной Комиссией по просвещению), «Трудовая школа», «Вестник Нижегородского Университета», «Вестник Шалявцев» и др. органы, рассматривающие, главным образом, или исключительно жизнь и строение нашей школы, пути к ее оздоровлению и подлинной демократизации; «Народное Просвещение» захватывает, впрочем, в поле своего зрения и другие области культурно-просветительной работы.

Специальные органы издаются также рядом других комиссариатов, управлений, отделов и т. п., к таковым принадлежат: «Вестник Нар. Комиссариата торговли и промышленности», «Известия Нар. Комиссариата по продовольствию», «Вестник путей сообщения», «Бюллетени Центротекстиля» и т. п.; шире других поставлено «Народное Хозяйство»—орган Высшего Совета Нар. хозяйства. Воспользуемся случаем отметить здесь, кстати, интересный военно-научный журнал «Военное дело», посвятивший свои страницы «всесторонней научной разработке громадного материала, добытого нами во время последней мировой войны, с ее колоссальной техникой и новыми приемами борьбы».

Заключим наш обзор указанием на значительно разросшуюся профессиональную прессу: органы различных проф. союзов насчитываются уже десятками; более тридцати издается только в Москве и Петрограде, к ним принадлежат: «Профессиональный Вестник» (орг. Вс. Центр. Совета Проф. Союзов), «Металлист», «Строитель», «Печатник», «Техник» и т. д.

М. Т.

Отзывы о книгах.

Социальные науки.

Богданов, А. Между человеком и машиной (о системе Тэйлора). М. Изд. 2-е, перераб. «Волна». 1918. Стр. 15. Ц. 35 к.

Вызванный трехлетней войной и неумелым или сознательно-дезорганизаторским хозяйничаньем сначала царской бюрократии, а затем промышленной буржуазии («в соглашательский» период русской революции) и целым рядом других причин общий упадок промышленного производства поставил перед Советской Россией уже на другой день после октябрьского переворота вопрос о принятии срочных мер к налаживанию упавшего производства, а в частности, к поднятию сильно понизившейся производительности труда.

Последнее явление, являющееся в то же время одной из причин нашей промышленной отсталости, представляет собою одно из главных зол нашей хозяйственной жизни, и для устранения его был выдвинут ряд мер, подвергавшихся всестороннему освещению на страницах нашей партийной и профессиональной печати.

Одной из таких мер, взятой из арсенала западно-европейского капитализма, является так наз. система Тейлора. Вопрос о возможности ее применения в нынешней социалистической России вызвал оживленную полемику как на страницах прессы, так и в среде профессиональных и производственных организаций, полемику, перекинувшуюся и в широкие рабочие массы, и побудил подвергнуть детальному рассмотрению и критике названную систему.

Вышедшая не так давно брошюрка А. Богданова «Между человеком и машиной» (написанная еще до войны и ныне переработанная автором) дает сжатое, яркое представление о системе Тэйлора и определяет формы и степени ее применения для поднятия производительности труда.

Сущность этой системы сводится к точному, научному исследованию механизма движений, совершаемых данным рабочим при производстве порученной ему работы и установлению

наилучшего способа выполнения данной работы путем устранения излишних условий, упрощения их или приспособления их к условиям самой работы.

Наряду с этим система Тэйлора предусматривает введение сдельной заработной платы в различных ее комбинациях.

Отрицательной стороной этой системы, превратившейся в руках, главным образом, американских капиталистов в невиданное еще орудие эксплуатации рабочих, является то обстоятельство, что система Тэйлора одной из своих задач ставит повышение напряженности человеческого труда. Помимо экономии движений рабочих, система Тэйлора требует еще ускорения необходимых движений, требует механизации труда рабочего. Это в конечном счете сводится к отбору наиболее ловких, наиболее сообразительных рабочих, к своеобразной «дрессировке» их и превращению в своеобразную живую машину, лишенную возможности выявить в работе свои умственные дарования, свои творческие задатки.

Прогрессивную сторону системы Тэйлора составляет указанное выше научное исследование приемов работы, упрощение и регулировка их. Устраняя все излишние приемы данной работы, устанавливая наиболее целесообразные формы их так же, как и орудий работы (напр., точные размеры лопаты, употребляемой при нагрузке угля, приспособления ее к материалу и к силе рабочего), система Тэйлора способствует облегчению труда рабочего, экономии его рабочей силы, способствует повышению производительности труда. Будучи поставлена на рациональных основах, применяемая именно в целях поднятия производительности труда, а не в целях использования до конца, до последних пределов физического истощения рабочей силы данного рабочего, применяемая, далее, самими рабочими под контролем и наблюдением, скажем, профессиональных организаций, при соблюдении всех этих условий, система Тэйлора является могучим орудием

поднятия производительности, и тем самым в внутреннем методом поднятия уровня производства.

В своей брошюре А. Богданов, обрисовывая, как отрицательные, так и положительные, прогрессивные стороны системы Тэйлора, приходит к выводу, что применение этой системы, при соблюдении указанных выше условий, является в современной России вполне допустимым и даже нужным; система Тэйлора, по словам автора, сумеет поднять трудоспособность масс до высшего уровня, какой совместим с поддержанием здоровья рабочих и возможностью им развиваться культурно.

Касаясь попутно вопроса о введении сдельной заработной платы, А. Богданов считает возможным проведение ее в жизнь в качестве временной «героической» меры.

Написанная простым, популярным языком, живая и образная брошюра А. Богданова, несомненно, найдет себе читателей среди широких рабочих масс.

М.

Бухарин, Н. Программа Коммунистов (большевиков). М. «Коммунист». 1918. Стр. 64. Ц. 60 коп.

Разошедшаяся в сотнях, тысячах экземпляров и переведенная на все европейские языки брошюра тов. Бухарина должна стать настольной книжкой каждого рабочего. Редко кому удавалось в такой популярной, сжатой и яркой форме изложить основы коммунистической программы и дать полное и отчетливое представление о международном характере пролетарской революции.

Последовательно, шаг за шагом, иллюстрируя ссылками на богатую практику «соглашательства», проводит автор через всю книжку мысль о том, что только через гражданскую войну и железную пролетарскую диктатуру можно прийти к коммунизму — и что только через взрыв буржуазного государства придет мировой пролетариат — наш верный и желанный союзник — к своей окончательной победе.

Брошюра тов. Бухарина — лучший вклад в нашу популярную социалистическую литературу — и мы желаем ей получить массовое распространение не только у нас, но и среди всего мирового пролетариата, идущего на штурм буржуазного мира.

Б.

Залевский, К. Роль интеллигенции в развитии Интернационала. 2 изд. «Пролетарская Мысль». Стр. 40. Ц. 1 р.

Вопросы об отношении интеллигенции к Советской власти, об ее роли вообще в революции, наконец, об ее значении для дела международного социализма; продолжают оставаться чрезвычайно спорными и вместе с тем жгуче современными.

Тем более надлежит приветствовать выходящую вторым изданием брошюру К. Залевского, содержащую попытку «строго объективного исследования характера и роли интеллигенции в развитии Интернационала».

В настоящее время мы являемся свидетелями глубочайшего кризиса последнего. Чем он вызван?

Несомненно, в значительной степени односторонней и ошибочной деятельностью руководителей рабочего движения, интеллигентского ядра пролетариата. Однако, ошибочно было бы все объяснять личными качествами и склонностями интеллигенции.

Она представляет из себя хотя и не класс, но резко очерченную общественную группу, наподобие средневекового ремесленного цеха, и, как таковая, обладает групповой психологией, а также общими социально-экономическими предпосылками для возникновения последней.

В самом деле, что такое интеллигенция?

Различные социалистические писатели сходятся на следующем определении: «К интеллигенции принадлежат все те общественные элементы, в профессиональной деятельности которых преобладает мозговое напряжение»; она состоит из «лиц, занятых в литературе, науке и в искусстве, в руководстве производством, в управлении государством и т. д., из лиц, создающих духовные ценности либо служащих посредственно так или иначе делу создания материальных ценностей и организации общественной и политической жизни».

Характер интеллигенции, таким образом, определяется не политическими взглядами ее представителей и даже не происхождением их, а исключительно специфическими чертами их деятельности.

Мы легко замечаем, что род труда, а также материальная обстановка, присущая интеллигенции, сильно затрудняют развитие в ней социалистического сознания с его духом коллективизма и международной солидарности.

В самом деле, интеллигенция, не производящая сама материальных ценностей, фатально связана с господствующими классами общества и легко усваивает их интересы, как свои. Благодаря работе «в одиночку», среди интеллигенции не может развиваться солидарность интересов, наконец, в то время,

как рабочий продает свою физическую силу, интеллигенция закабалется духовно.

Все эти объективные условия и порождают основные психические особенности интеллигенции, а именно: 1) неспособность проникнуться всецело социалистическими идеями, 2) тяготение к средней примиренческой линии между буржуазией и пролетариатом и 3) крайний индивидуализм у некоторых ее представителей.

Заметим, что все эти особенности одинаково присущи, как интеллигенту, так сказать, по рождению, так и деятелям всевозможных рабочих профессиональных и политических союзов, хотя бы они и вышли из пролетарской среды. Отрываясь от природной среды часто на всю жизнь, они легко делаются партийными чиновниками, рабочими бюрократами, теряющими все свои классовые особенности.

Вышеуказанные черты групповой психики объясняют ту роль, которую сыграла интеллигенция в росте и упадке 1-го и 2-го Интернационала.

Уже в период 1-го Интернационала начался процесс углубления капиталистического строя, образование больших национальных государств и оживленной парламентской деятельности.

Интеллигенция, ставшая тотчас же во главе демократического и национального движения, увлекла за собой рабочие массы и вызвала внутренний кризис в 1-м Интернационале.

С образованием в 1889 г. 2-го Интернационала, эти тенденции еще более усилились и совершенно изменили его структуру, превратив его в федеративную организацию, преследующую, главным образом, государственно-национальные задачи, поскольку они находят отражение в парламентской деятельности.

С другой стороны, и сама интеллигенция испытала внутренний конфликт вследствие все растущего противоречия между ее социалистическими убеждениями и буржуазной, пропитанной национализмом и индивидуализмом, психикой. Конфликт этот нашел даже выражение в изящной литературе в виде борьбы «интеллекта и инстинкта», на практике же он породил новые, чисто интеллигентские течения в социализме, в роде политического сектантства, оппортунизма и немецкого ревизионизма.

Пролетарское движение все более и более попадало в руки социалистической интеллигенции, последняя же в свою очередь начала испытывать все усиливающееся влияние

буржуазной среды. Для иллюстрации этого достаточно указать на деморализующее влияние мелко-буржуазных избирателей на социалистических депутатов, разнородных по классовому составу подписчиков на партийную печать и т. д. и т. д.

Началась война, и национализм и многолетнее сотрудничество социалистической интеллигенции с буржуазией сказались во всей полноте.

Вожди рабочего движения заключают тесный союз с империалистической буржуазией, становятся ярыми националистами и увлекают за собой огромное большинство пролетариата, нанося таким образом смертельный удар Интернационалу.

Каковы же перспективы будущего для рабочего движения и какую роль должна играть в нем интеллигенция?

Война открыла новую эпоху в развитии капитализма и в борьбе с ним пролетариата.

Наступает эпоха боевого империализма, усиления диктатуры буржуазии (Клемансо, Ллойд-Джордж) и государственного социализма.

Социалистические партии в связи с этим уже сейчас резко разделяются на два враждебных лагеря — социал-империалистический и интернационалистический: «Силой традиций, интересов, привычек и всей современной обстановки под знамя социал-империализма толкаются массы интеллигенции, мелкой буржуазии и все уменьшающееся число рабочих. Интернационалисты же привлекают в свои ряды широкие массы пролетариата и теисключительные элементы из среды интеллигенции, которые окончательно освободились от влияния своей групповой среды и идейно и более или менее психически слились с пролетариатом».

Революционный социализм, конечно, создаст в ближайшем будущем 3-й Интернационал, но он будет сильно отличаться от своих предшественников. Его началами будут теперь: 1) демократический централизм, 2) международная политическая ориентация и 3) гегемония фабрично-заводского пролетариата.

Интеллигенция неминуемо потеряет свою прежнюю руководящую роль в рабочем движении и будет довольствоваться лишь ролью вспомогательной. Будут приняты все меры, чтобы не могла развиваться вновь рабочая бюрократия, чтобы широкие слои пролетариата приобрели политическую самостоятельность и самостоятельность.

По меткому слову Ф. Адлера: первое, чего надо достичь — это, чтобы массы были

поставлены в возможность быть осведомленными о политическом положении по мере его развития; чтобы они не являлись простым орудием, а интеллектуальным и моральным фактором борьбы; «чтобы они рассматривали своих доверенных людей не как вожаков, а как исполнителей пролетарской воли».

В.

Ильин, В. (Н. Ленин). Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 113. Ц. 2 р. 50 к.

Основные мысли, изложенные в этой книжке, осуществились в жизни еще до появления ее в свет. Октябрьская революция осуществила то «государство-коммуну», о котором тов. Ленин впервые заявил в своих апрельских тезисах 1917 г., которые он сделал программным требованием партии в последующей политический борьбе.

Но, несмотря на то, что этот лозунг вошел в систему наших основных требований, несмотря на то, что повседневный опыт учил понимать его содержание, все же теоретическое обоснование его было высоко необходимым. Масса партийных работников, даже прошедшая серьезную школу революционного марксизма, недостаточно ясно на первых порах разбиралась в содержании этого лозунга и в основных отличиях «государства-коммуны», этого «организованного в господствующий класс пролетариата» от демократической республики, за которую раньше — в пределах буржуазного общества — выступала партия. И эта неясность партийного сознания обяснялась тем искажением учения марксизма по вопросу о государстве, которое было обычным среди теоретиков и вождей 2-го Интернационала — Каутского, Плеханова и т. д., и которое невольно заражало революционное крыло рабочего движения.

По этой причине теоретическое обоснование революционно-марксистской точки зрения на государство необходимо было начать с двух сторон. Прежде всего, надо было путем исторических «раскопок» восстановить действительное учение основателей марксизма — Маркса и Энгельса — о государстве. Во-вторых, путем сопоставления с учением более «правоверных» марксистов — Каутского и Плеханова (не говоря уже о Бернштейне и К^о), надо было очистить марксистское учение о государстве от последующих оппортунистических наростов. И лишь после этого можно было развивать это учение дальше,

пользуясь тем новым, более широким опытом, который дали «народные», массовые революции 1905 и 1917 гг.

Книга т. Ленина посвящена двум первым задачам, и поэтому она имеет характер истории учения о государстве — характер, на первый взгляд, комментаторский и полемический.

Но это лишь на первый взгляд, ибо в ней уже использован новый опыт. Опираясь с марксистским «писанием» и «преданием», т. Ленин все время углубляет его новыми, более широкими постановками вопроса, опирающимися на старые. Поэтому, хотя т. Ленину не пришлось пока довести до конца намеченную работу (т.-е. подвести систематический итог и новейшему опыту), но и то, что сделано им, имеет огромное значение. И это тем более, что в эпоху всеобщей «оборонности» национальных «отечеств» борьба за освобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками на счет «государства», как правильно замечает автор.

В первой главе автор «восстанавливает» в правильном виде основную постановку вопроса Маркса и Энгельса о государстве, как продукте классовых противоречий и орудии подавления господствующим классом классов угнетенных. В последующих пяти главах он рассматривает, как постепенно углублялось на опыте революций XIX века (в особенности на опыте коммуны) учение о пролетарской диктатуре, т.-е. о той форме государственной организации, которую создает пролетариат, когда он завоевывает государственную власть.

Здесь — против оппортунистов автор прежде всего доказывает необходимость ломки старой государственной машины. Ибо если, по выражению Энгельса, государство после социалистической революции должно начать «отмирать», то отмирает уже по в а я машина, н о в а я власть, а не постепенно перерождающаяся старая (как утверждают оппортунисты). Точно также ломка старого государства не означает полного исчезновения сразу всей государственной организации (как полагают анархисты). Ее заменяет государственная власть пролетариата. О формах этой новой власти автор говорит преимущественно в главе III, рассматривая выводы, сделанные Марксом и Энгельсом из опыта коммуны. Здесь говорится об уничтожении постоянной армии и несменяемого, высоко оплачиваемого

чиновничества, о замене их вооружением трудящихся и системой выборных, сменяемых в любое время и оплачиваемых по пролетарской норме чиновников; об уничтожении парламентаризма и превращении представительных учреждений в «работающие корпорации, в одно и то же время законодательствующие и исполняющие законы» (Маркс), члены которых также сменяемы в любое время; об организации «единства нации» путем отказа от насильственного буржуазного централизма и перехода к «означательному, демократическому, пролетарскому централизму», который добровольно соединяет в строго централизованную систему массу самоуправляющихся коммун. Одним словом, обо всем том, что в более обширном и законченном виде ссуществлено на деле российской республикой советов.

Глава V («Экономические основы отмирания государства») посвящена «экономическому устройству «государства-коммуны», как начальной стадии социалистического развития. Кстати сказать, этот необходимо социалистический характер нового порядка, сменяющего буржуазное государство, не был осознан вождями парижской коммуны в том виде ее, который успел определиться весной 1871 г. (этого, кстати сказать, не отмечает т. Ленин).

В этой области автор указывает, как на главную задачу, стоящую перед пролетариатом—на организацию всенародного учета и контроля над производством и распределением. «Когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций» капитализма (в другом месте т. Ленин упоминает в числе последних и о части «рабочих, глубоко развращенных капитализмом»),—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением... что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычко й». «С этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще, начнется «отмирание всякого государства», «политического» и «экономического».

С этой точкой зрения автора мы не можем согласиться. Совершенно правильно, что когда все научатся управлять, исчезнет необходимость властвования; начнет отмирать

всякое государство. Но что значит «управлять», и сводится ли понятие хозяйственного управления только к учету и контролю?

У т. Ленина замечается любопытная разница в освещении политических и экономических задач пролетарской диктатуры. В области политической необходима (на переходный период) власть; в области экономической—учет и контроль. Спрашивается, кто же будет управлять производством, т.-е. не только вести учет сделанного, контроль предписанного (ибо контролировать можно только выполнение заданий), но и давать задания, составлять предварительный расчет производства и непосредственно руководить исполнением заданий?

Т. Ленин говорит о том, что после революции большинству общества надо «наладить контроль за ничтожным меньшинством капиталистов», «превращенными теперь в служащих» (стр. 95—96).

Из этого вытекает, что функция руководства производством, как будто, остается, хотя бы на первых порах, в руках капиталистов.

По этому поводу надо отметить, что тем самым в их руках оставляется «командная власть» (das Kommando des Kapitals—Маркс) в области производства, которая существует и составляет полную аналогию и даже одну из основ политической власти. Этой власти в их руках оставить нельзя.

Во-вторых, эта командная власть в переходный период необходима и пролетариату. Новому господствующему классу, в эпоху развала и перестройки всех общественных отношений, необходима экономическая диктатура, т.-е. не простой и пассивный учет и контроль, а активное распоряжение производством, на правах власти.

В-третьих, даже и в коммунистическом обществе руководство хозяйством не сведется к простому учету и контролю. Кроме учета, как уже сказано, есть расчет, т.-е. составление плана: планомерное ведение хозяйства есть основной признак социализма. А так как коммунистическое общество отнюдь нельзя себе представить в виде застывшего механизма, все время работающего по одному и тому же шаблону,—наоборот, оно все время растет и развивается,—то эта выработка постоянно изменяемого плана составляет особую и притом активную задачу.

Но еще важнее то, что массовое производство не может обходиться без делового руководства. Оркестр не играет без дирижера,

хотя дирижер и не является органом власти, а только руководителем данной функции, временным единоличным воплощением общественной связи между людьми, занятыми одной и той же работой.

В понятие управления входит поэтому техническое деловое руководство производством, и эта функция не может отмереть с переходом к коммунизму.

Т. Ленин цитирует слова Энгельса: «Общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (стр. 95), и полагает, что Энгельс здесь говорит о «сведении государства в главнейшей его части к такому учету и контролю». Администрация-управлению, и Энгельс здесь ясно говорит о том, что управление (в указанном нами техническом, деловом смысле) сохраняется. Само собой разумеется, нет никакой надобности, чтобы сохранилась и профессия «управителей». Она, конечно, исчезнет, ибо все «научатся управлять». Но не только в смысле обучения всех «учету и контролю», а также и в смысле обучения всех расчету производства и деловому руководству им через различные бюро, комитеты и пр. Здесь, в этих бюро, управители будут сменяться, как дирижеры сменяются в оркестре.

На этом пробеле в построении т. Ленина мы остановились так подробно потому, что он может быть и уже был источником многих теоретических и практических недоразумений.

Но этот пробел—почти единственный. Во всех остальных отношениях книга представляет образчик глубины, выдержанности, простоты и ясности построения и изложения. Ее надо горячо рекомендовать самым широким кругам читателей (для которых она, как и все книги Ленина, как все классические работы, вполне доступна). И можно только с нетерпением ожидать появления дальнейших книг т. Ленина по тому же вопросу.

Н. Осинский.

Крупская, Н. Народное образование и демократия. П. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 133. П. 2 р. 50 к.

Вопросы строительства новой школы перешли из области платонических пожеланий в жгучую, очередную потребность текущего дня и ближайшего будущего. Тем острее стоит вопрос об основных принципах новой школы, о духе и направлении ее, как это мыслится рабочей демократией.

К сожалению, литература по данному

вопросу крайне бедна, а общий низкий уровень педагогического образования даже в тех кругах общества, которые ближе всего стоят к миру школы, усугубляют трудность положения работников в деле строительства новой школы.

Из числа немногих трудов, посвященных выяснению затронутых вопросов, ярко выделяется книга Крупской: «Народное образование и демократия».

Социалистическая школа мыслится трудовой, соответственно трудовому характеру социалистической организации.

На целом ряде ярких примеров автор показывает тесную зависимость различных стадий в развитии идеи трудовой школы от экономического развития.

Попытки практической постановки соединения обучения с производительным трудом были еще в конце XVIII и начале XIX века. Идеями и практическими выразителями нового течения были Руссо, Песталоцци, Фелленберг, Оуэн, Кондорсе и др.

Руссо установил следующие взгляды на труд и его воспитательно-общественное значение:

1) Труд есть общественная обязанность каждого: образование должно научить трудиться.

2) Труд есть средство развития умственных сил ребенка. Цель детского труда—не результат этого труда, а его воспитательное значение для ребенка.

Важно не профессиональное образование, а политехническое, преимушества которого состоят: во 1-х, в подготовке к любой профессии, во 2-х, в расширении умственного кругозора ученика и выработке способности объяснить и правильно оценить соотношения частей, а также найти правильное мерило для оценки общественных отношений, покоящихся на труде, и тем самым составить истинное представление о существующем общественном порядке.

Песталоцци, Оуэн, Лавуазье и др. углубляли эту идею, внося в нее видоизменения.

Тем не менее, ей суждено было возродиться и стать действенной силой лишь в самое последнее время, в период высшего развития капиталистического строя.

В продолжение же XIX века и в преобладающей степени еще и теперь парила и парит не школа труда, а «школа учебы», «школа книжная, в которой ученики смиренно сидят на партах и слушают, что говорит на кафедре учитель; школа, где ничего не преподается, кроме книжных знаний, имеющих очень слабое отношение к живой действительности, где индивидуальность учеников всячески подавляется, и, путем строгой внешней дисциплины, они превращаются в какие-то машины для восприятия бесконечного числа сообщаемых им сведений».

Причина возобладания механизированной школы учебы объясняется, по мнению Крупской, потребностями той фазы промышленного развития, какую переживали

европейские государства в XIX веке. В этой фазе еще не было спроса на квалифицированный труд. «Нужен был не умелый, понимающий весь процесс в целом, инициативный, самостоятельный рабочий: нужен был послушный, исполнительный, необученный чернорабочий, от которого не требовалось ни особенной физической силы, ни сообразительности, ни искусства, а только аккуратность, выдержка, терпение, выносливость. Такого рабочего и воспитывала школа-учеба».

Далее автор показывает, как экономическое развитие неизбежно вызвало необходимость превращения школы-учебы в школу труда. Промышленное развитие, предъявившее спрос на политехнически образованного, инициативного, интеллигентного рабочего, выдвинуло необходимость создания трудовой школы.

Америка, первая достигшая высших форм технического прогресса в промышленности, первая пошла и по пути создания трудовой школы, образцы которой она сейчас дает всему миру.

Являясь во всех отношениях образцовой и достойной глубокого изучения и воспроизведения, американская трудовая школа тем не менее есть отпрыск капиталистической культуры и, как таковая, в сущности, при помощи новых методов преследует старые цели — готовить наилучших работников для нужд капиталистического хозяйства.

Принципы трудовой школы лишь тогда смогут проявиться во всей чистоте и значительности, когда школа перестанет быть орудием, направленным против интересов рабочей демократии.

«Лишь рабочая демократия может сделать школу труда орудием преобразования современного общества», — так заканчивает свою чрезвычайно интересную книгу т. Крупская.

Остается лишь пожелать самого широкого распространения этой книге, яркой, живой, интересной и будящей мысль. (И. Ф. Журнал Отдела Народного Образования Западной Области, 1918 — 2/3 г.).

Мы горячо рекомендуем небольшую работу Н. Крупской. В переживаемый нами момент строительства народного образования она несомненно даст много в высокой степени нужных указаний и предостережет от многих могущих произойти в слышной работе ошибок.

Рассмотрев педагогические теории Ж.-Ж. Руссо, Песталоцци, Фелленберга, Роберта Оуэна, главным образом основную идею, общую всем авторам, о роли физического труда в деле воспитания и о необходимости осуществить широкое политехническое образование, столь необходимое для народных масс, автор останавливается на попытках Великой Французской Революции осуществить планы великих педагогов путем законодательства.

Автор ясно сознает, что те блага всеобщего политехнического образования, которые выпадают на долю рабочего

класса, буржуазия стремится уравновесить своим влиянием на молодежь и выделением наиболее талантливых рабочих в особый привилегированный слой рабочей аристократии. Но он убежден, что, по мере своего расширения, политехническое образование станет общим достоянием. «Оно поднимет общую интеллигентность рабочего класса и превратится, таким образом, в средство преобразования существующего строя в социалистический». Но для этого пролетариат должен вмешаться в школьное дело самым активным образом. (В. Народное Просвещение. 1918 г. № 3).

Милютин, В. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата. (1914—1918 гг.). М. Изд-во Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., С. Кр. и К. Депутатов. 1918. Стр. 112. Ц. 1 р. 50 к.

Россия переживает в настоящее время период диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Произошло непонятное и неожиданное для всего мира явление: политическая и экономическая власть перешла в руки пролетариата в наименее развитой и экономически отсталой стране.

Объясняется это целым рядом исторических и общественных причин, среди которых на первом месте стоит война.

«Всемирная война является, по словам К. Каутского, только одной альтернативой современной, стоящей на краю гибели, всемирной торговой системы; вторая альтернатива, это — социалистическое общество». (Стр. 43).

Автор дает картину изменений в отношениях классов и отдельных групп населения, приведших Россию к диктатуре пролетариата, являющейся непременным условием осуществления социализма.

Подготовка этого была вызвана всей предшествующей политикой, при чем общественно-экономическая жизнь России распадается за время войны и революции на три периода.

В течение первого из них мы видим упадок промышленности — закрытие фабрик и заводов и массовую безработицу. Его сменяет период военной индустрии, продолжавшийся с лета 1915 г. до февраля 1917 г., и третий период буржуазной революции, продолжавшийся до октябрьских дней.

Этот период ознаменовался соглашательством с буржуазией и параличом какой-либо активной плодотворной деятельности в то время, когда для спасения страны от после-

военного паралича необходимо было максимальное напряжение сил.

Вместо этого представители так называемой демократии отказывались от самостоятельного творчества и робко оглядывались на буржуазию.

Пролетариат перешагнул через все попытки соглашательства и начал строить собственную жизнь, несмотря на те тяжелые условия, в которых пришлось вести эту работу.

«Диктатура пролетариата в России находится в своем начальном, первичном периоде развития, в ее проявлениях много несовершенства, много даже крупных, может быть, ошибок, но она жизненнее и сильнее всякой иной системы в условиях существующей действительности». (Стр. 49).

Бесспорно, внешние условия весьма неблагоприятны для строительства Советской власти. Главная трудность заключается в том, что от России оторваны области, имеющие самое серьезное значение для ее экономической жизни, — Украина и Донецкий бассейн.

Автор не считает положения с топливом и сырьем таким серьезным, как оно есть, и слишком оптимистически смотрит на возможность товарообмена с Украиной. Так, например, он приходит к выводу, что «мы получим в 1918 г. до 70 милл. пудов железа и стали, а с запасами мы будем иметь около 82—83 милл. пудов железа и стали. Подводя подсчет, я прихожу к выводу, что мы будем иметь возможность удовлетворить целиком нашу потребность в железе и стали». (Стр. 58).

Действительность опровергает эти надежды автора, и мы переживаем полосу острого металлического голода.

Несмотря на дефекты в подсчете реальных средств и возможностей, автор приходит к совершенно правильному выводу о дальнейшей экономической политике Советской власти.

«Основа, на которой должна строиться наша экономическая политика, есть власть пролетариата, который учитывая объективно всю экономическую обстановку, в которой находится сейчас страна, должен проводить дальнейшее укрепление социалистического строя и только этим он может вывести страну на путь здоровой экономической жизни». (Стр. 59).

В действительности пролетариат и Советское правительство взяли правильный курс на национализацию промышленности.

Максимальную самостоятельность проявили низы: из 521 национализированных предприятий большая часть была национализирована

Областными Советами Народного Хозяйства — 271 предприятие, или 51,4%, затем следуют местные организации (губернские и уездные), национализовавшие и секвестровавшие 123 предприятия, или 24%, и меньше всего национализировано и секвестровано было из центра — Сов. Нар. Ком. и Выс. Сов. Нар. Хозяйства — всего 100 предприятий, или около 20%. (Стр. 86).

Широко проводимая национализация промышленной жизни должна была иметь своим логическим последствием национализацию внешней торговли и довершение этого сложного процесса, в виде изъятия всех предприятий из рук частных предпринимателей и передачу их народу.

«Необходимо было вывоз этих продуктов и предметов первой необходимости немедленно взять в руки государства и поделить его исключительным правом вывозить необходимые количества этих товаров (жизненные припасы и сырье)». (Стр. 78).

Эта мера была неизбежна в виду реальной опасности опустошения Советской России от всех ее запасов и богатств.

В течение 8—9 месяцев Советской власти мы неуклонно шли к обобществлению производства.

Определенными этапами этого продвижения является национализация целых областей промышленной жизни — Урала, Волжского и Наливного флота, банков, нефтяной промышленности и, наконец, акт 28-го июня.

Автор дает картину борьбы пролетариата за экономическую и политическую диктатуру. Он бросает взгляд на то, что уже достигнуто, и намечает ближайшие вехи дальнейшего развития.

Как попытка анализа и синтеза событий, брошюра интересна и полезна, но к цифровому материалу приходится отнестись критически.

Брошюра хорошо издана, написана популярным языком, читается легко, т. е. обладает всеми условиями, необходимыми для широкого распространения.

Р. Арский.

Павлович. М. (М. Вельтман). Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 79. Ц. 2 р.

Сжато написанная и чрезвычайно ценная по своему цифровому материалу, книжка М. Павловича представляет из себя один из выпусков задуманной им серии научных моно-

графий, посвященных выяснению «основ империалистической политики и мировой войны».

Нынешняя война,—справедливо замечает он,—определяется прежде всего не количеством солдат, а «числом лошадиных сил, которое каждая из борющихся держав может мобилизовать в своих промышленных предприятиях и противопоставить врагу».

Каково же количество лошадиных сил, которыми располагала Франция к концу XIX столетия? В политико-экономической литературе до самого последнего времени существовало мнение, что Франция находится в периоде упадка, вырождения, должностующего низвести ее в ранг 4-х степенных держав.

Автор книги доказывает всю ошибочность этого взгляда, блестяще опровергнутого войной. Временный упадок Франции в течение трех последних десятилетий XIX в. объясняется, главным образом, бедностью ее углем и годным для утилизации железом, благодаря присутствию в последнем фосфора.

Однако, в настоящее время, после открытия Томаса Джилльхриста, «очистившего» железо от вредоносных примесей, Франция стала по богатству железом первой страной в Европе. Что же касается бедности каменным углем, то недостаток его возмещается необычайным богатством «белого угля», т.е. водной гидравлической силой.

Таким образом, все говорит за то, что наш век сулит Франции не вырождение, а наоборот, мощный экономический расцвет, признаки которого выступают ясно уже в происходящей войне.

Другой более серьезной причиной, способствующей отсталости Франции, является ее империалистическая колониальная политика. Увлечлись погонею за экзотическими колониями в Африке и Азии, которые обходятся стране ежегодно в несколько миллиардов франков. Франция лишила себя тех средств, без которых немисливо нормальное развитие ее самой.

В то время как в Мадагаскаре или в Тунисе строятся огромные порты, пристани самой Франции остаются до сих пор в примитивном состоянии, а ее огромная речная сеть ежегодно мелеет и совершенно не соответствует нуждам водного транспорта.

Война опять-таки ярко вскрыла оба эти обстоятельства и вынудила французское правительство предпринять ряд сложных работ в этом направлении, переначивая при этом, конечно, сотни миллионов франков.

Вообще все будущее Франции зависит от правильного разрешения ее колониального вопроса, который в настоящее время играет роль «касторжного ядра, мешающего экономическому прогрессу государства и служащего лишь «свокорыстным интересам кучки капиталистов, паживающих миллионы на счет промышленного регресса собственной страны».

В. Г.

Степанов. И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 143. Ц. 2 р.

Брошюра написана живо и интересно и затрагивает весьма важный, для рабочего класса, вопрос.

«Уже давно все условия властно толкали его (рабочий класс) к организации контроля над производством и распределением, а теперь все условия с меньшей властностью требуют урегулирования всех производственных и распределительных отношений» (Стр. 1).

Российскую революцию и требования пролетариата, касающиеся экономических условий, автор подразделяет на два периода: в первый из них, до октябрьских дней, центр тяжести лежал в требовании рабочего контроля, после октября переместился в требование регулирования всей промышленности и хозяйственной жизни.

Первый период был более трудным, так как рабочие не умели еще подходить к хозяйственной жизни и только учились управлению ею на контроле.

Во втором периоде приходится заниматься «социалистическим регулированием» (Стр. 15).

Между прочим, по мнению автора, до сих пор этим никто не занимался: рабочие заботились только о существовании своего завода, нисколько не думая об общем экономическом положении страны.

Между тем общее расстройство экономической жизни продолжалось. «Пока не принято мер к решительному урегулированию всей промышленности, экономическая разруха будет давить нас с каждым месяцем больше». (Стр. 27).

По мнению автора, рабочие вели нерациональную экономическую политику, и эти ухудшали положение промышленности.

«Для того, чтобы страна экономически развивалась, необходимо, чтобы хотя часть прибылей, отбираемых обществом у капиталистов, шла на постройку новых железных

долог и заводов, на улучшение и расширение старых и т. д. В действительности же значительная часть прежней капиталистической прибыли просто переводится в фонд потребления рабочего класса». (Стр. 36).

С этим положением автора вполне согласиться нельзя, так как он берет факты, не анализируя условий, создавших их. Также необоснован вывод автора относительно того, что рабочий контроль уже не нужен.

«Рабочий класс должен проникнуться сознанием, что контроль изжил свое время; что соглашению с предпринимателями теперь вообще нет места, что действительно, приходится создавать всю жизнь на новых началах». (Стр. 47).

Это неверно потому, что контроль совсем не является соглашением с предпринимателями, а шагом в борьбе за новый строй общественной жизни.

Регулирование должно охватывать не только промышленно-фабричную, но и сельскохозяйственную жизнь. Особенно важно установить правильные взаимоотношения между крестьянством и городским населением, так как в противном случае грозят серьезные экономические осложнения.

Первоначально пролетарское Правительство применяло по отношению к крестьянам принципы уравнительного землепользования и пресловутую социализацию земли.

Эти меры дали отрицательные результаты для строительства жизни, и объективными фактами выдвигается совершенно другая система землепользования—национализация земли.

В этом отношении в земледелии мы идем по тому же пути, что и в промышленности, т. е. по пути национализации.

Свое отношение к национализации земли автор формулирует так: «Центром нашего внимания делается общественно-организованное крупное производство, через которое мы только и перейдем к социалистической организации всего общества» (Стр. 89).

Это положение в равной степени относится и к промышленности и к земледелию.

Кроме того, распределение земли по елкам не уничтожает дальнейшего расслоения деревни. Эта борьба вскрывает действительный характер революции и ее социальные корни.

Взаимоотношения в процессе революции сильно видоизменились, но и теперь важно и необходимо, чтобы рабочий получал не меньше средств существования, чем он получал до войны». (Стр. 177).

К этому необходимо стремиться, но пока этого не удастся достигнуть.

Более или менее полное осуществление этого получится лишь тогда, когда удастся урегулировать промышленные отношения и наладить взаимоотношения с деревней.

Это—та широкая программа, которую старается последовательно и неуклонно проводить Совет Народного Хозяйства. Начало же этому строительству было положено именно рабочим контролем и той организацией, которая была создана для проведения его.

От контроля нельзя так легко отказываться, как это делает автор. Еще долго, вероятно, его придется применять во многих отраслях промышленной жизни, видоизменяя его в зависимости от общей экономической конъюнктуры.

Р Арский.

История.

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Азия и ее роль в мировой войне. П. Изд. газ. «Новая Жизнь». 1918. Стр. 71. Ц. 1 р. 75 к.

Брошюра М. Павловича посвящена вопросу огромной важности—значению азиатского вопроса в международной политике последних десятилетий. Как известно, настоящая война явилась в значительной степени результатом пресловутого «Drang nach Osten», т. е. стремления на Восток, обуявшего все великие державы от Германии и до Японии.

Чем же вызвано это упорное стремление утвердиться на древнем континенте Азии, которое обыкновенно окутывается пеленой историко-культурных стремлений и задач?

Основой колониальной политики всех капиталистических государств является прежде всего «рельсовый» вопрос, борьба за так называемые железнодорожные концессии, т. е. за монопольное разрешение тому или иному государству проводить рельсовую дорогу на данной территории.

Павлович и рассматривает рельсовую политику держав в Малой Азии, т. е. политико-экономическую историю Багдадской и Сев.-Анатолийской железных дорог.

Мы видим здесь ряд своеобразных комбинаций, необычайно характерных для современных капиталистических государств.

Франция и Англия, упорно враждующие с Германией по целому ряду вопросов, выступают в то же время «пайщиками» последней при проектах проведения Багдадского ж. д. пути. Французские капиталисты финансируют с этой целью «Дейче Банк», англичане же почти накануне войны подписывают договор с Германией о Багдадской дороге, удовлетворяющий почти все притязания крайних немецких империалистов относительно этой концессии.

Вообще, в англо-франко-германских конфликтах из-за Багдадской дороги мы имеем не борьбу между конкурентами, а скорее «споры, пеллады, трения между компаньонами

одного и того же коммерческого предприятия».

Лишь интересы России и Германии в вопросе о железных дорогах в Малой Азии оказались совершенно непримиримыми, благодаря традиционной русской политике, стремящейся удерживать Турцию в состоянии экономической отсталости и политической слабости.

Русская империя систематически препятствует багдадским планам немцев, пока этот конфликт не приводит вместе с другими к грандиозному мировому столкновению.

Таким образом интересная и содержательная книжка Павловича приводит нас к заключению, что, «поскольку речь идет о турецком наследстве, о роли этого фактора в мировой войне, последняя прежде всего явилась фатальным последствием русско-германского антагонизма в османском вопросе».

В. Г.

Покровский, М. Франция до и во время войны. П. Изд. газеты «Новая Жизнь». 1918. Стр. 110. Ц. 2 р. 25 к.

Небольшая книжка М. Н. Покровского о Франции является одним из выпусков интересно задуманной серии, характеризующей европейские и вне-европейские страны до и во время войны. В целом виде, так, как она была задумана, серия не осуществилась; отдельные части ее появились в различных изданиях (так, напр., введением к ней служит известная книжка Н. Ленина об империализме). Появившиеся книжки серии восполняют существенный пробел нашей популярной литературы, в период паризма весьма бдительно охраняемой по части затронутых в серии проблем.

М. Н. Покровский в своей работе дает общий очерк хозяйственного, социального и политического уклада Франции ко времени начала настоящей войны, а также отмечает те изменения, которые внесены войной в ее первые годы. Как и все, что выходит из-

под пера Покровского, очерк написан мастерски, при чем особую ценность ему придают тонкие и остроумные, непосредственные наблюдения автора, в течение ряда лет невольного обитателя берегов Сены.

Можно лишь указать, что первая глава, характеризующая особенности экономической жизни Франции и происходящих в ней за последнее время изменений, составлена несколько кратко и схематично; следовало бы или сократить ее еще больше, слив со второй главой, или подробнее и обстоятельнее развить затронутые вопросы.

Вторая глава, трагующая о французском капитализме, особенно о кинтализме в его новейшей фазе, весьма любопытна; следует отметить страницы, посвященные роли банков в международной политике третьей республики. Жаль только, что автор, стесненный размером книжки, не мог остановиться на колониальной политике правящей французской буржуазии; проблема «колониальной Франции» в настоящее время очень и очень выдвигается на передний план. Не всегда здесь можно говорить, как это часто делается, о «сытом» империализме.

Третья глава о политическом строе представляет ряд ярких и красочных примеров

того, к чему сводятся на практике громко декларированные принципы буржуазной демократии. Чрезвычайно удачно отмечены «бонапартистское» настроение и политическая роль клерикализма.

Наиболее свежий и интересный материал дает четвертая и заключительная глава, характеризующая социалистическое движение. Очертив яркими штрихами основные этапы социалистического движения от великой революции и по объединительный конгресс социалистической партии, автор подробно останавливается на новейшей фазе развития рабочего движения и его отражения в общем ходе общественно-политических отношений.

Заключительные страницы касаются тех, уже весьма существенных перемен, какие внесли первые годы и в социально-экономические и в политические отношения. Здесь, однако, лишь намечаются вопросы, еще ожидающие своих ответов.

Книжку Покровского, доступную по цене, можно рекомендовать самому широкому распространению; она прямо необходима в библиотеках культурно-просветительных общественных организаций

И. Николн.

Критика и история литературы

Фриче, В. Пролетарская поэзия. М. «Денница». 1918. Стр. 82. Ц. 1 р.

До сих пор пролетарская поэзия вместе с той жизнью и средой, из которой она выросла, оставалась, по большей части, за порогом историко-литературного изучения. Задачей небольшой книжки Фриче является дать краткий очерк ее истории. Правда, краткость и конспективность этого очерка делают его лишь введением к действительному изучению, но самый перечень имен уже служит вехами, по которым может идти исследователь. Среди перечисленных авторов есть и такие, которые почти не появлялись на

страницах критики, есть и такие более или менее известные певцы рабочей доли, как Э. Эллиот, Пьер Дюпон, автор «Интернационала» Эжен Потье, нежная и сильная душой Ада Негри, поэт камня и железа Верхари. Из русских упомянуты Шкудер, Печасов, Савин, Розенфельд.

Вместе с характеристикой поэтов, автор даст беглый обзор их эпохи и различных моментов рабочего движения. Книга читается легко. Ее оживляют цитируемые автором отрывки из оригинальных произведений и переводов.

В. С.

Искусство.

Керженцев В. Творческий театр. Пути социалистического театра. П. «Книга». 1918. Стр. 71. Ц. 2 р.

Книга Керженцева принадлежит к числу заслуживающих большого внимания сочинений, вышедших в свет уже в молодой, революционной России. В ней—не только критика существующего театра, переданного нам по наследству от старого строя, в ней—попытки создания театра нового, предначертания будущих путей.

На смену старому статическому театру должен прийти театр новый, «творческий», динамический, где бы не было профессионалов, раз навсегда закрепленной фабулы и определенного места для исполнения, но, сливая жизнь зрителей с жизнью актеров, сценой служили бы то площадь, то перекресток, то склон горы, то опушка леса,—сама пьеса являлась бы плодом свободной, коллективной импровизации, а исполнитель—выступивший из рядов зрителей гражданин, который завтра вернется к своим обычным занятиям, уступив место другому. На этом пути могут воссоединиться актер и зритель, отсюда изойдет новое, чуждое буржуазным эпохам, коллективное, соборное, всенародное творчество. Другим должен быть и репертуар такого театра: с героическими индивидуальностями и захватывающей жизнью масс.

Стремление к такого рода сценическому искусству в человечестве было и есть: от древней трагедии оно идет к средневековым мистериям. В наше время намеками на него могут служить так наз. «пэджентъ» в Англии (массовые постановки под открытым небом).

Многое в точках зрения автора еще связано со старыми традициями, не освободилось от них, они словно не дают автору досмотреть до конца раскрывающиеся перед ним перспективы, рассказать о действительно социалистическом театре, с совершенно новым бытом, новой психологией и актера и зрителя.

Поэтому и его пролетарский театр (на что уже указывала критика) было бы правильное характеризовать, как и преддверие к социа-

листическому театру, как то русло, через которое истекут в будущее новые замыслы и осуществления.

Но пусть социалистический театр автором в конкретных формах еще не предуказан: от его книги веет свежестью растворенных дверей и окон, после нее театр становится вновь убедительным и захватывающим, хочется в него идти и для него работать.

Написана книга легким, острым, живым стилем, в ней много полезных наблюдений и метких характеристик.

Она может быть рекомендована, как одно из основных сочинений о новом театре.

Вера Станевич.

Мелос. Сборник статей о музыке под ред. Игоря Глебова и П. П. Сувчинского. Книга 1-ая. П. 1917. Стр. 133. Ц. 6 р. 50 к.

Музыка не особенно была богата литературой и в прошлом,—теперь же, в связи с переживаемым книгой кризисом, прекратилось и то немногое, что выходило в свет. Так, перестали выходить журналы—московский «Музыка» и петроградский «Музыкальный Современник»,—один из немногих хороших у нас журналов по искусству вообще.

Поэтому особенно радостно приветствовать выход в свет сборника статей о музыке «Мелос», под редакцией ушедших из «Музыкального Современника» Игоря Глебова и П. П. Сувчинского,—сборника, явившегося как бы на смену окончивших свое существование журналов.

Будучи единственным теперь в области музыкальной литературы явлением, сборник объединяет имена почти всех выдающихся теоретиков музыки нашего времени.

Среди статей сборника особенно хочется отметить статью о ритме М. Сабанеева, чулы ли не единственную по этому вопросу (если не считать некоторых трудов В. Л. Яворского и «Символизма» Андрея Белого, давно уже исчезнувших из продажи). Статья написана, к сожалению, недостаточно серьезно, носит немного фельетонный характер, как и все.

что выходит из-под пера этого талантливого, но не лишнего поверхностности, критика.

Не затрагивая вопроса с достаточной глубиной, автор дает ряд субъективных определений ритма, не лишенных значительного интереса и остроумия. Придерживаясь метода познания эмпирического, автор—через разложение основных форм искусства на составные их части («эстетические атомы и потенциалы») пробует дать понятие «художественного ритма» не только во временных формах искусства, но и пространственных. Таким образом, «ритм есть принцип наименьшего действия в искусстве»; из этого определения вытекает и понятие формы и содержания: «форма есть... воплощение идеи ритма в произведении. Содержание же есть явленный в этом произведении эстетический потенциал целого». И поэтому—«форма должна поглощаться содержанием, ибо иначе принцип ритма не воплотится и само содержание... падает».

Тут же, наряду с определением ритма, автор дает ряд законов о свойствах эстетических потенциалов и определения метра, формы, стиля, гения и т. п.

Статья читается легко и с интересом, как, впрочем, и все, что пишет Л. Сабанеев.

Кроме разобранной статьи, необходимо отметить статьи и заметки Н. Як. Брюсовой, давшей краткую и сжатую, но глубокую и сильную характеристику творчества Шопена и Скрябина; Н. О. Лосского, философа, строящего миропознание на интуитивном творчестве, и передовую статью Игоря Глебова.

Весь сборник производит весьма отрадное впечатление, как своим содержанием, так и своей внешностью—бумагой и печатью—довольно неожиданной для нашего времени. Будем с нетерпением ждать последующих выпусков.

Г. Щ.

Художественная литература

Богданов, А. Красная звезда. Роман-утопия. М. Изд. 2-ое «Кн-ства писателей» в Москве. 1918. Стр. 174. Ц. 4 р. 50 к.

Богданов, А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. М. Изд. 2-ое. «Волна». 1918. Стр. 143. Ц. 4 р. 50 к.

Среди произведений, пытающихся изобразить жизнь будущего человечества, книга А. Богданова может занять видное место — и потому, что его утопия не представляет собой праздной болтовни фантазирующего человека о том, что будет через 100 или 500 или 1000 лет, и потому, что она читается с почти захватывающим интересом. Очень часто фантазии о будущем пишутся авторами без определенного целостного взгляда на жизнь, авторами без нравственного идеала, и в них рассказывается о будущих чудесах, техниках, о будущих формах общественного быта такое, что не соответствует ни развитию науки, ни ходу исторического процесса, ни каким-либо прогрессивным течениям общественной мысли. Иногда романы-утопии, как, например, произведение Беллами «Через сто лет», бываю написаны серьезно, с точки зрения общественного идеала, но скучно.

А. Богданов сумел свою утопию написать так, что она является удачной попыткой представить будущую жизнь человечества с точки зрения научного социализма. Он изображает грядущий общественный строй сообразно тому, что намечается уже в настоящее время. Будущее человечество А. Богданова не делится на отдельные породы, оно говорит на одном языке, более гибком и выразительном, чем современные языки, оно не делится на взаимно враждующие классы, почти не имеет различий в бытовой жизни между мужчиной и женщиной. Будущее человечество проникнуто духом коллективной солидарности (общественного сотрудничества), и нет надобности поэтому в законах, которые обуздывали бы злую волю отдельных его членов. Воспитание успешно борется с теми не-общественными инстинктами: чувством собственности, жестокостью,

которые, по законам наследственности, проявляются иногда в детях. Дух общности так силен в человечестве будущего, что у него уже нет места великим людям. Отсутствие внутренней борьбы, сохраняя много сил, делает будущее человечество весьма могущественным в борьбе с природой.

Так представляет будущее человечества А. Богданов с точки зрения социалистического идеала. Интересным же роман делают, помимо того, что он написан легко и просто, такие подробности, как путешествие героя романа Леонида на планету Марс, где он наблюдает жизнь марсиан, жизнь сходную по своему типу с нашей земной, но уже достигшую социалистической ступени развития; роман Леонида с марсианкой Нэтти, его возвращение на землю, после того, как в отсутствие Нэтти, отправившейся в ученую экспедицию на Венеру, он, не выдержав напряженности жизни на Марсе, сначала заболел, а потом, повинувшись земному инстинкту ревности, убил прежнего мужа Нэтти, его участие в революции по возвращении на землю и т. п.

Книгу А. Богданова можно смело рекомендовать и как интересную и как полезную, поскольку она изображением идеального, но в той или иной мере осуществимого будущего может вдохнуть бодрость в нас, утомленных жестокой международной и социальной войной.

Во второй своей книге, «Инженер Мэнни», А. Богданов рассказывает о тех временах жизни на Марсе, когда там, подобно тому, как сейчас это происходит у нас на земле, разлагался капитализм и в тяжелых муках рождался социалистический строй. Рассказ ведется от имени Леонида, снова увезенного Нэтти на Марс и начавшего там работу по сближению двух миров, Марса и Земли.

И эта вторая книга А. Богданова читается также с интересом.

А. Ам — ский.

Сборник пролетарских писателей под ред. М. Горького, А. Серебрякова и А. Чюгына. П. «Парус». 1918. Стр. 207. Ц. 3 р.

Трудно создать искусство новое по духу, а не только по темам; может быть это возможно лишь, как результат целой эпохи: лучших писателей помещичье-буржуазная эпоха дала по истечении многих веков своего существования.

Сборник пролетарских писателей является таковым именно скорее только по темам. Приемы и манера письма большинства его участников, за исключением Дозорова-Гастева еще чисто интеллигентские; это—новые мысли о людях, но не новые переживания. не новые люди. У некоторых авторов (И. Дозоров-Гастев, Всев. Иванов, Н. Рыбацкий, М. Радлов) есть повизна и свежесть в языке; их вещи—лучшие во всем сборнике, особенно рассказ Радлова, полный живого внутреннего трагизма и какого-то действительного касания к патристическим и тайным содогонам согрешившей души; рассказ М. Чернокова «Вольница» испорчен слишком большой анекдотичностью содержания.

Из поэтов сборника следует отметить М. Герасимова, К. Олинцова и Ив. Морозова, хорошо владеющих стихом и не чуждых эстетизма. Но именно этот-то эстетизм и переносит книгу в разряд нечистых и интеллигентских, ибо от нее хотелось бы, пусть даже «некрасивых», косяноязычных и грубых, но все-же мощных слов.

В. С.

Франс, А. Боги жаждут. Роман. М. «Универсал. библиот». 1917. Стр. 316. Ц. 3 р. 50 к.

Есть три пути для художественно-беллетристической передачи исторической эпохи или отдельного крупного события в жизни народа.

Первый путь состоит в описании психологии и действий реального исторического лица, героя, который как бы сконцентрировал в себе весь смысл происходящих событий.

Или вторым путем, наиболее трудным, художник воссоздаст жизнь и переживания народных масс, которые всегда являются настоящими деятелями всех великих событий, но деятелями безымянными, неоставляющими никаких следов своей психологии, интимной стороны совершаемых ими событий.

Наконец, путь третий, сочетающий два предыдущих, заключается в передаче событий

под углом зрения одного из участников и творцов их; художник проследивает здесь ход и психологию событий в жизни какого-либо скромного обывателя, рядового участника общественной жизни. Для великой французской революции образцом первой—«героической» романтики может служить роман О. Бальзака «Шуаны», до некоторой степени примером второй манеры—«коллективно-психологической»—хроника Эркмана-Шатриана «История крестьянина» и, наконец, образцом третьего беллетристического метода исторического «мещанского романа»—недавно вышедшее в русском переводе произведение А. Франса «Боги жаждут». Роман этот прямо-таки драгоценен для нас, благодаря поразительному сходству революционной эпохи, описываемой в нем, с событиями наших дней.

Мы видим Францию, переживающую родильные муки своей революции.

«Круг из железа, пламени и ненависти охватил огромный революционный город... Положение вещей было ужасно; лучшая армия республики была окружена в Майнце; Валансьен в осаде. Фонтаней взят вандейцами, в Лионе восстание; в Севернах возмущение, испанская граница обаяжна. Девять департаментов захвачены или объяты волнениями. Париж под выстрелами австрийских пушек, без денег, без хлеба». (Стр. 6, 7).

Подставьте вместо французских департаментов названия наших губерний, замечите Париж—Москвой и вы получите абсолютное гождество двух эпох, отделенных одна от другой столетием.

Кто же спас Францию от этой гибели, кто извлек ее из этого трагического положения?

«Маленькие люди», отвечает на этот вопрос, в полном согласии с исторической действительностью.—Анатолий Франс.

Это они, пылкие энтузиасты, шальные терпевцы, которые после каждого поражения подготавливали невозможный триумф.—они победили всю Европу. Эти маленькие люди, уничтожившие королевскую власть, опрокинувшие старый мир... они не осаждали крепости от своих врагов. У них был выбор только между победой и смертью. Отсюда их усердие и их спокойствие». (9 стр.).

Революционная биография одного из «малых сих», никому не ведомого якобинца и художника Эвариста Гемелена, и составляет содержание романа А. Франса.

Биография эта не изобилует внешними

событиями или глубокими душевными переживаниями.

Прямолинейный фанатик, исповедующий с первых страниц романа культ Марата и Робеспьера, верующий, что жесточайший террор приведет за собою царство добродетели и милосердия, наконец ненавидящий атеистов наряду с федералистами и сторонников равенства—наряду с роялистами. Эварист Гамелен без малейших душевных перемен и колебаний проходит перед нами всю свою карьеру от члена революционной секции «Нового моста» до присяжного революционного Трибунала, пока роковая тележка не уволит его на площадь Равенства для... гильотинирования.

Но именно эта непоколебимая твердость в проведении совершенно метафизических принципов в области политики, этот мрачный энтузиазм, имеющий в себе что-то религиозно-фанатическое, являющиеся основными чертами характера Э. Гамелена, всего ближе приближают нас к психологии великих революционеров 93 года, сумевших защитить завоевания революции от монархическо-дворянского заговора всей Европы, правда, залив ее потоками крови.

Для того, чтобы убедиться, насколько эпоха, описываемая А. Франсом, даже в мелочах, совпадает с нашей трагической действительностью, достаточно указать на ряд бытовых мелочей, которыми роман так и пестрит. Вот мы слышим бедную женщину, обвиняющую революцию в нищете и лишениях, и ее сына, объясняющего все эти несчастья прописками «скупищиков и биржевиков» (стр. 20). мы наблюдаем в лавке сцену (стр. 29), как продавщица тщательно изучает на свете ассигнацию, т. к. вся Франция была в это время наводнена фальшивыми деньгами, вот герой романа стоит «в хвосте» перед булочной, т. к. с установленным предельным цен зерно и мука тотчас же исчезли из продажи, «женщины с яростью работают локтями и бедрами, чтобы сохранить свои места или завладеть лучшими», «подходит наклейщик афиш и наклеивает на стену объявление об установлении мясного пайка» и т. п.

А вот выбранные наудачу два примера психологии парижской массы обывателей:

«Революция нарушила правильное питание во всех семьях, большинство граждан не имеет чем кормиться. Люди, которые, подобно Ж. Глез (крупному торговцу-спекулянту), раз-

живались при всеобщем бедствии, шли к рестораторам, где выставляли себя, обедаясь» (Стр. 137). Про того же Жана Блеза мы узнаем, что, «как и все контр-революционеры, он питал уважение к республиканским властям. А с тех пор, как на него донесли на мошенничество в деле Коставок на армие, революц. Трибунал стал внушать ему почтительный страх» (120 стр.) и т. п., и т. п.

Все эти факты, быть может и незначительные сами по себе, драгоценны в том отношении, что они приближают нас к истинной физиономии великой франц. революции, которая сейчас завалирована покровом сентиментальных фраз и чувствований и нарочитой идеализацией всех ее действующих лиц.

Сейчас очень распространено обыкновение (коренящееся, конечно, в глубоком невежестве) противопоставлять франц. революцию, как нечто красивое и благородное, нашей сермяжной русской революции.

Роман Ан. Франса, написанный, кстати сказать, еще до войны, дает возможность убедиться этим любителям благородных народных зрелищ, что все революции по внешним формам своим одинаковы и ни одну из них нельзя делать, оставаясь в «чистых перчатках».

В. Г.

И с х о д. Литературно-Художественный Альманах. М. «Художественный Клуб» 1918. Стр. Ц. 4 р.

«Исход» производит двойственное впечатление. Наряду с подлинно-футуристическими стихами таких «крайних» поэтов, как А. Мариенгоф, И. Старцев, мы встречаем здесь стихотворения, написанные «по старине» и в смысле формы, и в смысле содержания, принадлежащие Мандельштаму и Вирганскому.

Наиболее интересными в сборнике являются стихотворения А. Мариенгофа, которые несмотря на всю нарочитую изломанность формы их, обнаруживают, вместе с тем, свежее незатасканное поэтическое чувство.

Из стихотворений «Консервативных» лучшим является «Декабрист»—Мандельштама.

Наименее удачной частью Альманаха являются рисунки, написанные по обычному футуристическому трафарету. Издана книжка весьма опрятно и даже изящно.

Новые книги.

ФИЛОСОФИЯ.

Мысль и Слово. Философский ежегодник, изд. под ред. Г. Шпет. Кн. I. М. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. 1917. Стр. 435. Цена 11 р.

Оглавление: Г. Шпет: Мудрость или разум? — М. Гершензон: Мудрость Пушкина. — П. Шестов: Самоочевидные истины. — П. Блонский: Кн. С. Н. Трубецкой и философия. — А. Лазарев: Философия Бергсона. — И. Румер: Философия Шпета.

Критика: Е. Лундберг: Творчество, как спасение. — Г. Шпет: Философия Дякоберши. — Г. Шпет и А. Бачинский: Некоторые черты из представления Лосского о природе. — А. Бачинский и Г. Шпет: Фидеизм проф. Хвольсона.

Книги, вышедшие в 1916 году (рецензии):

Н. Самсонов: Фихте. Избранные сочинения. Т. I. — Г. Шпет: Юм. Исследование о человеческом уме. — Г. Шпет: Гилров. Руководство к изучению философии. — П. Блонский: Гуляев. Лекции по истории древней философии. — П. Блонский: Шилкарский. Типологический метод в истории философии. — Н. Самсонов: Нечаев. Теизм, как проблема разума. — П. Блонский: Деборши. Введение в философию диалектического материализма. (Автореферат): Шпет, История, как проблема логики. Ч. I. — Н. Самсонов: Г. И. Челпанову. Статьи по философии. — Е. Старышевский: Мянни. Главные направления древне-церковной мистики. — Е. Старышевский: Статьи по философии в журнале «Вопросы философии и психология» за 1916 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ.

Залевский, К. Национальный вопрос и Интернационал. II. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 115. Цена 1 р. 50 к.

Оглавление: Значение национального вопроса для пролетариата. — Национальный вопрос и Интернационал в прошлом. — Современная эпоха и национальный вопрос. — Империализм и национальные движения. — Эмансипация колоний. — Российская Империя. — Национальные движения и духовная культура. — Программа Интернационала в сфере национального вопроса. — Интернационал и национальные движения в России. — Возражения против постулата права народов на самоопределение. — Заключение.

Из заключения: «Возрождающемуся Интернационалу предстоит начертать на своем знамени, наряду с диктатурой пролетариата для завершения социалистического переворота —

Союз свободных народов, как конкретную форму этой диктатуры, и как неизбежный этап — право народов на самоопределение».

Ильин, В. (Н. Ленин). Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. II. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 271. Цена 4 р. 50 к.

Оглавление: Аграрная программа социал-демократии в русской революции (1907 г.). — Экономические основы и сущность аграрного переворота в России. — Аграрные программы Р. С. Д. Р. П. и их проверка революцией. — Теоретические основы национализации и муниципализации. — Политические и тактические соображения в вопросах аграрной программы. — Классы и партии по прежнему во второй Думе об аграрном вопросе. — Заключение. — Послесловие.

Из послесловия: «Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Петере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. В настоящее время революция поставила аграрный вопрос неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах гегерешней революции».

Ильин, В. Из истории социал-демократической аграрной программы (статья 1901—1906 годов). II. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 132. Цена 1 р. 75 к.

Оглавление: Рабочая партия и крестьянство (1901 г.). — Аграрная программа русской социал-демократии (1902 г.). — Пересмотр аграрной программы рабочей партии (1906 г.). — Аграрный вопрос на Стокгольмском съезде (1906 г. Апрель). — Приложение: Проекты программ внесенных на Стокг. Съезд, и принятая съездом программа.

Ильин, В. (Н. Ленин). Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки. II. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 104. Цена 2 р.

Из текста: «Передовая страна новейшего капитализма представляет особенные интересные изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции. Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране мира».

Ленин, Н. (В. Ульянов). Аграрный вопрос в России к концу 19-го века. II. — М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 80. Цена 1 р. 75 к.

Из предисловия: «Задача настоящей статьи — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском

сельском хозяйстве. Такая работа должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельско-хозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение 19 века и какие задачи завещала она 20 веку».

Каутский, К. Путь к власти. Перев. с нем. под ред. Н. Л. Мещерякова. М. «Воля». 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 50 к.

Оглавление: Предисловие автора.—Завоевание политической власти.—Предсказания революции.—Врастание в государство будущего.—Экономическое развитие и воля.—Ни революции во что бы то ни стало, ни законность во что бы то ни стало.—Рост революционных элементов.—Смягчение классовых противоречий.—Обострение классовых противоречий.—Новый век революций.

Из предисловия: «Новое рассмотрение вопроса о политической революции, о великих политических сдвигах, кажется мне, своевременным, как раз теперь, когда борьба против личного режима и вопросы государственного устройства интересуют весь мир. Современная ситуация и особенности ее задачи — это и стало главной темой настоящего сочинения».

Каутский, К. Экономическое учение Карла Маркса. Перев. И. М. Дебу. П. «Луч». 1918. Стр. 158. Цена 2 р. 60 к.

Книга представляет новое издание на русском языке известного изложения экономического учения Маркса. Книга делится на 3 отдела: I. Товар, деньги, капитал.—II. Прибавочная ценность.—III. Заработная плата и доход с капитала.

Маркс и Энгельс. Манифест коммунистической партии. С предисл. К. Каутского. Перев. П. Орловского. П. Изд. 3-е. «Жизнь и Знание». 1918.—Стр. 78. Цена 2 р.

Это новое издание на русском языке знаменитого Манифеста Коммунистической Партии, составленного Марксом и Энгельсом по поручению Лондонского конгресса коммунистов 1847 г. К манифесту приложен ряд объяснительных предисловий Маркса — Энгельса и К. Каутского.

Мещеряков, В. Аграрная программа русских социал-демократов (1883 — 1917). П. «Прибой». 1918. Стр. 58. Цена 1 р. 50 к.

Книга была написана еще до октябрьской революции, но ее печатание затянулось по техническим причинам. Она содержит и историю постепенного расхождения различных течений русских социалистических партий в вопросе об аграрной программе и обоснование позиций, занятой при этом расхождении большевиками.

Мещеряков, В. Национализация и социализация земли. П.—М. «Жизнь и Знание» 1918. Стр. 63. Цена 2 р.

Оглавление: I. Национализация земли у русских социал-демократов: На заре туманной юности.—Десятилетие годы.—«Искра» и программа 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П.—Аграрные лозунги социал-демократии в революции 1905 — 1906 гг.—Национализация земли на 4-ом съезде Р. С.-Д. Р. П.—Между двумя революциями (1907—1917).—Победа второй русской революции (1917 г.).—II. Земельное законодательство большевистского правительства: Декрет о земле и закон о социализации земли.—III. Марксизм и социализация земли.

Памяти Карла Маркса. 5 мая 1818—5 мая 1918 г. Сборник статей: Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Левина, Р. Люксембург, Ф. Меринга, П. Орловского, Г. Роланд-Гольст, Ю. Стеклова. С предисл. Г. Зиновьева, с портр. Карла Маркса. П. Изд. П. С. Р. и К. Д.: 1918. Стр: 187. Цена 3 р.

Оглавление: Жизнь и деятельность Карла Маркса.—От демократизма к социализму.—Маркс и Энгельс.—Марксизм и ревизионизм.—Памяти Карла Маркса.—К истории марксизма в России.—Маркс и пролетариат в буржуазной революции.—Маркс в эмиграции.

Из предисловия: «Этот сборник статей выпущен был нами в 1908 году к 25-летию со дня смерти Карла Маркса, но был тогда немедленно конфискован царской полицией. Переиздавая этот сборник сейчас, мы вычеркнули из него несколько статей: это—статьи, принадлежащие литераторам, которые ушли из рядов социалистов-интернационалистов. В нынешнее издание сборника входит только одна новая статья: начало биографии Маркса, написанной Фр. Мерингом».

Энгельс, Ф. Принципы коммунизма. (Первоначальный проект «Коммунистического Манифеста»). Перев. Г. Сафарова. Под ред. Г. Зиновьева. П. «Прибой». 1917. Стр. 31. Цена 30 к.

Из предисловия: «Это произведение не столь обстоятельно, как «Коммунистический Манифест», но более вдается в частности и, благодаря этому, а также и благодаря обработке содержания в форме вопросов и ответов, становится более понятным читателю, не вполне проникшему в мир социалистических идей. И вместе с тем от этого оно не становится менее научно продуманным. С полным правом можно назвать его популяризацией основных идей Коммунистического Манифеста, и в то же время оно служит ценным дополнением этого гениального произведения».

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. (По Моргану). Перев. И. М. Дебу. П. «Луч». 1918. Стр. 87. Цена 1 р. 60 к.

Оглавление: Введение. — Доисторические культурные периоды.—Семья.—Род у приматов.—Преческий род.—Образование афинского государства.—Римский род и римское государство.—Род у кельтов и германцев.—Образование немецкого государства.—Варварство и цивилизация.

Новое русское издание известного труда Энгельса, в котором автор, воспользовавшись критическими заметками Маркса к сочинению Морганна, приложил материалистическую точку зрения к исследованию вопроса о проис-

хождения семьи, частной собственности и государства.

ИСТОРИЯ.

Владимиров, Л. Война и Балканы. Под ред. М. Н. Понуровского. П. Изд. газ. «Новая Жизнь». 1918. Стр. 92. Цена 2 р.

Оглавление: Социально-политический уклад Балканских стран. — Европейский капитал и Балканы. — Социалистическое движение на Балканах. — Эволюция балканского вопроса. — Европейская война и Балканы.

Каутский, К. Карл Маркс и его историческое значение. Перев. под ред. Д. Рязанова. П. 2-ое изд. Изд. Петрогр. Совета Раб. и Солд. Деп. 1918. Стр. 43. Цена 1 р. 25 к.

Оглавление: Предисловие. — Введение. — Синтез естественных и общественных наук. — Маркс и Энгельс. — Синтез английской, французской и немецкой мысли. — Соединение рабочего движения с социализмом. — Синтез теории и практики.

Из предисловия: «То, что я предлагаю, не является панкетиром Марксу... Я скорее ставлю себе целью облегчить понимание того, что Маркс дал миру... Предлагаемая работа является не только глазой из истории нашей партии, она хочет внести также лепту и в решение современных вопросов».

Нерженцев, В. Англия и англичане. Очерки современной Англии. П. «Социалист». 1918. Стр. 156. Цена 3 р. 50 к.

Из рецензии: «Здесь автор дает ряд картин прошлой жизни Англии, выясняя происхождение того или иного учреждения и обильно сопровождая изложение цифрами. Перед читателем проходит и английский город, берущий 78 проц. населения, и английская деревня, в которой за последнее время замечалась абсолютная убыль площади поговов. Далее читатель в ряде очерков знакомится с государственным строем, политическими партиями, правами прелата, местным самоуправлением, образованием, английским рабочим движением и т. п.» (Ст. Кривцов. «Рабочий Мир», 1918. № 1).

Мендельсон, С. Парижская коммуна 18 марта. Ее происхождение и значение. Пер. с нем. П. «Пролетарская Мысль». 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 40 к.

Оглавление: Последние годы Империи. — Время от битвы при Седане до 18 марта. — Центральный Комитет. — Принципиальное значение Коммуны. — Итоги деятельности Коммуны.

Из текста: «Руки» должны были доказать, что у них есть также головы. Коммуна терпела рабочему классу государственную власть и дала ему, таким образом, возможность доказать, что он является классом, способным управлять страной. Этого одного обстоятельства достаточно, чтобы признать за Коммуной выдающееся значение: уже благодаря одному ему история Коммуны является крайне важной страницей в истории стремящегося к свободе человечества».

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Militarism, militarism и война 1914—1918 гг. (Военные бюджеты и военные силы европейских госу-

дарств накануне войны). М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 128. Цена 2 р. 65 к.

Оглавление: Вместо предисловия. — Военные бюджеты европейских государств накануне войны. — Военная подготовка и военные силы европейских государств накануне войны. — Militarism и militarism. — Militarism. — Морские вооружения европейских государств.

Из предисловия: «В течение последних десятилетий, а в особенности с наступления XX столетия военные расходы во всех европейских государствах растут со сказочной быстротой. Все государства одно за другим втягиваются в какой-то заколдованный круг, в котором одно звено связано с другим, и где расходы одного государства немедленно вызывают соответствующее финансовое напряжение в целом ряде других государств. В предлагаемой работе автор изучает вопрос о милитаризации бюджетов и политике вооружения мира накануне войны».

Рязанов, Д. Две правды. Народничество и марксизм. (Очерк из истории русской интеллигенции). П. Изд. 3-е. Изд-ство П. С. Р. и С. Д. 1918. Стр. 76. Цена 90 к.

Из предисловия: «Представляет ли русский марксизм продукт «чуждаемого творчества» или, наоборот, такое же необходимое звено в развитии русской общественной мысли, как и народничество 70-х годов? Является ли он «отказом от наследства 70-х годов» или, наоборот, переработкой его и дальнейшим развитием «основной тенденции» революционного народничества? Ответ на эти вопросы я старался дать в своей брошюре».

Степлов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 115. Цена 3 р. 50 к.

Оглавление: Годы подготовки. — Выработка нового мировоззрения. — Революция 1848—1849 года. — Период реакции. — Интернационал. — Содействие социалистическому движению в отдельных странах. — Из личной жизни Маркса. — Значение Маркса в науке.

Книга содержит обстоятельно, живо написанный очерк жизни и деятельности К. Маркса.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Кирик Левин, А. И. Герцен. Личность. Идеология. М. «Девяница». 1918. Стр. 228. Цена 6 руб.

Оглавление: Предисловие. — Личность А. И. Герцена. — Мораль. — Любовь. — Философия, история. — Педагогические идеи. — Политические идеи. — Польский вопрос. — Ставлянофильство и западничество. — Социализм. — Тактика.

Из предисловия: «Герцен уже более не пророк и не апостол. Герцен — просто история, наше прошлое объект для изучения... Задача этой книги — дать общий очерк идеологии А. И. Герцена. В своем изложении я стремился к полному беспристрастию. В моей книге нашли отражение не только основные взгляды А. И. Герцена, но и противоречия им положения, которые были отчасти плодом увлечения, отчасти результатом эволюции в мировоззрении знаменитого публициста».

Чуковский, К. Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмэн. II. «Парус», 1918. Стр. 153. Цена 4 р. 50 к.

Оглавление: От автора.—Уот Уитмэн (критико-бюлл. статья).—Стихи Уота Уитмэна.—Пети Адама.—Джор.—Разные стихотворения.—Русское об Уитмэне.—Послесловие Луначарского.

Из предисловия: «Почти все стихотворения Уитмэна предлагаются здесь в новом переводе. Думаю, что книжка моя своевременна. Мы можем не любить Уота Уитмэна, но мы должны его знать. Европа уже давно ввела его в свой обиход. Особенно во Франции за последние годы утвердился культ его духа. Я верю, что американскому барду суждено сыграть и в нашей поэзии ту же огромную роль».

Из послесловия: «Мощь и грандиозная красота уитмэнэзма замалчивается в коммунизме, коллективизме».

ИСКУССТВО.

Жюльен Тьерсо. Празднества и песни французской революции. II. «Парус», 1918. Стр. 254. Цена 4 р.

Оглавление: Предисловие. I. Восемьдесят девятый год. II. Праздник Федерации. III. Пореволюционные торжества: Триумф Вольтера.—Празднование Конституции. IV. Десятилетие второй год: Отечество в опасности.—Песня. V. Десятилетие третий год.—Празднества в честь разума.—Песни победы. VI. Праздник в честь Верховного Существа. VII. Республиканское искусство во II г.—Походная песня. VIII. От 9-го термидора к 18-му брюмера. IX. Консулат.—Союз национальных празднеств.

Из предисловия: «Книга эта является результатом почти тридцатилетних исследований и размышлений... Так как мысли мои были вечно заняты музыкой, то главной задачей я и поставил себе выяснение роли в торжественных церемониях именно этого искусства... Наблюдая, обобщая свои наблюдения... я пытался выяснить, не могут ли музыка, с одной стороны, и народный дух, с другой, извлечь обоюдную пользу из взаимного проникновения, а главное, не сможет ли современное искусство, или, вернее, искусство будущего, стать на твердую почву, если будет черпать свое вдохновение в идеалах, победных идеалах творцов Революции».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Владимирцев, Т. Михаил Шляев. (Записки охотника). II. «Земля», 1918. Стр. 220. Цена 5 р.

Из предисловия: «В предлагаемой повести нет ни одного выдуманного факта. Все, изложенное в «Михаиле Шляеве», имело место в действительности. Ири малолетний внешне глядя фактов и взял на свою ответственность только последовательность фактов и, конечно, их освещение: в этом отношении я не мог быть объективным».

Гастев, А. (И. Дозоров). Поэзия рабочего удара. II. Изд. «Пролеткульт». 1918. Стр. 156. Цена 2 р.

Из предисловия: «Пролеткульт взял на себя задачу собирать, объединять пролетарское творчество... Работу эту начинаем мы, выпуская «Поэзию рабочего удара» Алексея Гастева».

О книге Гастева см. Литер. отд., стр.

Горький, М. Русские сказки. II. «Парус», 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 75 к.

«Русские сказки» — это сказкие очерки, в сатирической форме касающиеся как частных сторон русской жизни последних лет, так и более широких социально-политических тем, связанных с революцией».

Демьян Бедный. Всяк Времей про себя разумеи. Пролетарские басни. С рисунками худ. А. З. П. «Прибой», 1917. Стр. 60. Цена 75 к.

Оглавление: Монголия.—Тофута Мудрый.—Пшпы.—Ловля гусей.—Пушка и соха.—Крошечное.—Лапоть и сапог.—Хозяин.—Ковь и хозяин.—«Благодетель».—Зараза.—Предпраздничное.—Натые времена.—Шаук, муха и пчела.—Социал-защиты.—Благотворитель.—Гастролер.—«Натуралист».—Осли.—Кушидола.—Патриотка своего двора.—Катавасия.—Урожай.—Утешитель.—Слово на питье.—Эпитимия.

Демьян Бедный. В огненном кольце. М. «Прибой», 1918. Стр. 48. Цена 1 р.

Оглавление: Молодяк.—Темлота.—Птицеловы.—Псой.—Грешник.—Толкователи.—Лугерья.—Голодская тень.—Предостережение.—У господ на елке.—Горькая правда.—Малы.—Мой стих.—Работнице.—Батрацкая песня.—Песня деда Софрона.—Лед Софрон на завалинке.—Довицья песня.—Казачья песня.—Трудовое войско.—Революционный гудок.—Братьям.—Коммунистическая марсельеза.—Не забывайте клятвы.—В огненном кольце.

Демьян Бедный. Земля обетованная. М. изд. «Волна», 1918. Стр. 32. Цена 75 к.

Из рецензии: «Автору пришла удачная мысль взять сходный по обстановке момент народного движения из Ветхого Завета и модифицировать кое-какие детали библейского сказания на современный манер. Так Моисей, революционный вождь народа израильского, превращается в большевика. В минуты безверия и апатии полезно прочесть эту яркую, бодрящую, остроумную сатиру («Правда», № 93, 1918).

Демьян Бедный. О попе Панкрате, о теще Домне и явленной иконе в Коломне. М. Кн-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. С. Р., С. Кр. и Каз. Деп. 1918. Стр. 32. Цена 1 р.

Из рецензии: «Этой весной в Коломне об-явилось «чудо»: гадкая-то баба на духу открыла местопребывание чудотворной иконы. Как такие штуки подстраиваются, это и рассказывает талантливый сатирик в язвительных, остроумных стихах... «Повесть» иллюстрирована типичными мелкими рисунками». («Веч. Изв. С. Р. и К. Д.», 1918, № 12)

Демьян Бедный. Про землю, про вотю, про рабочую долю. Повесть в 2-х частях. С рис. худ. А. З. П. «Прибой» 1918. Стр. 128. Цена 2 р., 25 к.

— Эта сатирическая повесть рисует разруху, внесенную войной в жизнь дореволюцион-

ной деревни, различные уродства дореволюционной русской действительности, деятельность правительства Керенского. Изложение перемежается баснями, лирическими стихотворениями, «песнями».

Красный звон. Стихи С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешкина, А. Ширяева. Со вступительной статьей Иванова-Разумника. П. «Революционная мысль». 1918. Стр. 95. Цена 4 р.

В книге собраны стихи четырех поэтов крестьян, посвященные тяжелой доле народных масс перед революцией и самой революцией.

Ада Негри. Стихи. Предисловие В. М. Фриче, М. «Денница». 1918. Стр. 45. Цена 1 р. 50 к.

Из предисловия: «Дитя народа, Ада Негри стала, естественно, поэтессой народа... В стихах Ады Негри бьется... сердце всех угнетенных, слышится печаль всех обездоленных. Ее песни — плач над тяжелой долей труда».

Орешин, П. Зарво. Стихи. П. «Революционный социализм». 1918. Стр. 92. П. 3 р.

См. Литерат. отд., стр.

Уэллс, Г. Мистер Бриглинг и война. Ром.

Авториз. пер. с англ. М. Лидмардоуло. П. «Парус». 1918. Стр. 387. Цена 7 р.

Роман изображает вторжение ужаса войны в атмосферу самодовольного мещанства современной культурной Англии, выразителем которого является для автора мист. Бриглинг — третьестепенный английский писатель.

Шевченко, Т. Запретный Кобзарь. В переводах собрал П. А. Белоусов. М. «Грань». 1918. Стр. 79. Цена 2 р.

Из предисловия: «Настоящее издание переводов произведений Т. Г. Шевченко является дополнением ко всему тому, что до сих пор времени переводилось из «Кобзаря». В него вошли только переводы произведений Шевченко ни разу не бывшие в печати, или же те, которые ранее печатались с цензурными изменениями и пропусками».

Шишков, В. Тайга. Повесть. П. «Парус». 1918. Стр. 158. Цена 3 р. 50 к.

В этой повести автор живо рисует своеобразную жизнь затерянной в тайге сибирской деревни Кедровки, где «все было по своему, по-таежному; и своя правда была — особая, и свои преихи — особые, и люди в ней были другие». (Из повести).

Редакционная коллегия:

Л. Б. Каменевъ, Б. Ф. Малкинъ, В. А. Кряжинъ.

„ВЕСТНИК ЖИЗНИ“.

Итоги науки, социологии.
литературы, искусства, жизни.

Двухнедельный журнал

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

*Л. Б. Каменева, Б. Ф. Малкина, В. А.
Кряжина.*

Издание Издательства Всеросс. Ц. И. К. Сов. Р.,
С., Кр. и Каз. Деп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Театральная площадь, 2-ой
Дом Совета (б. „Метрополь“), кв. 21.

Прием по делам Редакции ежедневно от 2—7 ч. веч.;
по делам Конторы от 10—4 ч. дня.

Редакция ж-ла „ВЕСТНИК ЖИЗНИ“
просит все газеты, журналы и изда-
тельства присылать ей все свои изда-
ния для отзыва и в обмен.

Цена 5 руб.